

V $\frac{199}{932}$

У 199
932

МАРІЯ КОНОПНИЦКАЯ.

ИСТОРИЯ
О
ГНОМАХЪ
И
О сироткѣ Марисѣ.

Съ польскаго перевелъ
В. М. ЛАВРОВЪ.

Съ 69 рисунками.

2-е изданіе редакціи журнала
„Юная Россія“.

Москва, В. Молчановка, д. № 18.

МАРІЯ КОНОПНИЦКАЯ.

199
932

ИСТОРИЯ

О

ГНОМАХЪ

И

О СИРОТКЪ МАРИСЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

В. М. ЛАВРОВА.

О. О. У. К. М. Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки низш. учебн.
завед. (отн. № 8216 отъ 14 Іюля 1905 г.).

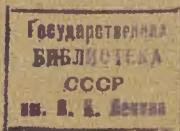
2-Е ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„ЮНАЯ РОССИЯ“.

МОСКВА, Б. Молчановка, домъ № 18.

2007064858

34478-53

МОСКВА.—1916.

Типографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла,
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ,
Телефонъ 18—35,

казка это, иль не сказка
А слышали всѣ давно мы,
—Хочешь вѣрить, иль не вѣрить,—
Что живутъ на свѣтѣ гномы.

Удивительный народецъ!
Сотня—спрячется въ карманѣ,—
Всѣ подробности, конечно,
Вы узнаете отъ няни.

На горахъ, въ ущельяхъ, въ ямахъ,
То въ печуркѣ иль въ каморкѣ,
Засѣдаютъ важно гномы
Въ каждой малой мышьей норкѣ.

Подъ каминомъ, подъ порогомъ,
Всюду встрѣтите ихъ смѣло;
Тотъ присматриваетъ въ кухнѣ,
Чтобъ жаркое не сгорѣло,—

Тотъ кусочекъ стащить сала,
Или сахарную пѣнку,
Тотъ подниметъ крошку хлѣба,
Что падетъ вамъ на колѣнку;

Тотъ бичомъ въ конюшнѣ щелкнетъ,
Тотъ конямъ сплетаетъ гриву,
Дѣтямъ сказываетъ сказки, —
Поневолѣ дашься диву!

Прошмыгнетъ повсюду тѣню,
Словно зернышко гороха,
Отъ него не открестишься, —
Ловокъ маленькій пройдоха!

Впрочемъ, вѣрьте иль не вѣрьте, —
Дѣло въ правдѣ, не въ обманѣ, —
А живутъ ли въ мірѣ гномы, —
Вы спросите-ка у няни.

Какъ придворный лѣтописецъ короля Огонька распознавалъ весну.

I.

Зима была такъ тяжела и длинна, что всемилостивый Огонекъ, король гномовъ, примерзъ къ своему трону. Сѣдая его голова сдѣлалась серебряною отъ инея, у бороды висѣли ледяныя сосульки, брови казались грозными и свирѣпыми; въ коронѣ, вмѣсто жемчужинъ искрились капли замерзшей росы, а паръ отъ дыханія осѣдалъ снѣгомъ на кристалльных стѣнахъ его горной пещеры. Вѣрные подданные короля, юркіе гномы, кутались, какъ могли, въ свои красныя плащи и нахлобучивали большіе капюшоны. Многіе изъ нихъ соорудили себѣ шубы и тулупы изъ зеленыхъ и коричневыхъ мховъ, собранныхъ въ лѣсу еще осенью, изъ еловыхъ шишекъ, изъ древесной коры, изъ бѣличьяго пуха, и даже изъ перышекъ, которыя обронили птицы, когда летѣли за море.

Но король Огонекъ не могъ одѣваться такъ бѣдно и такъ просто. Зимой и лѣтомъ онъ долженъ былъ носить пурпурную одежду, которая такъ долго служила королямъ гномовъ, что была уже порядочно потерта, и вѣтеръ свободно проходилъ черезъ нее. Положимъ, эта одежда, даже въ то время, когда была нова, не отличалась особенной теплотою, — сотканная изъ паутины тѣхъ красныхъ паучковъ, что весною снуютъ по грядкамъ, она толщиною своею не превосходила маковаго лепестка.

И вотъ бѣдный королевекъ страшно дрожалъ, постоянно отогрѣвая дыханіемъ свои руки, которыя такъ заоченѣли, что онъ даже и скипетра удержать въ нихъ не могъ.

Извѣстно всѣмъ, что въ кристалльномъ дворцѣ огня зажигать нельзя. Какъ такъ? Все потрескалось бы, — и полы, и стѣны.

Вотъ и грѣлся король Огонекъ при блескѣ золота и серебра, при лучахъ брилліантовъ, величиною въ яйцо жаворонка, при радугахъ, которыя лучъ дневнаго свѣта зажигалъ въ кристалльных стѣнахъ тронной залы, при искрахъ, сыплющихся отъ длинныхъ мечей, которыми размахивали гномы, какъ по прирожденной храбрости, такъ и для того, чтобъ отогрѣться. Тѣмъ не менѣе, тепла отъ всего этого было очень мало, такъ мало, что бѣдный старый король, въ ожиданіи весны, щелкалъ зубами, которые еще оставались у него.

— Подберезникъ, — сказалъ онъ одному изъ дворянъ, — слуга мой вѣрный! Выгляни на свѣтъ, не идетъ ли весна?

Подберезникъ покорно отвѣтилъ:

— Король и господинъ! Для меня еще время не наступило, до тѣхъ поръ, пока крапива не начнетъ зеленѣть подъ крестьянскимъ плетнемъ. А до того еще далеко!...

Покачалъ король головою, а черезъ минуту вновь сдѣлалъ знакъ рукою и проговорилъ:

— Синичка! Можетъ-быть, ты выглянешь?

Но Синичкѣ не хотѣлось выставлятъ на морозъ носа. И она тогда отвѣтила:

— Король и господинъ! Не настала еще моя пора, до тѣхъ поръ, пока трясогузка не зачирикаетъ. А до того еще далеко!...

Король помолчалъ немного, но такъ какъ холодъ очень сильно допекалъ его, то снова заговорилъ:

— Божья Коровка, слуга мой! Можетъ-быть, ты выглянешь?

Но и Божьей Коровкѣ тоже не хотѣлось выходить на морозъ и вьюгу. И онъ поклонился и отвѣтилъ:

— Король и господинъ! И мнѣ пора не наступила, пока подъ засохшимъ листкомъ не пробудится мушка. А до того еще очень далеко!...

Король опустилъ голову на грудь и вздохнулъ, да такъ, что отъ этого вздоха поднялся снѣжный туманъ и съ минуту въ гортѣ ничего не было видно.

Прошла недѣля, прошли двѣ недѣли, но однажды утромъ сдѣлалось какъ-то особенно ясно, а съ ледяныхъ сосулекъ на королевской бородѣ начала капать вода.

Въ волосахъ его снѣгъ тоже началъ таять, а иней опадалъ съ королевскихъ бровей, и замерзшія капли, висящія на усахъ, сплывали, словно слезы.

Иней тотчасъ же сталъ опадать со стѣнъ, а ледъ на нихъ трескался съ такимъ грохотомъ, какъ при пробужденіи Вислы. Въ комнатѣ образовалась такая сырость, что всѣ дворяне, съ королемъ вмѣстѣ, чихали, словно изъ пушки.

А нужно знать, что носы у гномовъ не маленькіе.

Самъ-то народъ не рослый: когда гномъ увидить крестьянскій сапогъ, то остановится, разинетъ ротъ и дивится, все думаетъ, что это ратуша. А когда влѣзетъ въ куриный садокъ, то спрашиваетъ: «что это за городъ такой, и какъ тутъ добратся до заставы?» А если свалится въ большую кружку, то пищить: «Крауль! Я тону въ колодцѣ!»

Вотъ какая они мелочь!...

А носы у нихъ на славу, такъ что любому органисту лучшаго не нужно, для того, чтобы табакъ нюхать. И вотъ они всѣ чихаютъ, такъ что земля трясется, и желаютъ добраго здоровья королю и другъ другу.

Бхаль въ это время мужикъ въ лѣсъ за дровами, услыхаль это чиханье и сказалъ:

— Ого, гремитъ! Сломала себѣ зима шею! (Онъ подумаль, что это весенній громъ). Мужикъ тотчасъ же повернулъ лошадь къ корчмѣ, чтобъ не тратить денегъ понапрасну на дрова, и просидѣлъ тамъ до вечера, разсчитывая и раздумывая, что и когда ему дѣлать, чтобы на все хватило времени.

Тѣмъ временемъ оттепель благополучно продолжалась. Къ полудню у всѣхъ гномовъ оттаяли усы.

Тогда они начали держать совѣтъ, кого бы имъ выслать на землю, убѣдиться, дѣйствительно ли наступила весна.

Но король Огонекъ стукнулъ своимъ золотымъ скипетромъ и сказалъ:

— Нашъ ученый лѣтописецъ Чепухинскій-Вздорный отправится посмотрѣть, пришла ли весна.

— Мудро королевское слово! — закричали гномы, и всѣ очи обратились на ученаго Чепухинскаго-Вздорнаго.

Тотъ, по обыкновенію, сидѣлъ надъ огромной книгою, въ которую записывалъ все, что съ древнѣйшихъ временъ случилось въ государствѣ гномовъ, — откуда они взялись, какіе у нихъ были короли, какія войны они вели, и съ какимъ успѣхомъ.

Что онъ видѣлъ, что слышалъ, то записывалъ вѣрно, а чего не видалъ и не слышалъ, то выдумывалъ такъ превосходно, что при чтеніи этой книги сердца у всѣхъ преисполнялись радостью.

Онъ первый доказалъ, что гномы, не болѣе пяти вышиною, собственно говоря, гиганты, которые нарочно скрючиваются, чтобы у нихъ меньше выходило сукна на кафтаны и плащи, потому что теперь все стало дорого.

Гномы такъ гордились своимъ лѣтописцемъ, что если кто найдетъ какую-нибудь травку, то сейчасъ же сплететъ вѣнецъ и возложитъ ему на главу. Эти вѣнцы вытерли остатки его рѣдкихъ волосъ, и его голова была гола, словно колѣно.

II.

Чепухинскій-Вздорный тотчасъ же началъ собираться въ экспедицію. Сдѣлавъ онъ себѣ цѣлый штофъ самыхъ черныхъ чернилъ, потомъ очинилъ большое гусиное перо, которое, по милости его тяжести, долженъ былъ нести на плечѣ, на подобіе карабина; приторочилъ къ спинѣ свои огромныя книги, подпоясалъ плащъ ремнемъ, на голову надѣлъ капюшонъ, на ноги лапти.

закурилъ длинную трубку и предсталъ совѣмъ готовый въ дорогу.

Вѣрные товарищи трогательно начали прощаться съ ученымъ Чепухинскимъ, опасаясь, не встрѣтитъ ли его на землѣ какое-нибудь опасное приключеніе, да и вообще, увидятъ ли они когда-нибудь его вновь.

Самъ милостивый король Огонекъ съ минуту продержалъ его въ своихъ объятіяхъ, потому что очень цѣнили Чепухинскаго. Вздорнаго за его ученость, но двинуться съ мѣста не могъ, его платье совѣмъ примерзло къ трону.

Съ высоты своего величія онъ только простеръ свой скипетръ надъ ученымъ мужемъ, а когда тотъ цѣловалъ королевскую длань, по королевскому лицу скатилось нѣсколько свѣтлыхъ жемчужинъ и со стукомъ упали на кристалльный полъ. То были замерзшія слезы добраго короля. Казнохранитель государства, Грошникъ, тотчасъ же подобралъ ихъ и, вложивъ въ драгоценную шкатулку, отнесъ въ казнохранилище.

Ученый Чепухинскій возился цѣлый день, прежде чѣмъ выйти изъ грота на землю. Дорога была крутая, переплетенная корнями вѣковыхъ дубовъ; обломки скалы, щебень и камешки вырывались изъ-подъ его ногъ и съ глухимъ шумомъ летѣли куда-то на дно пропасти; замерзшіе водопады свѣтились, какъ глыбы льда. Ученый путешественникъ скользилъ по ихъ поверхности въ своихъ ладтяхъ и только съ величайшими усиліями могъ подниматься кверху.

Къ довершенію несчастія, онъ не захватилъ съ собою никакого подкрѣпленія; таща огромныя книги, большую чернильницу и большое перо, онъ уже не могъ нести ничего другого.

Чепухинскій-Вздорный совѣмъ бы лишился силъ, если бы не напалъ на хозяйственный домъ нѣкаго предусмотрительнаго хомяка.

Хомякъ обладалъ полнымъ амбаромъ разнаго зерна и буковыхъ орѣшковъ, и не только кое-что удѣлилъ проголодавшемуся путнику, но даже позволилъ ему отдохнуть на сѣнѣ, которымъ быть устланъ весь его домъ, съ условіемъ, чтобъ объ этомъ не узнали въ деревнѣ.

— Тамъ, — пояснилъ онъ, — такіе озорники мальчишки, что если бы узнали обо мнѣ, то я ни на минуту не зналъ бы покоя.

Чепухинскій-Вздорный съ признательностью покинулъ домъ гостепріимнаго хомяка.

Теперь онъ шелъ веселый и радостный, поглядывая изъ-подъ темнаго капюшона на мужицкія поля, на луга и на лѣса. Показывалась уже щетка молодыхъ хлѣбовъ и неудержимо рвалась на поверхность земли; уже молодая травка начала выглядывать околю влажныхъ ямокъ; уже надъ полнымъ ручьемъ закраснѣлись вѣтки лозины, а въ тихомъ, мглистомъ воздухѣ были слышны крики журавлей, летящихъ гдѣ-то высоко, высоко.

Всякій другой гномъ по этимъ признакамъ понялъ бы, что весна уже близко, но Чепухинскій-Вздорный съ молодыхъ лѣтъ былъ такъ погруженъ въ свои книги, что кромѣ нихъ не видалъ ничего въ свѣтѣ, и ни въ чемъ не понималъ рѣшительно никакого толку.

Но и у него въ сѣрдцѣ была такая непонятная радость, такая бодрость, что онъ ни съ того, ни съ сего началъ размахивать своимъ перомъ и напѣвать извѣстную старинную пѣсню:

. Всѣ печали по затылку

Ставь на столъ еще бутылку...

Но не успѣлъ онъ пропѣть и половины куплета, какъ вдругъ слышалъ стрекотанье стайки воробьевъ на плетнѣ, огораживающемъ поле. Онъ сразу оборвалъ свою пѣсенку, что бы не браться со всякою дрянью, наморщилъ чело и пошелъ впередъ, дабы эта голытьба вѣдала, что будучи ученымъ мужемъ, онъ не станетъ водить компаніи съ какими-нибудь воробьями.

А такъ какъ и деревня была уже на виду, то онъ сошелъ на межу, гдѣ будылки прошлагодняго бурьяна почти совсѣмъ скрыли его, и незамѣченный никѣмъ, дошелъ до первой избушки.

Деревня была большая, широко раскинувшаяся среди пока еще почернѣвшихъ и безлиственныхъ садовъ, а послѣднія жилища почти совсѣмъ подходили къ темной стѣнѣ густого сосноваго лѣса.

Хаты были зажиточныя, свѣже-выбѣленные, изъ трубъ вылеталъ синій дымъ, на дворахъ скрипѣли колодезные журавли, работ-

ники поили коней и мычащихъ коровъ, а кучки дѣтей съ шумомъ играли на обсаженной тополями дорогѣ.

Но надо всѣмъ этимъ цариль стукъ молота и лязгъ желѣза въ сосѣдней кузницѣ, передъ которой стояла кучка причитающихъ бабъ. Завидѣвъ ихъ, Чепухинскій-Вздорный началъ осторожно прокрадываться вдоль плетня, остановился за кустомъ терновника и сталъ прислушиваться.

— Ахъ, злодѣй, ахъ разбойникъ! — говорила одна баба. — Если онъ уже къ кузнецу въ курятникъ пробраться не побоялся, то отъ него никакой курицы не спрячешь.

— Курица! — воскликнула другая. — То не курица была, а золото! Изъ дня въ день несла яйца, да какія! въ мой кулакъ. Во всей деревнѣ другой такой нѣтъ.

Послышался еще чей-то голюсъ:

— А моего пѣтуха кто задушилъ? Не его это дѣльце? Какъ я только увидала растрепанныя перья, такъ съ горя чуть съ ногъ не свалилась. Пяти злотыхъ не взяла бы за него.

Первая перебила ее:

— А что за предатель, что за палачъ! А какая сила у него въ когтяхъ! Если бъ вы видѣли, какую онъ яму вырылъ подъ курятникомъ. Мужикъ и лопатой лучше не сдѣлаетъ. И никакого средства нѣтъ противъ этого разбойника!

Въ это время изъ кузницы выбѣжала кузнечиха, безъ кафтана, и, не обращая вниманія на холодъ, остановилась у порога, положила къ глазамъ фартукъ и съ громкимъ плачемъ заголосила:

— Хохлаточки вы мои милыя! Пѣтушки вы мои золотистые! Что я теперь безъ васъ дѣлать буду, сирота я несчастная!...

Чепухинскій-Вздорный дивился этому горю, прислушиваясь то однимъ ухомъ, то другимъ, потому что никакъ не могъ сразу понять, въ чемъ заключалось дѣло. Но вдругъ онъ щелкнулъ себя пальцемъ по лбу, потомъ усѣлся подъ плетнемъ среди бурьяна, откупорилъ чернильницу, омочилъ въ ней перо, и, открывъ свою огромную книгу, началъ заносить въ нее такія слова:

. . . . «На второй день моего путешествія я зашелъ въ несчастную страну, на которую напали татары, избили, передушили,

или увели въ плѣнъ всѣхъ куръ и пѣтуховъ. Вслѣдствіе этого кузнецъ куетъ мечи для предстоящей битвы, а передъ кузницей раздаётся плачь и ропотъ».

Онъ еще дописывалъ эти слова, когда на порогѣ кузницы показался кузнецъ и гаркнулъ басомъ:

— Развѣ хныканья вамъ помогутъ? Тутъ нужно взять горшокъ съ угольями и выкурить этого негодяя изъ логовища дымомъ. Извѣстная вещь, что лисъ сидитъ въ ямѣ подъ лѣсомъ. Ясекъ, поскорѣе! Стахъ, чтобъ одна нога здѣсь, другая тамъ! — собрать ребятшекъ и съ лопатами на него. А ты, мать, не плачь, а только горшокъ съ угольями готовь. Я и самъ пошелъ бы, да работа спѣшная.

И онъ тотчасъ же съ порога возвратился въ кузницу, и лязгъ желѣза послышался снова.

Но двое кузнечать, покинувъ мѣхи, бѣжали по деревнѣ и кричали: на лиса! на лиса!

Потомъ и бабы потянули къ хатамъ снаряжать экспедицію.

Тогда, внимательный ко всему, Чепухинскій-Вздорный, снова омочилъ въ чернильницу свое перо и вписалъ въ книгу слѣдующія слова:

«Надъ татарами царить неустрашимый вождь и ханъ, который именуется Великимъ Лисомъ, а скрывается онъ въ лѣсныхъ норахъ, откуда мѣстное населеніе намѣревается выкурить его пущечнымъ дымомъ».

Едва ученый гѣтописецъ успѣлъ записать это, какъ до него долетѣли отголоски ужаснѣйшаго шума. Смотритъ онъ, а на него валитъ громада бабъ, дѣтей и подростковъ съ лопатами, съ палками, съ горшками, а за толпою, подвизгивая, скачутъ разные «Жучки» и «Хватаи». Еще разъ Чепухинскій-Вздорный омочилъ перо и приписалъ къ своей хроникѣ слѣдующее:

«Въ этой странѣ на войну съ татарами ходятъ не мужики, а бабы, мальчишки и подростки; во время марша на непріятеля войско это учиняетъ страшный шумъ, бѣгомъ стремясь вдоль деревни. а за главною арміею полчище остервенѣлыхъ псовъ своимъ лаемъ придаютъ ей еще большее мужество для предстоящаго боя».

Сіе видѣлъ собственными очами и скрѣпяю собственной подписью.

«Тутъ онъ наклонилъ голову, прижмурилъ лѣвый глазъ и, подписавъ съ краю листа: «Чепухинскій-Вздорный, Придворный Историкъ Его Величества Короля Огонька», — украсилъ это широкимъ и искуснымъ росчеркомъ.

Тѣмъ временемъ съ другой стороны плетня до него долетѣлъ дымокъ мозжевельника, который въ особенности милъ гномамъ. Потянулъ, вдохнулъ его Чепухинскій-Вздорный своимъ огромнымъ носомъ разъ, потянулъ другой, и, раздвинувъ хворостъ, началъ смотрѣть, откуда выходитъ этотъ дымокъ. И вотъ, у лѣса онъ увидалъ синій, выющийся шнурокъ, а когда хорошенько протеръ очки, то различилъ въ полѣ небольшой костеръ и пастуховъ, сидящихъ вокругъ него.

Добрый гномъ страшно любилъ дѣтей; онъ пустился къ костру напрямикъ паровымъ полемъ, направляясь прямо на этотъ дымокъ и потѣшно перескакивая черезъ борозды.

Пастушонки удивились, увидавъ маленькаго человѣчка въ дорожной одеждѣ, подпоясанной ремнемъ, съ капюшономъ, съ книгой подъ мышкою и съ перомъ на плечѣ.

Юзикъ Срокачъ тотчасъ же толкнулъ въ бокъ Стаха Шафарчика и, показывая пальцемъ на этого человѣка, щепнулъ:

— Гномъ!

А Чепухинскій-Вздорный былъ уже близко и ласково улыбался дѣтямъ, кивая головой.

Дѣти широко раскрыли ротъ и съ любопытствомъ всматривались въ него. Они ничуть не испугались, ихъ только охватило внезапное удивленіе. Они не боялись, потому что хорошо знали, что гномы никому вреда не дѣлаютъ, а бѣднымъ сиротамъ такъ и помогаютъ даже. И вотъ Стахъ Шафарчикъ сейчасъ же вспомнилъ, что когда прошлою весною его телята забѣжали въ лѣсъ, то вотъ этакій малосенькій человѣчекъ помогъ ему отыскать ихъ и загнать на пастбище. Онъ еще погладилъ его по головѣ, насыпалъ въ шапку земляники и сказалъ:

— Не бойся! На вотъ тебѣ, сирота.

Тѣмъ временемъ Чепухинскій-Вздорный подошелъ къ костру, вынулъ трубку изо рта и вѣжливо сказалъ:

— Здравствуйте, дѣти!

Пастушенки важно отвѣтили на это:

— Здравствуйте, господинъ гномъ!

Только дѣвчонки прижались другъ къ другу, натянули платки такъ низко, что изъ-за нихъ едва виднѣлись концы ихъ носовъ и, вытаращивъ глаза, смотрѣли на гостя голубыми глазами.

Чепухинскій-Вздорный съ улыбкой посмотрѣлъ на нихъ и спросилъ:

— Можно погрѣться у вашего костра? Очень холодно!

— Конечно, можно, — рѣшительно отвѣтилъ Яська Кшеменецъ.

— Мы не скряги какіе-нибудь! — добавилъ Шафарчикъ.

А Яська Срокачъ еще сказалъ:

— Садитесь, господинъ гномъ. На почетное мѣсто.

И онъ подобралъ полы сѣраго кафтана, давая гостю мѣсто у костра.

— А когда картошки испекутся, то и покушать можете, если хотите, — гостепріимно промолвилъ Кубусъ.

Другіе тоже не молчали:

— Понятное дѣло! Того и гляди, какъ испекутся, — отъ нихъ ужъ духъ идетъ!

Сѣлъ тогда Чепухинскій-Вздорный и, ласково глядя на румяныя личики пастушонковъ, заговорилъ растроганнымъ голосомъ:

— Дѣтки вы мои милыя! Чѣмъ же я вамъ отплачу?

Но едва онъ сказалъ это, какъ Зоська Ковальчанка, закрывъ глаза ладонью, быстро прокричала:

— А вы намъ сказку расскажите.

— Э!... Что сказка! — сказалъ на это солидно Стахъ Шафарчикъ. — Правда всегда лучше сказки.

— Вѣрно, вѣрно, что лучше! — согласился Чепухинскій-Вздорный. — Правда лучше всего.

— Ну, коли такъ, — весело воскликнулъ Юзикъ Срокачъ, — то расскажите намъ, откуда на этомъ свѣтѣ взялись гномы?

— Откуда они взялись? — повторилъ Чепухинскій-Вздорный и собирался было начать повѣствованіе, какъ вдругъ картофелъ началъ лопаться съ превеликимъ трескомъ, и дѣти тотчасъ же кинулись выгребать его изъ пепла и угольевъ.

Ученый мужъ все-таки сильно испугался этого внезапнаго шума, и, отскочивъ въ сторону, спрятался за полевымъ камнемъ. И только изъ этой крѣпости онъ наблюдалъ, какъ дѣти ѣдятъ какіе-то круглые и дымящіеся шары, о которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Потомъ онъ раскрылъ книгу, и опершись на тотъ же самый полевой камень, дрожащею рукою началъ вписывать слѣдующія слова:

«Народъ въ этой странѣ настолько воинствененъ и мужественъ, что даже и малыя дѣти пекутъ въ горячемъ пеплѣ картечныя пули, и когда эти пули отъ жары съ трескомъ начинаютъ лопаться, тогда мальчики, съ пеленокъ привыкшіе презирать смерть, и даже слабыя дѣвочки выгребаютъ эти съ ужаснымъ грохотомъ лопающіяся картечи и еще дымящіяся, прямо подносятъ къ устамъ. Я былъ самъ очевидцемъ, свидѣтелемъ сего, и, изумляясь такому рыцарскому мужеству, для вѣчной памяти потомства сіе записываю. Данъ въ полѣ, на нераспаханной землѣ, въ предвечернюю пору».

Потомъ слѣдовала подпись и выкрутасы почерка еще болѣе замысловатые, чѣмъ въ предыдущій разъ.

Тѣмъ временемъ въ полѣ разнесся такой аппетитный запахъ печеной картошки, что ученый мужъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ какую-то пустоту и громкое бурчанье въ желудкѣ.

Замѣтивъ, что лопающіяся картечи не приносятъ пастушонкамъ ни малѣйшаго вреда, что даже, напротивъ, дѣти поглаживаютъ себя по животу отъ вкуснаго кушанья, онъ вышелъ осторожно изъ-за камушка и медленно приблизился къ костру. Зоська Ковальчанка тотчасъ же, слегка обчистивъ картофелину, подала

ее, насадивъ на хворостинку, ученому мужу, приглашая его взять ее и кушать.

Не безъ тревоги Чепухинскій-Вздорный отвѣдалъ картофелину, нашель ея вкусъ очень пріятнымъ, и тотчасъ же протянулъ руку за другою. Дѣвчонки начали угощать его и вскорѣ такъ съ нимъ

освоились, что Кася Бальцеровна послѣдній кусокъ сама вложила ему въ ротъ, отчего всѣ остальные, а Кася громче всѣхъ, запищали отъ радости.

III.

Подкрѣпивъ силы, Чепухинскій-Вздорный снова сѣлъ у огня, а когда пастушонки подбросили въ костеръ новаго хвороста, а искорки весело начали скакать по сухимъ вѣткамъ, повелъ такую рѣчь о гномахъ:

— Въ древности мы назывались не гномы, а «Божіе», по старинному произношенію «Богіе». Тогда мы жили не подъ землею, не подъ скалами, не подъ кореньями старыхъ деревьевъ, какъ живемъ теперь, а въ селеніяхъ, размѣщались въ хатахъ, вмѣстѣ съ людьми. Давно это было, очень давно. Надъ этой страной еще царствовалъ Лехъ, который основалъ городъ Гнѣзно на томъ мѣстѣ, гдѣ нашель гнѣзда бѣлыхъ птицъ. Онъ такъ и сказалъ себѣ: какъ птицы живутъ здѣсь въ безопасности, такъ и земля эта должна быть тихою и доброю.

Она и была такою.

Объ этихъ птицахъ люди говорятъ, что то были орлы; но въ нашихъ старыхъ книгахъ значится, что то были аисты, бродившіе по луговымъ равнинамъ, — они-то и понадѣлали тамъ множество гнѣздъ. Какъ было, такъ и было, достаточно того, что вся эта страна начала вызываться Лехіею отъ имени короля Леха, а народъ, который проживалъ здѣсь, тоже принялъ названіе Лехитовъ, хотя сосѣди называли его такъ же и поляками, потому что онъ состоялъ изъ полевыхъ пахарей и ходилъ за плугомъ. Все это въ нашихъ книгахъ значится за печатью.

— А развѣ бору тогда не было? — тоненькимъ голоскомъ спросилъ Юзикъ. — Ни рѣкъ, ничего не было?

— Ну, вотъ! — отвѣтилъ Чепухинскій-Вздорный. — Боръ былъ, да не такой, какъ теперь, а громаднѣйшая пуца, почти безконечная. А въ пущѣ жили звѣри огромные и свирѣпые, и рычали они такъ, что деревья, которыя послабѣе, такъ и лопались отъ страха. Но мы, гномы, знаемъ только о медвѣдяхъ. Помню прадѣдъ моего прапрадѣда рассказывать мнѣ: одинъ такой медвѣдь какъ-то выгналъ его вмѣстѣ съ пчелами изъ липоваго дупла, да такъ половину зимы и продержалъ его при себѣ, цѣлые дни и ночи заставлялъ рассказывать себѣ сказки, а самъ только сосалъ лапу и дремалъ въ берлогѣ. Только когда хватилъ сильный морозъ, а медвѣдь заснулъ крѣпкимъ сномъ, прадѣдъ моего прапрадѣда бѣгомъ изъ этой пущи, и послѣ семилѣтняго странствованія вернулся къ своимъ.

Дѣти смѣялись, слушая это приключеніе, а Чепухинскій-Вздорный продолжалъ такъ:

— Эхъ! Эхъ!... И были же времена!... Надъ полями, надъ водами шумѣли тогда липовые лѣса, а въ нихъ жилъ одинъ престарѣлый-старый божокъ, по имени Святovidъ, который смотрѣлъ на три стороны свѣта и имѣлъ попеченіе надо всѣмъ этимъ краемъ.

Но, что касается домовъ, хозяйства и пожитковъ, то это оберегали Божіе, которыхъ называли еще и «Малышами», за ихъ незначительный ростъ.

«Въ каждой хатѣ свой малышъ», — говорилъ народъ въ тѣ

времена, да и намъ было хорошо и весело, потому что мы помогали нашимъ хозяевамъ при всякой работѣ. Мы, то конямъ овесъ сыпали и обдували отъ сора всякое зернышко, чтобы оно одно къ одному золотилось, то солому перетряхивали, то куръ въ курятникъ загоняли, чтобы онѣ не теряли яицъ въ крапивѣ, то масло сбивали, то сыры выжимали, то дѣтей качали, то пряжу мотали, то огонь раздували, чтобы каша варилась поскорѣй. Какъ только представлялась работа въ хатѣ или на дворѣ, мы за каждую охотно хватались. Правда сказать, и о насъ не забывали, если не хозяинъ, то, по крайней мѣрѣ, хозяйка. Въ свѣтлицѣ всегда на краю лавки лежали крошки хлѣба и творогу, въ чашкѣ всегда немножко меду или молока. Жить было чѣмъ. Когда хозяйка выходила въ огородъ полоть, или съ серпомъ въ поле, то, бывало, обернется на порогъ, достанетъ изъ мѣшка горсточку проса, разсыпетъ по избѣ, скажетъ: «Помните, Божии, о дѣтяхъ и о хатѣ... а вотъ вамъ за это проса». И затѣмъ спокойно идетъ на работу. А мы шмыгъ изъ-подъ печки, шмыгъ изъ-подъ лавки, шмыгъ изъ-подъ раскрашеннаго сундука. И сейчасъ же, бывало, начнемъ хозяйничать въ избѣ, дѣтямъ сказки рассказывать, мальчикамъ лошадокъ строгать, дѣвочкамъ ленты вить, косички заплетать.

«Бывало, всѣ стекла въ окошкахъ перетремъ, солнышко сквозь нихъ въ хату впустимъ и разнесемъ его золотой свѣтъ по всѣмъ уголкамъ, чтобы все кругомъ свѣтилось и благоухало.

Работы, правда, было не мало, а благодарности людской, пожалуй, еще больше. Ни помолвки, ни рукобитья не обходились безъ того, чтобы насъ хозяева не приглашали: «милости просимъ пожаловать въ гости на жареную лосину, на оленину, на курочку-попрыгушку, на крупичатые калачи.

«Ну, мы, конечно, среди гостей не

толкались, никого не стѣсняли, потому что мы хотя и малый народъ, а всегда бывали политичны. Но когда мы начинали, одинъ и другой, пятый и десятый, играть на гусляхъ, подъ окномъ ли, подъ порогомъ ли, то, бывало, люди наслушаться не могли нашего оркестра, — радость шла отъ него, такое веселье!

— Эхъ! Эхъ! Гдѣ эти времена, гдѣ?

IV.

Остановился Чепухинскій-Вздорный и медленно попыхивалъ трубкой, а дѣти всматривались въ него, слушали и ничего не говорили. Послѣ короткаго молчанія ученый мужъ началъ опять:

— Долго ли такъ было, не знаю, потому что объ этомъ ничего въ нашихъ книгахъ не говорится. Но потомъ времена начали измѣняться. Не стало добрыхъ пановъ изъ рода Леха, а новые все дрались другъ съ другомъ, потому что ихъ было чуть ли не двѣнадцать. Наконецъ, народу свары эти надоѣли, онъ всѣхъ этихъ драчуновъ прогналъ вонъ и снова избралъ одного господина.

«Ну, успокоился немного этотъ край, но едва солнце засвѣтило надъ нимъ, какъ опять подошла буря.

«Какъ саранча сваливается на хлѣбные всходы, чтобы уничтожить ихъ до послѣдней былинки, такъ на эти лехитскія поля свалились нѣмцы, а ихъ князь возжелалъ силою взять нашу владѣтельница и самъ царить надъ нами. Я говорю: нашу, потому что мы хотя были только «Божіе», но въ тѣ древнія благословенныя времена все было едино, и мы съ людьми держались, какъ братья.

«А владѣтельница наша, однако, не хотѣла нѣмца.

— Я знаю! — тоненькимъ голоскомъ вдругъ крикнула Кася Бальцеровна. То была Ванда!

— И я знаю! — еще тоньше запищала Зося Ковальчанка.

И дѣвчонки затянули, стараясь одна перекричать другую: «Не хотѣла Ванда нѣмца...»

Чепухинскій-Вздорный покачалъ на это головою и сказалъ съ улыбкой:

— Именно, не хотѣла!... Знаю! Знаю!... Вся эта пѣсня и въ нашихъ книгахъ значится. Вѣдь, это мы съ незапамятныхъ временъ заставляемъ деревенскихъ ребятишекъ заучивать ее наизусть. Какъ же!... Я самъ научилъ человѣкъ сто. А васъ кто выучить?

— А мы не знаемъ.

— Ну тогда, конечно, я. Кажется ли вамъ, что иной разъ въ воздухѣ что-то говорить или поетъ?

— Правда, бываетъ! — отвѣтили мальчишки важно.

— Такъ знайте же, что это гномы такъ разговариваютъ и распѣваютъ. А такъ какъ ростомъ они не велики, то ихъ и не видно, если они попрячутся въ хлѣбахъ, или въ луговыхъ травахъ, или въ листьяхъ лѣсныхъ деревьевъ, или залѣзутъ вотъ подъ такой полевой камень.

«Ну, хорошо!... Такъ какъ госпожа не хотѣла нѣмца, то началась война. Сейчасъ же въ этотъ край слетѣлись вороны и коршуны, сейчасъ же завывли волки, сейчасъ же небо облеклось черными тучами.

«Мы тоже начали голодать, потому что и хлѣбъ, и сыръ, все шло тѣмъ воинамъ, которые бились съ нѣмцами. Отощаль весь край, отощали съ нимъ вмѣстѣ и «Божіе». А у нашей госпожи сердце такъ преисполнилось скорбью, что изъ-за нея страдаетъ весь народъ, что она бросилась въ рѣку, въ Вислу, и тотчасъ же утонула. И только тогда нѣмцы ушли прочь, и у насъ воцарилось спокойствіе.

«Но времена такъ измѣнились за эту войну, что просто страхъ! Братъ измѣннически сталъ подстерегать брата, сильный сталъ обижать слабаго, скупецъ запахивалъ полосу сиротскаго поля. А такъ какъ тамъ, гдѣ царить несправедливость и лѣются сиротскія слезы, счастья быть не можетъ, то появились и у насъ дурные владыки, которые назывались Попелями.

— Вѣдь одного изъ этихъ Попелей съѣли мыши? — спросилъ Юзикъ Срокачъ.

Челухинскій-Вздорный выпустилъ дымокъ изъ трубки.

— Объ этихъ мышахъ говорятъ разное, — и такъ и этакъ. Старыя это времена, и никто не знаетъ вѣрно, какъ это было. Но въ нашихъ книгахъ стоитъ, что - то не мыши были, а, собственно говоря, «Божіе», которые (потому что зима стояла очень суровая) переодѣлись въ мышиныя шкурки, и, видя, какъ Попель нехорошо царствуетъ, толпою набросились на него изъ мышьихъ норокъ и искусили его на смерть.

«Такъ стоитъ въ нашихъ книгахъ. Правда ли это, неправда ли, — трудно сказать. Но мой прапрадѣдъ самъ рассказывалъ мнѣ, что, прежде чѣмъ онъ ослѣпъ отъ преклонной старости, онъ однажды видѣлъ мрачное озеро, а надъ нимъ суровую башню, гдѣ, должно - быть, это и случилось, потому что эта башня и до сихъ поръ называется Мышиною. А озеро зовется Гопло.

— Ну, хорошо!...

Трубочка ученаго мужа угасла, и онъ началъ искать въ пеплѣ уголька, а когда нашелъ его, то потянулъ раза два изъ чубука, потомъ выпустилъ клубъ дыма и продолжалъ такъ:

— Въ нашихъ старыхъ книгахъ слѣдующій недостатокъ:

«То двухъ листковъ нѣтъ, то попадаютъ такіе блѣдные и полинялые, что ни за что не разберешь написаннаго, то идетъ толстая черная полоса вдоль или поперекъ листа, — значить, и не все узнать можно, что кѣмъ-то и когда-то было занесено въ книгу.

«Но, вообще, хорошія были времена, или плохія, — это сейчасъ узнать можно. Если хорошія, то отъ этихъ страницъ, хотя бы и отъ самыхъ старыхъ, струится такой свѣтъ, какъ будто солнце взошло на небо, а коли плохія, то такимъ мракомъ отъ нихъ вѣетъ, какъ отъ темной ночи, когда надъ землею не увидишь ни звѣздъ, ни мѣсяца...

«Вотъ каковы старыя книги гномовъ!

V.

Вы хотите знать, что было дальше? — спросилъ Чепухинскій, вновь запаливъ свою трубочку.

— Хотимъ, хотимъ! — закричали дѣвчонки.

— Ну такъ слушайте. Послѣ тѣхъ черныхъ страницъ о Попелѣ, тотчасъ же идутъ свѣтлыя страницы о Пястѣ... О Пястѣ я могъ бы рассказывать цѣлые часы.

У Юзика заискрились глаза.

— Тогда говорите, пожалуйста!

— Говорите, миленькій! Рассказывайте все, что знаете! — вперегонку кричали дѣти.

Чепухинскій - Вздорный откинулъ съ головы капюшонъ, почесалъ лысину и заговорилъ такъ:

— Самъ по себѣ я не много знаю, потому что въ то время меня еще не было на свѣтѣ, но одинъ старый Малышъ, который исписывалъ эти страницы, былъ знакомъ съ еще болѣе старымъ дубомъ. Вотъ этотъ - то дубъ хорошо помнилъ всю исторію, и хотя голосъ его былъ уже слабъ, но когда онъ начиналъ шумѣть о Пястѣ, то во всей пушчѣ воцарялась такая тишина, что какъ будто все вокругъ замирало. И сосны, и ели, и грабы, и буки, и березы, даже травинки и папоротники такъ внимательно слушали, что ни одинъ листокъ, ни одинъ стебелекъ не осмѣлится перевести дыханія.

«А почтенный дубъ шумѣлъ, потихонечку шумѣлъ, откуда-то изъ самаго сердца извлекая тихіе звуки и припоминая давнія времена своей молодости.

«Такъ вотъ тотъ Малышъ, который въ то время былъ не больше синицы, усаживался тогда подъ однимъ грибомъ, съ которымъ свелъ знакомство, и всю эту исторію заучилъ такъ, что потомъ занесъ въ наши книги.

«Дѣло было такъ:

«Стоялъ себѣ этотъ дубъ, тогда еще молодой дубокъ, въ тихой дубровѣ, а недалеко отъ него, среди тѣни липъ и пчелинаго жужжанія, стояла свѣтлая хата, построенная изъ листвен-

ницы. Въ хатѣ жило трое людей: Пясть, Рѣпиха и сынокъ ихъ, котораго называли Земовить, потому что онъ ужасно любилъ свои поля, а когда выходилъ на порогъ хаты, то говорилъ: Земля, здравствуй!

«И дубъ каждый день видѣлъ трудовую жизнь этихъ троихъ людей, ихъ милостивыя сердца и души, настолько чистыя, какъ будто у каждаго изъ нихъ въ груди былъ бѣлый голубь.

«Но и «Божіе» жили въ хатѣ изъ лиственницы, и хорошо имъ было, потому что и отецъ, и сынъ, и мать, чѣмъ могли, тѣмъ и угощали ихъ, — то золотымъ медомъ, то сдобнымъ калачомъ, а то самымъ лучшимъ творогомъ, потому что, благодаря безустанному труду, домъ ихъ былъ богатъ и обилень всякимъ добромъ.

«И въ королевскомъ дворцѣ гномамъ не могло бы быть лучше, чѣмъ въ тихой, свѣтлой хатѣ, пахнущей смолою.

«Но пришло время, когда сынку въ первый разъ нужно было остричь золотые волосы. Сейчасъ же начали сходитьсь и съѣзжаться сосѣди, кто пѣшкомъ, кто на телѣгѣ, кто на верховомъ конѣ, такъ что въ усадьбѣ Пяста сдѣлалось очень шумно.

«Суетился Пясть, суетилась Рѣпиха, чтобы угостить гостей и угодить имъ, но и домовые «Божіе» усердно, помогали цѣлый день. И вотъ, когда солнце начало заходить, въ воздухѣ раздалось такое чудное пѣніе, что люди подняли глаза къ небу, думая, что эти голоса идутъ оттуда.

«Одни только «Божіе» вдругъ поблѣднѣли и задрожали, какъ будто на нихъ повѣялъ холодный вѣтеръ, хотя погода была лѣтняя.

«Кто бѣжалъ съ какою-нибудь услугой, тотъ такъ и останавливался, трясясь всѣмъ тѣломъ, такъ что зубы его стучали другъ о друга.

«Тѣмъ временемъ съ западной стороны въ яркомъ блескѣ зари показались два какихъ-то свѣтлыхъ путника, которые, именно, и направлялись къ Пястовой хатѣ съ этимъ пѣніемъ.

«А пѣніе это было такъ громко и сладостно, точно всѣ соловьи запѣли въ садовыхъ тополяхъ, и какъ будто всѣ капли росы зазвучали на травахъ и полевыхъ цвѣтахъ, и какъ будто

всѣ липы въ Пястовой пасѣлкѣ зашумѣли мелкими листочками, и всѣ былинки издали серебряный звучный голосъ.

«И пѣли два ясныхъ путника, что надъ этимъ краемъ одно время кончается, а начинается другое. Они пѣли, какъ погибнуть и въ прахъ разпылются прежніе боги, которымъ люди молились въ святыхъ лѣсахъ, а на ихъ мѣсто придетъ Господь великій, мощный, Господь неба и земли.

«И люди слушали это пѣніе, и лица всѣхъ озарила сила и надежда.

«Но «Божіе», опомнившись отъ перваго страха, собрались въ самомъ темномъ уголкѣ Пястовской каморки, всѣ съѣжились и дрожали, какъ дрожать осенью листья, когда имъ уже пора падать. Съ дѣдовскихъ и прадѣдовскихъ временъ имъ уже было предсказано, что такая пѣснь явится съ западной стороны, и будетъ она гласить о великомъ и мощномъ Господинѣ, о Господинѣ неба и земли, а когда они услышатъ ее, то это будетъ значить, что они должны итти изъ хаты, куда глаза глядятъ, и уступить мѣсто яснымъ, крылатымъ духамъ.

«Напрасно Рѣпиха насыпала имъ маку, накрошила сладкаго калача. «Божіе», хотя и были голодны, не вышли изъ своего уголка, не воспользовались этимъ даромъ. Одинъ только старѣйшій Малышъ на минуту пріоткрылъ дверь каморки и заглянулъ сквозь щелку въ свѣтлицу. Но онъ тотчасъ же закрылъ руками глаза, потому что отъ одежды путешественниковъ струился такой свѣтъ, какъ будто въ свѣтлицу заглянуло само солнце.

«Много дней, много ночей просидѣли «Божіе» въ каморкѣ, въ холодѣ и въ голодѣ, пока тотъ великій свѣтъ не угасъ, и пока не утихла пѣснь, звучащая въ воздухѣ надъ хатою.

«Когда они, наконецъ, осмѣлились переступить черезъ порогъ и хотѣли, попрежнему, служить хозяевамъ, то увидали, какъ Пясть въ золотистой мантии, накинutoй поверхъ его обычнаго бѣлаго сермяжнаго одѣянія, въ ясной коронѣ, вступалъ на тронъ, чтобъ царствовать по-королевски, а тамъ ему должны были служить рыцари и дворяне.

«Рѣпиха тоже стала королевой, а маленький Земовить — королевичемъ. И такъ кончилась мужицкая жизнь въ хатѣ, и началось царствованіе въ замкѣ.

«Божіе» все-таки попрежнему присматривали за пряжею, за полемъ и пасѣкою, не желая оставлять мѣста милаго поселенія, гдѣ они столько лѣтъ жили такъ спокойно и счастливо.

«Но въ нихъ уже не было прежней ловкости и силы. Пястовскій клочникъ ставилъ имъ на краю скамьи то молока, то меда, какъ дѣлала и Рѣпиха, но «Божіе» уже не смѣли прикоснуться къ этой їдѣ, потому что чувствовали, что работа ихъ уже не прежняя, и что помощь отъ нихъ плохая. И вотъ они собирали съ пола только то, что падало со стола, и похудѣли такъ, такъ почернѣли, что вмѣсто «Божіихъ», «Богихъ», по старинному произношенію, люди начали называть ихъ «убогими».

«Тѣмъ временемъ по всему краю разошлось эхо чудной пѣсни, а когда вечерняя заря загоралась на западной сторонѣ, въ воздухѣ что-то начинало играть и пѣть, словно какъ на серебряной лирѣ, а были и такіе люди, которые могли разобрать и слова этой пѣсни.

...Идетъ Господь могучій и великій...

...Идетъ Господинъ неба и земли...

«Но чтобы это слышать, нужно было имѣть сердце такое же чистое, какъ утренняя заря.

«Вотъ, что шумѣлъ, вотъ что рассказывалъ вѣковой дубъ, вотъ къ чему прислушивалась затаившая дыханіе пуща».

VI.

Замолчалъ Чепухинскій-Вздорный, а дѣти тоже сидѣли тихо, — имъ все казалось, что въ лѣсномъ шумѣ они слышатъ голосъ стараго дуба. И только спустя минуту, отозвался Юзикъ Срокачъ:

— А съ «Божіими» что случилось?

Но такъ какъ Чепухинскій-Вздорный молчалъ, задумавшись

надъ старыми временами, то дѣти начали дергать его за плащъ и кричали, перебивая одинъ другого:

— Говорите же, господинъ гномъ, говорите! Что случилось потомъ съ «Божіими»?

Тогда ученый мужъ очнулся отъ своего оцѣпенѣнія и такъ повелъ рѣчь дальше:

— Убогіе еще долго жили съ людьми въ ихъ хатахъ и деревняхъ, но становились все болѣе и болѣе грустными, слабыми и маленькими. Да ужъ и люди не такъ часто стали призывать ихъ на помощь. Еще пока былъ живъ Пясть, ихъ никто не обижалъ, и во время царствованія сына его, Земовита, «убогіе» еще имѣли свой уголъ въ каждой хатѣ. И только когда воцарился внукъ Земовита, Мешко, то на этотъ народецъ пошло такое гоненіе, что даже и самый смѣлый не отваживался показываться наружу днемъ, и только въ сумерки выползалъ изъ уголка, чтобы подкрѣпиться чѣмъ-нибудь.

«Въ то время матери, уходящія въ поле на работу, не бросали «убогимъ» проса, чтобы тѣ присматривали за ихъ дѣтьми, а творили надъ хатою крестное знаменіе и шли только послѣ этого. И вотъ только лишь запирались двери, хата наполнялась свѣтомъ, пѣніемъ и шумомъ ангельскихъ крыльевъ, и за дѣтьми стали уже присматривать ангелы.

«И вотъ у «убогихъ» осталась только самая черная работа, въ конюшнѣ, въ хлѣву, въ сараѣ, а въ хатѣ только то, чтобы нащепать лучины, перемыть горшки и смести соръ въ уголъ.

«Но, однажды, какъ значитъ въ нашихъ старыхъ книгахъ, начали звонить колокола съ церковныхъ башенъ.

«По всему краю пошелъ громкій гулъ, словно громъ небесный, а куда онъ достигалъ, тамъ «убогіе» тотчасъ же толпами выходили изъ хатъ, изъ деревень, плача и жалобно прощаясь съ людскими поселеніями. Потомъ они разсыпались по тѣсамъ, по горамъ, по пустынямъ, куда не долеталъ голосъ колоколовъ.

«Съ тѣхъ поръ люди больше уже не видятъ ихъ, развѣ только ночью, а днемъ могутъ увидать лишь маленькія дѣти, вотъ

какъ вы видите меня. Большая часть изъ нихъ пошла въ Карпатскія горы оберегать подземныя сокровища. Въ лѣсахъ ихъ тоже довольно. А такъ какъ зима въ лѣсу бываетъ сурова, то они соорудили себѣ плащи и капюшоны, по большей части краснаго цвѣта, почему ихъ легко узнать, и съ чего пошло ихъ новое прозвище: «Краснолюдки». Сердца ихъ и теперь расположены къ людямъ: за крошку пищи, за каплю молока они всегда съ радостью присматриваютъ за достояніемъ добраго человѣка. Но когда они слышать голосъ колоколовъ, то сейчасъ же должны скрываться подъ землю... Передъ великимъ, могучимъ Господиномъ, передъ Господомъ неба и земли...

Этими словами Чепухинскій-Вздорный закончилъ свои слова и въ знакъ почтенія снялъ съ своей головы капюшонъ, когда со стороны лѣса послышался говоръ множества голосовъ.

То бабы и дѣти возвращались съ похода на лиса. Возвращеніе это, однако, не носило признаковъ торжества. Мудрый лисъ обладалъ не однимъ выходомъ изъ норы, и, прежде чѣмъ люди докопались до одного, онъ ускользнулъ въ другой и скрылся въ полѣ, или спрятался между кустами терновника, и не оставилъ ни малѣйшаго слѣда.

Теперь бабы громко жаловались, что потеряли понапрасну время, а дѣти скликали вякающихъ собакъ, которыя бѣгали около лѣса и отыскивали слѣды лиса.

При этомъ крикъ и лаѣ пастушонки подняли головы, и засмотрѣлись, и заслушались такъ, что совсѣмъ забыли о Краснолюдкахъ. Тогда Чепухинскій-Вздорный всталъ, надвинулъ капюшонъ на голову и, опустившись въ ближайшую борозду, скрылся въ прошлогоднихъ травахъ такъ, что ни Зоська, ни Кася, ни Стахъ, ни Юзикъ, ни Куба Кшеменецъ и сами не могли сказать себѣ навѣрное, приснилось ли имъ это только, или дѣйствительно гномъ сидѣлъ въ полѣ у ихняго костра и рассказывалъ имъ чудесную сказку.

VII.

Тѣмъ временемъ Чепухинскій-Вздорный, тайкомъ пробравшись къ бору, шелъ по лѣсной глуши почти въ полномъ мракѣ. Хотя на бѣломъ свѣтѣ стоялъ еще ясный день, здѣсь, отъ елей и сосенъ падала глубокая тѣнь, что трудно было найти какую-нибудь тропинку.

И вотъ Чепухинскій-Вздорный шелъ наугадъ можетъ быть часть, а можетъ быть и больше. Это путешествіе уже начинало надоѣдать ему, къ тому же и голодъ снова заявилъ о себѣ, когда онъ, нечаянно споткнувшись, попалъ въ какую-то глубокую яму.

Въ ямѣ той жилъ лисъ Обѣдало, славный во всей околицѣ куроцапъ, — именно тотъ самый, на котораго бабы учинили неудачный походъ.

Теперь онъ сидѣлъ въ углу своей ямы и кончалъ обглаживать жирнаго каплуна, перья котораго валялись и тамъ и здѣсь на полу.

Когда Обѣдало увидалъ свалившагося Чепухинскаго, то сейчасъ же прервалъ свой пиръ, копнулъ лапой одинъ разъ, копнулъ другой, бросилъ въ наскоро выкопанную ямку кости, прикрылъ ихъ землею и смотреть.

Чепухинскій-Вздорный показался ему очень смѣшнымъ, когда онъ, продѣлывая преуморительные прыжки, старался сохранить равновѣсіе; но хитрый Обѣдало не показалъ ни малѣйшаго вида и, скромно опустивъ хвостъ, пошелъ навстрѣчу гостю.

— Вы, какъ я вижу, вѣроятно, ошиблись дверью, — сладко сказалъ онъ.

— Несомнѣнно, — отвѣтилъ Чепухинскій-Вздорный. — Тутъ немного темновато, и я не замѣтилъ настоящаго входа. При томъ глаза у меня ослабѣли отъ долготѣхнхъ занятій надъ моимъ великимъ историческимъ произведеніемъ.

— Ахъ! — съ восторгомъ воскликнулъ Обѣдало. — Значить, я имѣю великую честь привѣтствовать ученаго и коллегу! И моя жизнь проходитъ въ общеніи съ книгами! И я пишу обшир-

нѣйшее произведеніе о развитіи въ деревняхъ куроводства и голубеводства, и даже предлагаю проектъ новаго способа постройки курятниковъ для домашней птицы. Вотъ и перья, которыя слу-
жать мнѣ въ моей работѣ.

Тутъ скромнымъ жестомъ онъ указалъ на разбросанныя повсюду перья только что задушеннаго имъ каплуна.

Изумился ученый мужъ Чепухинскій-Вздорный.

Если онъ единственнымъ перомъ сърой гусыни приобрѣлъ такую великую славу у своего народа, то какимъ же знаменитымъ долженъ быть тотъ, который исписать цѣлые пуки такихъ прекрасныхъ, золотистыхъ перьевъ!

Но Обѣдало сказать:

— А вы, дорогой коллега, откуда взяли это чудесное перо, и гдѣ пребываетъ то очаровательное созданіе, отъ котораго оно происходитъ? Я желалъ бы свести съ нимъ самое ближайшее знакомство.

— Это перо, — отвѣтилъ Чепухинскій-Вздорный, — происходитъ изъ крыла гусыни, которую, вмѣстѣ со всѣмъ стадомъ, пасетъ сиротка Марися.

— Со всѣмъ стадомъ? — повторилъ восхищенный Обѣдало. — И вы, дорогой коллега, говорите, что его пасетъ маленькая сиротка? Маленькая сиротка, которая, должно быть, и справиться съ этимъ стадомъ не можетъ? О, какъ бы я охотно помогъ ей! Какъ бы я охотно облегчилъ трудъ этой заинтересовавшей меня бѣдной сироткѣ! Нужно вамъ сказать, дорогой коллега, что у меня очень жалостливое сердце, очень жалостливое! Просто-на-просто, оно мягко, какъ майское сливочное масло.

Тутъ онъ, въ свидѣтельство искренности своихъ словъ, ударилъ себя лапою въ грудь, еще болѣе приблизился къ ученому Чепухинскому-Вздорному, долгое время обнюхивалъ гусиное перо, потомъ отеръ глаза и сказалъ:

— Дорогой мой, не удивляйтесь моему волненію! Въ эту минуту я слышу, какъ во мнѣ отзывается голосъ моего долга: исправлять заблудившихся гусятъ, — вотъ мое призваніе! Помогать сироткамъ пасти ихъ, — вотъ великая цѣль моей жизни!

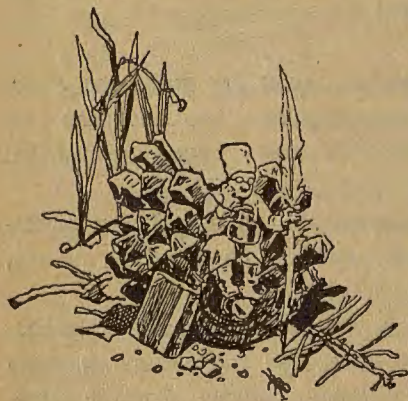
И тотчасъ же, поднявъ кверху обѣ переднія лапы, онъ воскликнулъ:

— О, вы, невинныя существа! О, вы, кроткія, милыя творенія! Отнынѣ я всецѣло посвящаю себя на служеніе вамъ!

Сказавъ это, онъ тотчасъ же направился къ выходу изъ ямы и вышелъ наружу, а за нимъ, по длинному и темному коридору, слѣдовалъ Чепухинскій-Вздорный.

Нѣсколько минутъ они шли вмѣстѣ по дорогѣ, но потомъ лись обернулся и сказалъ:

— Прошу васъ, дорогой коллега, не забудьте занести въ вашу цѣнную книгу сегодняшняго нашего свиданія. Только никакихъ похвалъ, никакихъ еиміамовъ для меня! Просто напишите, что встрѣтили великаго друга чело-вѣчества, по имени Обѣдало, — обѣ имени не забудьте, — усерднѣйше васъ умоляю! — великаго ученаго, автора множества произведеній, лиса совершенно исключительной натуры, достойнаго наивысшаго довѣрія, какъ гуси-

ныхъ пастуховъ, такъ и всѣхъ собственниковъ куръ и утокъ. Вы понимаете, дорогой коллега, что врожденная скромность не позволяетъ мнѣ особенно широко распространяться о собственныхъ добродѣтеляхъ, — я ограничусь только короткимъ намекомъ, предоставляя остальное вашей догадливости.

Они обнялись, какъ братья, и пошли дальше.

Въ подземелье начиналъ проникать свѣтъ все болѣе ясный и румяный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тепло.

Но когда они дошли до выдолбленнаго пня, который служилъ выходомъ наружу, лись сдѣлалъ прыжокъ, крикнулъ спутнику «до свиданія» — и скрылся въ густыхъ заросляхъ.

Чепухинскаго-Вздорнаго охватило благоуханіе влажныхъ мховъ и свѣже-прямой травы. Чувствуя, что у него въ головѣ начи-

наетъ кружиться, онъ сълъ на прошлогоднюю еловую шишку и отдохнулъ съ минуту передъ дальнѣйшимъ путешествіемъ, обрадованный тѣмъ, что судьба дозволила ему познакомиться съ такимъ достойнымъ звѣремъ.

VIII.

Сидитъ себѣ ученый Чепухинскій-Вздорный на шишкѣ, — смотреть, — идетъ мужикъ.

Топоръ на плечѣ, полушубокъ внакидку, лапти, круглая высокая шапка, посконный мѣшокъ на тесемкѣ, — дровосѣкъ, какъ дровосѣкъ. Идетъ онъ въ лѣсъ, на небо смотреть, но видно ему весело, потому что онъ посвистываетъ.

И думаетъ Чепухинскій:

— А что, если мнѣ спросить у этого крестьянина, пришла ли весна?

Но гордый своею мудростью, онъ тотчасъ же отвергъ это предположеніе:

— Не пристойно ученому мужу набираться ума-разума у перваго встрѣчнаго крестьянина.

А дровосѣкъ шелъ какъ разъ мимо него. Посмотрѣлъ онъ въ сторону и видитъ, что на еловой шишкѣ что-то торчитъ, да такое надутое, что издали кажется нуть не шаромъ. Подумалъ дровосѣкъ, что это дождевикъ, толкнулъ его ногою и пошелъ

дальше. Но хотя лапоть едва-едва коснулся Чепухинского, ученый мужъ перекувырнулся и скатился, вмѣстѣ съ шишкой, въ какую-то ямку. Къ счастью еще, что его чернильница была крѣпка и хорошо закупорена.

Очутившись въ ямкѣ, достойный лѣтописецъ сѣлъ, ощупалъ помятыя ребра, удостовѣрился, что они цѣлы, поморщился и сплюнулъ на сторону.

— Тьфу, гадость какая! Мерзкій мужланъ! А я еще хотѣлъ вступить въ разговоръ съ такимъ неучемъ. Нечего сказать, хорошъ выборъ! Нѣтъ, за это дѣло нужно взяться другимъ манеромъ.

Онъ потеръ пальцемъ свой длинный носъ и началъ думать, потомъ ударилъ себя по лбу и сказалъ:

— Какъ же я могу знать, пришла ли весна, или нѣтъ, если я не знаю ея пути по земному шару.

И онъ началъ внимательно осматриваться, изъ чего бы сдѣлать земной шаръ и обозначить на немъ путь весны.

Вдругъ смотреть онъ, — по тропинкѣ идетъ ежъ, распустилъ щетину, высунулъ мордочку, и несетъ яблоко. Чепухинскій очень обрадовался, лобезно поздоровался съ ежомъ и попросилъ у него яблоко. Ежъ испугался, — что это за маленькій человѣчекъ, — тѣмъ болѣе, совѣсть у него была не чиста, потому что это яблоко онъ стащилъ ночью у одной хозяйки и теперь несъ его въ свою ямку. Свернулся ежъ въ клубокъ и скатился съ горки.

— Постойте! постойте! подождите! — крикнулъ ему вслѣдъ Чепухинскій, — я только опредѣлю на этомъ яблокѣ путь весны и тотчасъ же отдамъ вамъ его назадъ.

Но ежъ уже исчезъ въ густой мглѣ.

— Вотъ глупый звѣрь! — сказалъ самому себѣ Чепухинскій. Вздорный. — Исчезъ вмѣстѣ съ такимъ прекраснымъ земнымъ шаромъ. Что теперь дѣлать? Нужно придумать какой-нибудь другой.

И онъ двинулся въ путь, перескакивая черезъ камни и рвы.

Наконецъ, онъ нашелъ кусочекъ известки, слѣпилъ изъ нея шаръ, вскатилъ его на ближайшій пригорокъ, еловой хвоей на-

чать рисовать на этомъ шарѣ материка, моря, горы, однимъ словомъ нарисовалъ весь свѣтъ, надѣлъ большія очки и началъ разыскивать путь весны.

Но мгла спустилась съ горы въ долину, съ минуту помаячила надъ нею, словно бѣлое покрывало, заволокла лѣсную опушку голубоватымъ, легкимъ паромъ, и расплылась по оврагамъ, а луга и поля, лѣса и дубровы предстали въ золотомъ свѣтѣ солнца.

А тогда съ южнаго склона пригорка спустилась прекрасная дѣвушка, высоко поднятыми руками благословляя всю землю. Изъ-подъ ея обнаженныхъ стопъ тутъ же появлялись фіалки и маргаритки; она шла тихая и спокойная, а вокругъ нея звучали пѣсни птицъ, трепещущихъ крыльями; цвѣтъ лица ея былъ темень, какъ бываетъ темна только что вспаханная земля, а гдѣ она проходила, тамъ пробуждались радуги и краски; глаза ея были опущены долу, а изъ-подъ ея рѣсницъ струился голубой свѣтъ.

То была весна.

Она проходила такъ близко отъ Чепухинскаго, что зацѣпила его своей льняной одеждой, обвѣянной теплымъ дуновеніемъ вѣтра; и тотчасъ возлѣ него заблагоухали фіалки, цѣлымъ пучкомъ вплетенныя въ ея свѣтлые волосы. Но ученый лѣтописецъ настолько былъ занятъ вычисленіями, какъ, когда и съ которой стороны весна должна притти на свѣтъ, — что совершенно не замѣтилъ появленія самой весны. Онъ только потянулъ своимъ длиннымъ носомъ летучій, благовонный запахъ фіалокъ и, склонившись надъ большою книгою, тщательно записывалъ все, что выходило по его разсчетамъ.

А разсчеты его были таковы, что весна вѣсье не появится на свѣтѣ, что она потеряла дорогу, осталась за моремъ и въ здѣшніе края уже не вернется. По его разсчетамъ выходило такъ, что жаворонки и соловьи лѣтъ не будутъ, потому что они совсѣмъ охрипли, что единственною пѣснею на свѣтѣ будетъ карканье, воронъ, что вихрь унесъ въ неизмѣримыя пропасти всѣ сѣмена цвѣтовъ, что теперь уже не зацвѣтеть ни роза,

ни лилія, ни дикая яблоня. По его расчетамъ выходило точно также и то, что заря угасла, что солнце совсѣмъ почернѣло, что дни обратились въ ночи, а поля, вмѣсто травъ и хлѣбовъ, кроются вѣчными снѣгами.

Онъ писалъ эти слова, окруженный облаками дыма, которые выходили изъ его трубки, преисполненный гордости, какой

онъ мудрецъ, и какой пророкъ, а тутъ на пригорокъ прилетѣли три огромнѣйшіе, нервовато-золотистые жука, всѣ косматые, и начали сновать въ голубомъ воздухѣ, избравъ себѣ цѣлью свѣтящуюся лысину Чепухинскаго - Вздорнаго. Облетѣли они его разъ, другой и третій, гудя громкимъ басомъ, но ученый, углубившійся въ свою книгу, не замѣчалъ ихъ.

И вотъ, именно, въ ту самую минуту, когда онъ ставилъ точку въ концѣ своего

пророчества, что-то хлопъ его въ лысину разъ! хлопъ въ другой! хлопъ въ третій разъ, въ четвертый, въ десятый!..

Крикнулъ Чепухинскій-Вздорный источнымъ голосомъ, думая, что весь міръ разрушается, выпустилъ изъ зубъ трубку, бросилъ перо и отскочилъ въ сторону, при чемъ опрокинулъ на книгу всю свою объемистую чернильницу.

Черные потоки полились прямо на только что исписанныя страницы. Чепухинскій-Вздорный почти окаменѣлъ.

Всѣ пророчества его пропали, расчеты его всѣ пропали.

Вся книга залита рѣкою чернилъ.

Что онъ сдѣлаетъ теперь? Съ чѣмъ возвратится къ королю?...

Онъ такъ мудро, такъ прекрасно рассчиталъ все, — и все пошло прахомъ!

Заломилъ руки несчастный лѣтописецъ, потому что отъ неожиданнаго страха вся мудрость покинула его. Теперь онъ уже и въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, пришла ли весна, или не пришла.

И онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ до полудня, стоялъ до вечера.

Сквозь вечернюю зорю начали просвѣчивать звѣзды, запахъ цвѣтовъ доносился съ полей и луговъ, прекрасная дѣвушка доходила уже до края лѣса, а подъ ея обнаженною стопою расцвѣлъ первый ландышъ.

Приключенія Подзёмка.

I.

Тѣмъ временемъ въ Кристальной Пещерѣ у гномовъ запасы живности такъ исчерпались, что на каждого Краснолюдка въ теченіе дня выдавали только по три горошины. Изъ этого, конечно, выходили разныя ссоры и даже драки, какъ обыкновенно это бываетъ вездѣ, гдѣ голодно и холодно.

Не было дня, чтобы въ пещерѣ не произошла какая-нибудь скверная исторія.

То Божья Коровка поссорится съ Подберезникомъ, то Соломинка съ Дождевикомъ, до тѣхъ поръ, пока Микула и Пакула, которые въ пещерѣ исполняли обязанности стражниковъ, не забирали всю ссорящуюся компанію въ кутузку.

Но больше всѣхъ въ эти тяжелыя времена бушевать и буянить Подзёмокъ. Ълъ онъ за четверыхъ, и все-таки постоянно жаловался, что голоденъ.

Этотъ Подзёмокъ когда-то имѣлъ совсѣмъ особеннаго сорта приключеніе.

Нужно сказать, что гномы не всегда сидятъ подъ землею. Они охотно живутъ въ деревняхъ, то подъ печуркой, то подъ порогомъ хаты, а гдѣ хозяйка невнимательно смотритъ за своимъ добромъ, гдѣ горшки не накрыты, соръ не выметенъ, пряжа лежитъ, какъ попало, сыръ въ пору не отжать, помои не вынесены, домашней птицѣ корму не выдается, — то проказники гномы набрасываютъ мухъ въ борщъ, соръ выметутъ изъ угловъ на середину комнаты, перепутаютъ нитки на моталкѣ, куръ вы-

пустятъ изъ клѣтки, лоханку опрокинутъ, — сколько могутъ, столько и натворять бѣдъ, и опять подъ печурку.

Когда хозяйка оставитъ своего ребенка въ колыбели, а сама побѣжитъ къ сосѣдкѣ посплетничать, гномы тотчасъ же подмѣнятъ ребенка, подбросятъ своего, а крестьянскаго стащатъ и потомъ заставятъ его служить себѣ.

Такой подкидышъ-гномъ не растетъ, только голова его становится все больше и тяжелѣй, а ѣсть онъ такой охотникъ, что его ничѣмъ нельзя насытить.

У одной бабы былъ однажды въ деревнѣ маленькій сыночекъ, Ясько. Хорошенькій былъ мальчикъ.

Волосики точно лентъ, глазенки, какъ чаберъ, губы — какъ земляничная ягода. И здоровый былъ, и веселый, точно рыба въ водѣ. Плакалъ онъ рѣдко, и хотъ прожилъ на свѣтѣ не болѣе полугода, улыбался матери, протягивая ей ручки, и болталъ, словно малый птенецъ.

Но мать рѣдко когда сидѣла съ нимъ, — чуть что, такъ сейчасъ къ сосѣдкамъ языкъ чесать. Тамъ постоить, тамъ посидить, а какъ заболтается, такъ и о горшкахъ невымытыхъ, и о бѣльѣ невыстиранномъ, обо всемъ позабудетъ, даже о Яськѣ.

Пришли однажды гномы въ хату, смотрятъ, — дверь настежь, хозяйки нѣту, въ углахъ роются поросята, а ребенокъ плачетъ въ колыбели.

Тотчасъ же они схватили его, унесли въ свое подземелье, а въ колыбель положили своего Подзѣмка, чисто-на-чисто выбривши ему бороду.

Приходитъ мать, посмотреть, что такое за ребенокъ? Голова, какъ дыня, лицо все въ морщинахъ, глаза на выкатѣ, а ноги короткія, словно у утенка.

Испугалась баба.

— Тѣфу! Чуръ меня! — говоритъ она и протираетъ глаза, думая, что это ей только показалось.

А тотъ какъ крикнетъ: — ѣсть!

— Ясько! — говоритъ мать, — Ясько! — а онъ только посмотреть на нее исподлюбья и кричить: ѣсть и ѣсть.

Накормила его баба, укачала, думаетъ: спать будетъ. Не тутъ-то было! Отойдетъ она на шагъ отъ колыбели, а онъ въ крикъ: ѣсть и ѣсть!

И такъ до вечера разъ десять. Помутилось у бабы въ головѣ;— что такое случилось съ ребенкомъ? Отчего онъ сдѣлался такимъ ненасытнымъ и догадаться не можетъ. Вложила ему въ одну руку ломоть хлѣба, въ другую морковь, — ну, заснулъ, наконецъ.

За то на утро, чуть свѣтъ, то же самое: ѣсть и ѣсть!

— Что тебя волкъ что ли слазилъ, что ты наѣсться не можешь, — думала баба, кормя его и вмѣстѣ съ тѣмъ дивясь, — что за перемѣна такая. До сихъ поръ Ясько ѣлъ столько, что и воробью бы не хватило, а теперь вѣчно голодень.

Оставалось одно только, — стой возлѣ его колыбели и вѣчно суй ему что-нибудь въ ротъ. Жретъ, какъ старый; глаза таращить, какъ жаба, совсѣмъ не такой, какимъ былъ раньше.

Такъ прошло нѣсколько дней, прошла недѣля. Тутъ баба начала замѣчать, что она ни оставить въ горшкѣ, — клецки ли, вареный горохъ ли, — а выйти изъ хаты, сейчасъ все это кто съѣдаетъ.

— Что такое это здѣсь творится? — говоритъ баба, и отъ удивленія у нея умъ за разумъ заходитъ.

Подумала она, что это дѣлаетъ котъ. Побила кота, заперла его въ чуланъ, а сама ушла. Возвращается, — въ горшкахъ пусто, кастрюля вылизана, отъ сметаны слѣда не осталось.

Идетъ она въ чуланъ, смотреть: котъ сидитъ, какъ и сидѣлъ, и отчаянно мяукаетъ. Бока у него даже ввалились, — такой голодный. Видитъ баба, что это не котъ, — должно быть Кручекъ.

А при хатѣ находился черный щенокъ, котораго Кручкомъ величали. И баба ну валять его палкой. Щенокъ визжитъ, потому что боль въ костяхъ несносная, сѣни заперты, улизнуть некуда, а баба все колотитъ его, да еще приговариваетъ: «Ни съ мѣста! Вотъ я тебя!» Вертится Кручекъ, пищитъ, радъ бы сквозъ землю провалиться, но тутъ баба сама умаялась и бро-

сила палку. Бѣдный Кручекъ поджалъ хвостъ и, жалобно визжа, потащился въ сарай и тамъ до самаго вечера лизалъ свои отбитые бока.

На другой день баба запираетъ и кота, и Кручка въ дуланъ, ставитъ горшки въ печку, а сама идетъ къ сосѣдкѣ.

Посидѣла она немного у сосѣдки, поболтала, возвращается, а въ хатѣ чистое свѣтопредставленіе!

Котъ съ Кручкомъ въ чуланѣ грызутся такъ, что шерсть клочьями летитъ, а въ хатѣ печь открыта, горшки пусты, кастрюля со сметаной вылизана такъ, какъ будто ее кто вымылъ, а младенецъ въ колыбели оретъ, надсаживается.

Отъ великаго горя баба схватилась за голову, но тотчасъ же ея взяла злость, она ударила кулакомъ о кулакъ и говоритъ: — Подожди ты, нечестивое отродье! Ужъ угощу я тебя!

И въ горестныхъ мысляхъ она подошла къ колыбели, потому что подкидышь все заливается крикомъ.

Кормить его бѣдная мать, а слезы такъ и капаютъ изъ ея глазъ, лишь только она посмотритъ на ребенка... какъ измѣнился ея Ясько! Прежде она сиживала съ нимъ передъ хатой на порогѣ, а всякій, кто проходилъ мимо, хвалилъ ребенка, потому что другого такого не скоро сыщешь.

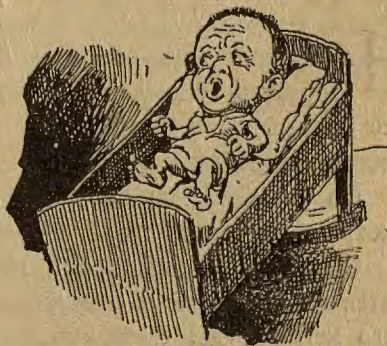
А теперь она его и показать людямъ не смѣетъ, — такое изъ него вышло страшилище.

• Не улыбается уже онъ, не болтаетъ, ручонки къ материнскимъ коралламъ не протягиваетъ, лежитъ весь раздутый, сморщенный, лысый, словно старикъ какой-нибудь.

Расти, тоже не растеть, только голова его становится все больше и тяжелѣй, все больше походить на дыню.

Сущее наказаніе!

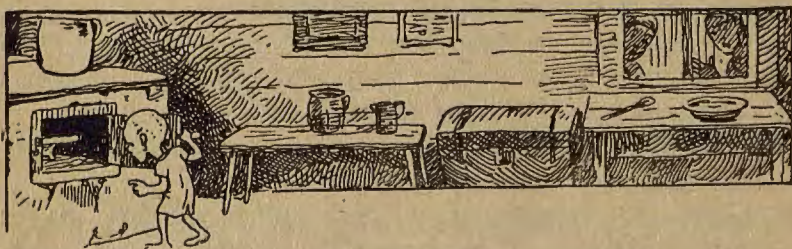
Ужъ она пробовала умывать его съ глазу, бросала въ воду

три уголька, три кусочка хлѣба, и въ полынномъ отварѣ купала, и освященной вербой окуривала, — ничего не помогло.

А тутъ вдобавокъ такой убытокъ! Наготовить она ѣды на двухъ взрослыхъ мужиковъ, а только что выйдетъ на минуту изъ хаты, то ѣды и на нее одну не останется.

— Ребенокъ... что жъ съ нимъ подѣлаешь, — говорила разогорченная баба, — попущеніе Божеское! Но что касается насчетъ этого обжорства, то я не прощу! Что хочешь обѣдай мнѣ, — не прощу!

II.

На другой день наварила баба горшокъ капусты, наварила горшокъ гороху, поджарила хорошій кусокъ сала, вставила все это въ печь, закрыла ее, взяла съ собою кота и Кручка, накормила ребенка и ушла.

Но ушла она не далеко, а только остановилась за угломъ и смотреть украдкой въ окно.

Смотрить, а подкидывшъ поднимается съ своей постели, садится въ колыбели и осматривается по комнатѣ, нѣтъ ли возлѣ него кого-нибудь. Смотритъ баба дальше, а онъ вылѣзаетъ изъ колыбели, и — прямокомъ къ печкѣ. Подошелъ, отодвинулъ заслонку, понюхалъ съ видимымъ удовольствіемъ, потому что ему понравился запахъ сала, и давай искать ложки. А ложки были заперты.

Непріятно ему было громоздиться къ шкапу, но, тѣмъ не мѣнѣе, онъ взобрался на сундукъ, выбралъ самую большую ложку

и полѣзъ съ нею въ горшки. Вытащилъ онъ изъ печки капусту, приправилъ еѣ саломъ, прибавилъ гороху, а у самого даже уши трясутся.

Струсилъ баба, смотря на это, всплеснула руками и полетѣла къ сосѣдкѣ за совѣтомъ.

Прибѣжали онѣ обѣ почти тотчасъ же, — въ горшкахъ почти уже пусто, подкидышь же сопитъ, но ѣсть не перестаетъ.

Подчистилъ всю капусту, подчистилъ горохъ до конца, постукалъ ложкою въ пустой горшокъ, наклонилъ кастрюлю, до чиста вылизалъ все, что было, ходитъ по хатѣ, словно старикъ, и въ углы заглядываетъ.

Баба только зубы стиснула, но ничего, — молчить.

А тотъ ходилъ, ходилъ и нашелъ яйцо, которое курица снесла подъ кошелкой, началъ мотать головой и удивляться этому яйцу.

— Семьдесятъ семь лѣтъ живу я, — говоритъ онъ, — а еще не видалъ такой бочки безъ обручей.

Сосѣдка по его словамъ тотчасъ же узнала, что это гномъ.

— Дѣлать тутъ нечего, — говоритъ она, — нужно призвать на помощь Бога, вырѣзать крѣпкую березовую вѣтку, выпоротъ этого подкидыша и бросить его въ помойку. Когда онъ будетъ пищать въ помойкѣ, то гномы настоящаго ребенка возвратятъ назадъ, а этого урода возьмутъ къ себѣ.

Бабѣ это пришлось по сердцу, и она начала стегать подкидыша. А черезъ два дома отъ нея жила Кукулина, вдова, съ маленькою дочкой, Марисей.

Нужно же было такъ случиться, чтобы эта вдова взяла свою дѣвчонку на руки и отправилась бы полоть на господское поле.

Слышитъ она чей-то крикъ у сосѣдки, остановилась и думаетъ:

— Бьютъ кого-нибудь, иначе и быть не можетъ. Нужно итти заступиться.

А тутъ и ея дѣвчонка, которая и говорить-то не умѣла, начала хныкать отъ жалости, что кого-то обижаютъ, и кому-то дѣлается такъ больно.

Посмотрѣла Кукулина на дорогу, посмотрѣла на солнце, которое уже сильно поднялось кверху. Не хотѣлось ей тратить времени, потому что она была женщина работающая, но жалость все-таки пересилила. Идетъ она къ сосѣдкѣ, а у той двери заперты.

— Сосѣдка! — кричитъ она. — Кто это у васъ такъ кричитъ?

Баба отвѣчаетъ:

— Не ваше дѣло! Идите своей дорогой!

Но Кукулина не унимается:

— Сосѣдка, мнѣ сдается, что это ты такъ бьешь своего Яську. Пожалѣй его, онъ еще такой маленькій!

Баба опять свое:

— Онъ, подкидышъ, такой же мой, какъ тотъ злой вѣтеръ, который летаетъ по полю.

— Хотя бы онъ и не вашъ былъ, пожалѣйте его, больно тяжело такой крикъ слышать.

Тутъ Марися начала еще сильнѣй плакать.

Баба разсвирѣпѣла:

— Скажите на милость, какая милосердная!.. Защитница какая нашлась! Ступай, откуда пришла, въ чужія двери носа не суй, потому что тебѣ прищемятъ его, вмѣстѣ съ твоею пискуней!

Непріятно было Кукулинѣ получить такой отвѣтъ, но, такъ какъ въ хатѣ все смолкло, то она и думаетъ:

— Ну, что на нее обижаться, благо она смилостивилась. Мало ли чего человѣкъ въ гнѣвѣ не скажетъ, помнить этого не нужно. Хорошо, что тамъ все утихло.

И она пошла дальше.

Но и Краснолюдки услышали крикъ своего Подзѣмка и говорятъ одинъ другому:

— Не хорошо! Дѣлать нечего, надо итти на выручку.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ — дивное диво! — въ хатѣ изъ-подъ печки начали появляться маленькіе человѣчки въ желтыхъ и зеленыхъ епанчахъ, каждый въ рукахъ держитъ красную шапочку, низко кланяется бабѣ и проситъ, чтобы она выпустила на свободу ихъ товарища, а они ей насыплютъ въ передникъ столько талеровъ, сколько онъ выдержитъ.

Смягчилось у бабы сердце, когда она услышала о талерахъ, но сосѣдка вдругъ какъ крикнетъ у нея надъ ухомъ:

— Не пускай его на волю, кума, если въ Бога вѣруешь, потому что они не отдадутъ твоего мальчонку, а талеры — пустое дѣло, ничего больше!

Баба послушалась и говорить:

— Маршъ отсюда! Мальчонку моего отдайте, а вашихъ талеровъ я не желаю! убирайтесь одинъ за другимъ, иначе всей компаніи достанется.

Гномы прижали уши. Одинъ за другимъ шмыгъ подѣ печку. А баба взяла Подзѣмку за шиворотъ и на помойку.

Запищаль Подзѣмокъ, словно котенокъ, когда его выпустили изъ рукъ и бросили на земь, не столько отъ боли, сколько отъ страха, — потому что не зналъ, что съ нимъ сдѣлаютъ.

Но въ это время Кукулина повернулась лицомъ къ хатѣ, видитъ, — лежитъ бѣдняга на кучѣ сора и плачетъ. Тотчасъ же она подошла къ нему, отерла ему глаза отъ слезъ, ласково заговорила съ нимъ, удѣлила ему кусочекъ хлѣба изъ своего скуднаго завтрака, нарвала пригоршню свѣжей травы, подостлала подѣ него, чтобы ему было сухо и чисто, а замѣтивъ, что солнце все выше и выше поднимается по небу, отыскала возлѣ рва большій листь лопуха и устроила ему палатку отъ зноя.

Подзѣмокъ признательно посмотрѣлъ на вдову, и, увидавъ, что Марися захлопала ручонками, что ему такъ хорошо и чисто лежать на травкѣ и подѣ лопушинымъ листомъ, — улыбнулся ей и почувствовалъ великую сладость въ сердцѣ, великую благодарность и глубоко растрогался.

— Дай Богъ расплатиться когда-нибудь съ вами! — шепнулъ онъ самому себѣ, когда Кукулина скрылась съ своей дѣвочкой.

Она хотѣла было взять его съ собою, да не осмѣлилась... Все-таки у него есть мать, а мать, извѣстное дѣло, порою и розгой отстегаетъ, а потомъ приласкаетъ и на руки возьметъ...

Такъ думала Кукулина, а того и не знала, что гномы подмѣнили ребенка бабы, и что это не ея сыночекъ, а гномъ-подкидышъ.

Прошелъ день. Вечеромъ вышла баба посмотрѣть, что случилось, а Подзѣмка и слѣда нѣтъ, — возлѣ порога лежитъ ея Ясько: волоса, какъ ленъ, глазенки, словно чаберъ, губы, какъ лѣсная ягода!

Краснолюдки отнесли его бабѣ, а своего взяли обратно.

Вотъ была радость и утѣха! Сдѣлала баба яичницу изъ цѣлаго десятка яицъ, пригласила сосѣдку въ гости, еще и булку испекла, — вотъ какъ она благодарила ее!

Потомъ Ясько обратился въ виднаго парня, но всегда былъ дикій, отъ людей бѣгалъ, шатался по горамъ и по лѣсамъ, рассказывалъ, какія дивныя дивы онъ видѣлъ подъ землей, какія сокровища у этихъ маленькихъ людей. Въ деревнѣ его за это считали дурачкомъ, а словамъ его ни на каплю не вѣрили, — такъ оно и осталось.

Тѣмъ временемъ Подзѣмокъ быстро излѣчился отъ своихъ ранъ. Гномы знаютъ разныя зелья и чудодѣйственныя мази. И какъ начали они облѣплять его пластырями, окуривать, натирать то волчьими ягодами, то комаринымъ саломъ, то паучиной желчью, такъ сразу и вылѣчили его.

Король же Огонекъ любилъ Подзѣмка, держалъ его у себя въ милости и сострадательными очами взиравъ на его страданія отъ голода.

И Подзѣмокъ также очень любилъ короля и часто сиживалъ у королевскихъ стоцъ, то отогрѣвая ихъ своимъ дыханіемъ, то наигрывая на свирѣли разныя пѣсенки, отъ которыхъ въ кристальной пещерѣ становилось какъ будто теплѣе.

Но когда дѣло доходило до ѣды, то Подзѣмокъ забывалъ обо всемъ, думалъ только о хлѣбѣ, и никому не давалъ приступа ни къ мискѣ, ни къ ложкѣ. А если ему кто-нибудь противился, то онъ впадалъ въ страшный гнѣвъ и готовъ былъ хотъ одинъ итти противъ цѣлой дружины.

Однажды поднялся страшный шумъ.

Подзѣмокъ напалъ на эконома за то, что ему, какъ и всѣмъ другимъ, отпустили на весь день только три зернышка гороха; и мало того, что сильно побить вѣрнаго царскаго слугу, но еще и самъ пошелъ жаловаться королю, что его обижаютъ.

Король отпустилъ его ни съ чѣмъ, сказавъ, что законъ долженъ быть для всѣхъ одинаковъ, но Подзѣмокъ еще болѣе началъ кипятиться.

— Коли такъ, — говоритъ онъ, — коли для меня здѣсь нѣтъ справедливости, то я иду на землю. Тамъ у всякой бабы я найду лучшее пропитаніе, чѣмъ здѣсь, за королевскимъ столомъ.

Другіе гномы со смѣхомъ отвѣтили ему:

— Иди, иди, обжора! По крайней мѣрѣ, однимъ ртомъ будетъ меньше въ нынѣшнія тяжелыя времена.

Они думали, что это однѣ лишь шутки, но Подзѣмокъ сказалъ:

— Вотъ и увидите, что я пойду!

Гномы опять расхохотались:

— Да принеси намъ вѣсть о веснѣ, коли ты такой храбрецъ!

Подзѣмокъ стоялъ на своемъ:

— И увидите, что принесу!

Онъ подпоясался ремнемъ, сунулъ свирѣль за пазуху, поклонился королю, набилъ трубку и направился къ выходу.

III.

Уже смеркалось, когда Подзѣмокъ, остановившись у отверстія пещеры, вздохнулъ и началъ оглядываться по сторонамъ. Налѣво все было пусто и дико. Тамъ стоялъ черный боръ,

на соснахъ каркали вороны, въ ложбинахъ бѣлѣлся еще не-
растаявшій снѣгъ, мокрыя хвои темнымъ ковромъ устилали землю,
а отъ мрачной стѣны шумящихъ деревьевъ вѣяло влажнымъ,
пронзительнымъ, острымъ дыханіемъ.

— Брр! Зима! — проворчалъ Подзёмокъ и посмотрѣлъ на-
право.

Направо, къ рѣкѣ разстилалась веселая долина, по которой
съ журчаньемъ неслись ручьи, а кустики свѣжихъ травъ такъ
и рвались изъ-подъ земли къ свѣту. Надъ долиною угасала
заря.

Подзёмокъ ударилъ себя ладонью по лбу и воскликнулъ:

— Да вѣдь это, наконецъ, весна!

Вдругъ со стороны бора повѣяло ледянымъ вѣтромъ.

Закручинился Подзёмокъ и говорить:

— Поди-ка, ухитрись, разгадай, зима теперь, или весна? Съ
лѣвой стороны такъ, съ правой этакъ! И самъ царь Соломонъ
сталъ бы втупикъ.

Въ это время надъ нимъ что-то зашумѣло въ воздухѣ.

— Ого! — думаетъ Подзёмокъ, — теперь-то я ужъ добыюсь
правды! Или это воронъ, или голубь. Если воронъ, — то зима,
а если голубь, — то весна.

Но едва онъ подумалъ это, смотреть, а передъ нимъ, какъ
разъ прямехонько, опускается летучая мышь.

— Поди-ка, ухитрись, разгадай! — снова проворчалъ Подзѣ-
мокъ и началъ крутить головою.

Крутить головою влѣво и вправо, думаетъ, и все-таки ни-
чего выдумать не можетъ.

Посмотрѣлъ онъ въ долину, а тамъ какой-то бѣлый свѣтъ,
почти что серебристый.

— Ого! — воскликнулъ Подзёмокъ, — теперь-то я ужъ до-
быюсь правды! Или это снѣгъ, или роса. Если снѣгъ, — то зима,
а если роса, — то весна.

И онъ внимательно началъ разсматривать, что это такое.
Вытаращилъ хорошенько глаза, — оказывается, что это ни снѣгъ,
ни роса, а только туманъ.

— Поди-ка, ухитрись, разгадай! — въ третій разъ проворчалъ Подзёмокъ и съ огорченіемъ закрутилъ головой.

Крутитъ онъ головою влѣво и вправо, думаетъ, и все-таки ничего выдумать не можетъ.

Посмотрѣлъ онъ въ боръ, а тамъ въ заросляхъ что-то свѣтится.

— Ого! — крикнулъ онъ, — вотъ теперь-то я ужъ навѣрно добьюсь правды. Или это свѣтляки, или гнилушки. Если гнилушки, то зима, а если свѣтляки, то лѣто.

И онъ тотчасъ же побѣжалъ на этотъ свѣтъ.

Прибѣжалъ, смотритъ, оказывается, что это волчьи глаза.

Подзёмокъ страшно разсердился и говоритъ:

— погоди, свѣтишь ты мнѣ, и я тебѣ посвѣчу!

Съ этими словами онъ высѣкъ огня, закурилъ трубку и, выпустивъ большой клубъ дыма, повернулъ голову и совершенно пересталъ думать о волкѣ.

Тѣмъ временемъ ему страшно захотѣлось ѣсть. Глядитъ, высматриваетъ, чѣмъ бы ему подкрѣпиться, и видитъ, — лежитъ что-то во мху. А мѣсто было то самое, на которомъ Чепухинскій-Вздорный рисовалъ части свѣта и размѣрялъ пути весны.

Смотритъ Подзёмокъ и видитъ, — лежитъ что-то круглое. Думаетъ, яйцо.

А то былъ комочекъ извести, изъ которой ученый мужъ слѣпилъ земной шаръ.

— Какое-то особенное яйцо! — думаетъ Подзёмокъ, стукнулъ его, смотритъ, — извѣсть.

Этого для него было ужъ слишкомъ достаточно. Онъ съ гнѣвомъ растяннулся на мху, подперъ голову рукою и заснулъ.

До утра было еще далеко, и разсвѣтъ еле-еле серебрилъ восточную сторону небосклона, когда Подзѣмокъ услышалъ надъ собою какой-то сильный шумъ.

Онъ очнулся, сѣлъ, протеръ глаза, смотреть, — а это аисты летятъ. Изъ-за моря летятъ, изъ-за синяго. Распростерли свои крылья въ тихомъ, посеребренномъ воздухѣ и широкимъ полетомъ направляются къ своимъ старымъ гнѣздамъ.

— Какъ разъ въ самую пору! — подумалъ Подзѣмокъ. — На такой лошаdkѣ все-таки дѣло будетъ спорѣй, чѣмъ пѣшкомъ.

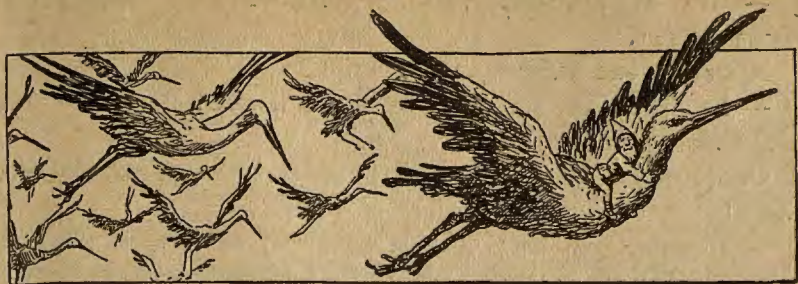
А когда онъ думалъ такъ, аисты какъ разъ пролетали надъ той горкой, гдѣ стоялъ онъ, и чуть не вплотную приблизились къ землѣ. Подзѣмокъ подпрыгнулъ, вскочилъ на ближайшаго аиста, обвилъ руками его шею, стиснулъ пятками бока, какъ настоящій всадникъ, когда онъ пускаетъ коня во всю прыть, и помчался впереди всѣхъ.

Но едва они пролетѣли надъ долиной и надъ рѣкой, которая подъ розовыми лучами горѣла яркими блестками, какъ Подзѣмокъ началъ соображать и припоминать что-то. Выгонъ, прудъ, пограничные холмы, полевые груши, деревня, далеко растянувшаяся двумя рядами хатъ, сарай, — все это было какъ будто знакомо ему.

И вдругъ онъ пришелъ въ ужасъ. Не туманъ ли палъ ему въ глаза? Онъ видитъ хату, стоящую на краю селенія посреди березъ, передъ хатой разрытую курами навозную кучу и новую метлу у порога. Протеръ онъ глаза, сплюнулъ въ сторону, — ничего не помогаетъ! Хата, береза и метла не исчезаютъ. У Подзѣмка по кожѣ пробѣжали мурашки.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что это былъ тотъ самый домъ, въ которомъ онъ, подъ видомъ подкидыша, лежалъ въ колыбели и таскалъ у бабы изъ горшковъ разную пищу, и та самая помойка, на которую онъ былъ выброшенъ въ самомъ жалкомъ положенiи.

— Тпру... Тпру... — крикнулъ Подзѣмокъ на аиста, какъ на лошадь, но аистъ, завидѣвъ на крышѣ свое старое гнѣздо, началъ весело клекотать и, оставляя далеко за собою своихъ товарищей, прямо понесся къ этой хатѣ.

Съежился бѣдный Подзѣмокъ, какъ только могъ, припалъ къ шеѣ аиста и сдѣлался еще меньшимъ, чѣмъ былъ.

— Нечистый меня сюда принеси! — думалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ при воспоминаніи о бабѣ.

Онъ уже оглядывался, не лучше ли ему соскочить на земь, чѣмъ рисковать вторично встрѣтиться съ бабой, но было несомнѣнно, что при такомъ прыжкѣ онъ сломаетъ себѣ шею. Подзѣмокъ подумалъ, подумалъ и остался на мѣстѣ.

Тѣмъ временемъ аистъ описалъ широкій кругъ надъ почернѣлой, поросшей мхомъ кровлей, описалъ другой поуже, и, опускаясь все ниже, наконецъ, сдѣлавъ половину третьяго, вытянулъ длинную шею, съ громкимъ клекотомъ упалъ въ старое гнѣздо и еще нѣсколько минутъ отъ радости билъ тихій голубой воздухъ своими большими крыльями.

Высунулъ Подзѣмокъ голову изъ-за шеи аиста, смотреть, — все какъ было: въ коровникѣ мычатъ телята, кудахтаетъ пестрая курица, горшокъ вверхъ дномъ торчитъ на колышкѣ у плетня, за угломъ похрапываетъ Кручекъ.

Въ это время двѣри хаты скрипнули.

— Какъ Богъ святъ, баба! — думаетъ Подзѣмокъ, и спина у него начинаетъ чесаться.

И, дѣйствительно, раздался возгласъ бабы:

— А! Прилетѣлъ! Милости просимъ пожаловать въ добрый часъ... Милости просимъ!...

Подзѣмокъ тотчасъ же прячется за шею аиста, но баба какимъ-то образомъ все-таки увидала его.

— Что за пропасть такая? — говорит она, внимательно смотря кверху.

И вдруг она всплеснула руками.

— Караул! Та же самая нечистая погань! Заговоръ тутъ какой-нибудь, что ли!

Она тотчасъ же воспалилась гнѣвомъ и закричала во весь полось:

— Подожди ты, вотъ я тебя кочергою сейчасъ достану.

И она бѣгомъ побѣжала въ хату, а Подзѣмокъ тѣмъ временемъ прыгнулъ съ аиста на самое дно гнѣзда. Зарылся онъ въ солому, съежился, сидитъ, а самъ выглядываетъ сквозь щелку, что будетъ дальше.

И, дѣйствительно, не прошло и минуты, какъ баба уже прибѣжала съ кочергою. Смотритъ она на крышу, — никого нѣту, лишь аистъ раскорячился на своихъ красныхъ ногахъ и громкогласно кричить.

— А куда же этотъ-то дѣвался? — заорала баба. — Туманъ на глаза мнѣ палъ; или что-нибудь другое?

Въ это время какая-то соломинка такъ попала въ носъ Подзѣмка, что онъ никакъ не могъ сдержаться и чихнулъ словно изъ пушки.

— А, вотъ ты гдѣ! — завопила баба, и полѣзла за нимъ съ кочергой.

Но достать его она не могла, потому что кочерга оказалась коротка.

— Подожди же, — продолжала кричать она. — Сейчасъ пойду принесу лѣстницу.

— Плохо дѣло! — думаетъ Подзѣмокъ и смотритъ, не явится ли откуда-нибудь помощь. А холодный потъ такъ и выступаетъ у него на лбу.

Посмотрѣлъ онъ внизъ, тащить баба саженную лѣстницу, такую, что съ нея и на церковную колокольную влѣзть можно.

У Подзѣмка защемило сердце, а баба уже оперла лѣстницу о крышу и лѣзетъ съ кочергою.

Несчастный гномъ подскочилъ къ самому краю трубы,

— Прыгнуть, что ли? — подумалъ онъ. — Посмотрѣлъ, — и думать нечего! Прыгнешь съ такой высоты, — разобьешься, какъ пасхальное крашеное яйцо.

А баба стоитъ уже на половинѣ лѣстницы и протягиваетъ кочергу.

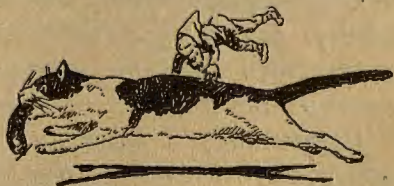
— Смерть, не смерть, — думаетъ Подзѣмокъ, — все лучше бабьихъ побоевъ! Онъ зажмурилъ глаза, разбѣжался и прыгнуть. Сразу же въ головѣ у него закружилось; свѣтъ завертѣлся подъ нимъ, словно запущенный кубарь: крыша, баба, хата и кочерга слились въ его глазахъ въ одно, и онъ былъ увѣренъ, что костей своихъ не сберетъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что падаетъ на что-то мягкое, точно какъ на пуховикъ, и что это мягкое во весь духъ мчится съ нимъ вмѣстѣ.

Онъ ухватился обѣими руками, чтобы не упасть, потому что его поразилъ пріятный запахъ, словно кто-то провелъ у него подъ носомъ кускомъ копченой ветчины.

То былъ котъ, который, стащивъ колбасу, которая коптилась въ трубѣ, потихоньку прокрадывался на чердакъ, когда Подзѣмокъ сверху свалился къ нему на спину, отчего котъ! страшно перепугался, думая что это баба поймала его, держать его за спину, и еще болѣе прибавилъ прыти.

Они были уже далеко отъ хаты, и деревня почти совсѣмъ скрылась изъ ихъ глазъ, когда котище, забравшись въ хворостъ и кропиву, началъ кататься по нимъ, чтобы сбросить со спины обременяющую его тяжесть.

Но Подзѣмокъ не уступалъ. Правда, кропива жгла его, хворостъ царапалъ, но запахъ колбасы былъ такъ пріятенъ, что онъ рѣшилъ не разставаться съ находкой.

И только когда котъ, бросаясь изъ стороны въ сторону, выпустилъ колбасу изъ зубовъ, Подзѣмокъ соскочилъ съ его спины, схватилъ колбасу, отеръ съ нея песокъ лопухомъ, ску-

шалъ, и, подкрѣпившись достаточно, закурилъ трубочку, легъ подъ кустомъ и, раздумывая о своихъ удивительныхъ приключеніяхъ, сладко заснулъ.

IV.

День былъ уже полный, и солнце начинало прокрадываться сквозь кустарники, когда Подзѣмокъ вдругъ пробудился, сѣлъ и сталъ внимательно прислушиваться. Ему показалось, что его разбудилъ какой-то странный звукъ. Вотъ онъ и слушалъ, хорошенько не зная, снится ли это ему, или не снится, потому что вокругъ ничего не было видно. Но, по воздуху, дѣйствительно, пролеталъ какой-то звукъ, сначала слабый, какъ жужжанье мухи, потомъ какъ комариная пѣсня, наконецъ, какъ пчелиный хоръ, когда рой вылетаетъ на лугъ.

Но изъ этихъ звуковъ сплеталась какая-то чудачливая пѣсня, не то громкая, не то тихая, не то птичья, не то человѣческая, не то веселая, не то печальная, но такая трогательная, что хотъ смѣйся и плачь въ одно и то же время.

Все внимательнѣй и внимательнѣй прислушивался Подзѣмокъ, который ко всякой музыкѣ имѣлъ особенное пристрастіе, и въ концѣ, сообразивши, откуда идетъ этотъ голосъ, всталъ и пошелъ прямо на него.

Спустя малое время, онъ вышелъ изъ зарослей на лѣсную полянку, окруженную густымъ боромъ. Надъ полянкой вилась тонкая струя дыма отъ небольшого костра, у котораго что-то варилось въ котелкѣ и издавало пріятное благоуханіе.

Подзѣмокъ уже потянулъ носомъ это благоуханіе и хотѣлъ было подойти поближе, потому что былъ охочъ на всякую їду, когда маленькая собачонка, безъ толку бѣгавшая то туда, то сюда, начала ворчать и повизгивать. На ея лай тотчасъ же поднялся лежащій у костра цыганъ, который игралъ на волынкѣ, и, держа на плечѣ привязанную къ шнурку обезьянку, училъ ее прыгать. Цыганъ оглянулся вокругъ, но ничего подозрительнаго не увидалъ, потому что Подзѣмокъ, послѣ утренняго при-

ключенія съ бабой, до нѣкоторой степени почувствовалъ отвращеніе ко всякой встрѣчѣ съ людьми, присѣлъ за кустомъ терновника и ждалъ, что будетъ дальше.

Тогда цыганъ легъ возлѣ костра и снова началъ давать уроки обезьянкѣ. Какъ только онъ заиграетъ на волынкѣ, такъ сейчасъ же дернетъ за шнурокъ, а бѣдная обезьянка скачетъ то вправо, то влѣво, но такъ неумѣло и такъ тяжело, что цыганъ нѣтъ-нѣтъ, да и хлестнетъ ее шлепкомъ.

— Бѣдный, звѣрекъ! — думаетъ Подзѣмокъ. Сердце у него было мягкое, и онъ незамѣтно выступилъ изъ-за кустарника.

Выступилъ онъ и остановился, какъ вкопанный. Да вѣдь это Чепухинскій-Вздорный собственной своей персоной, а не какая-нибудь обезьянка скачетъ подь цыганскую волынку.

Страшная жалость и удивленіе проникли въ сердце Подзѣмка, такъ что онъ не могъ побѣдить ихъ, подбѣжалъ къ костру и воскликнулъ:

— Ты ли это, ученый мужъ, или глаза мои обманываютъ меня?

Чепухинскій-Вздорный узналъ его и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Спаси, братъ Подзѣмокъ, будь добръ!

Тутъ они бросились другъ къ другу въ объятія и съ чувствомъ начали цѣловаться.

Цыганъ раскрылъ ротъ, выпустилъ изъ зубовъ дудку волынки, самъ себѣ не вѣрять, глаза протираетъ.

— Что за притча такая? — думаетъ онъ. — Обезьяны или не обезьяны? Тьфу ты, пропасть! А вѣдь говорятъ, какъ люди.

Сначала его охватилъ такой страхъ, что онъ едва не вы-

пустилъ изъ рукъ шнурка, но вдругъ ему въ голову пришла новая мысль: онъ поспѣшно снялъ съ головы шляпу, накрылъ обоихъ гномовъ, потомъ привязалъ на шнурокъ и Подзѣмка и весело разсмѣялся.

— Вотъ теперь на ярмаркѣ хорошія денежки заработать можно! — сказалъ онъ. — Да еще какія! Серебромъ, золотомъ я заставляю платить себѣ за такую потѣху. Обезьяны, которыя плачутъ, разговариваютъ и цѣлуются, точно люди. Да вѣдь это одинъ разъ въ тысячу лѣтъ случается, если только не рѣже!

Онъ быстро съѣлъ кашу, которая варилась въ его котелкѣ, всталъ, огонь засыпалъ пепломъ, и, держа на одномъ плечѣ Чепухинскаго - Вздорнаго, а на другомъ Подзѣмка, широко шагая, направился въ городъ.

Горько заплакалъ Чепухинскій-Вздорный, видя, какому униженію подвергается онъ... Его будутъ показывать на ярмаркѣ въ качествѣ обезьяны! Но Подзѣмокъ незамѣтно толкнулъ его и говоритъ:

— Не огорчайся, ученый мужъ! Еще не все потеряно.

— Ахъ, братъ, — простоналъ Чепухинскій-Вздорный, — во что обратится моя слава, когда у меня и книги нѣтъ!

— А что же съ нею случилось?

— Пропала!

— А перо?

— Сломано!

— А чернильница?

— Разбита!

— Гм! — грустно согласился Подзѣмокъ, — правда, что вся твоя ученость погибла, потому что у тебя нѣтъ ни книги, ни пера, ни чернильницы. Но знаешь, что я скажу теперь? При теперешнихъ обстоятельствахъ держи себя не какъ ученый, а какъ самый обыкновенный простой человѣкъ, такой, какъ я, на примѣръ, и все это зло обратится намъ въ добро.

Тутъ онъ замолкъ, потому что на дорогѣ слышались многочисленные голоса и все болѣе и болѣе приближались къ нимъ.

То была цыганская шайка, такъ же спѣшившая на ярмарку

въ мѣстечко: молодыя, оборванные и загорѣлыя цыганки съ дѣтьми, торчащими за спиною, старухи съ трубками въ зубахъ, мужчины съ котелками на палкахъ, и маленькіе цыганята съ курчавыми волосами и хитро бѣгающими глазами.

Къ этимъ-то цыганамъ присоединился и тотъ, который несъ Чепухинскаго-Вздорнаго и Подзѣмка, и всѣ кучей пошли дальше.

Цыгане вели себя, какъ и приличествуетъ цыганамъ. Одни по дорогѣ ворожили, другіе хватали все, что имъ попадется подъ руку: полотнище съ плетня, курицу, гуся, и даже куски сыра, висящаго на солнцѣ. Имъ это доставалось безъ особеннаго труда, потому что народъ ушелъ уже на ярмарку, и хаты стояли пустыми. И много вещей тогда пропало въ деревнѣ.

Наконецъ, вся шайка, дойдя до мѣстечка, тотчасъ же раздѣлилась, — одни пошли направо, другіе налево, и каждый боковыми переулками началъ своею дорогою прокрадываться къ базару.

А ярмарка была въ полномъ разгарѣ.

День стоялъ погожій; людей собралось видимо-невидимо; — лошади, телѣги и разный скотъ занимали всю широкую площадь. Мужики обступили лари съ обувью и шапками; бабы торговали горшки и миски, дѣвицы покупали ленты и бусы, дѣти пищали на глиняныхъ пѣтушкахъ, грызя пряники и держась за материнскій передникъ.

Изъ кошолокъ и воевъ гуси и утки протягивали свои шеи; — повсюду движеніе, толкотня, гомонъ, кудахтанье, гагаканье, — цѣлый хоръ разнообразнѣйшихъ голосовъ.

Но наибольшая толкотня все-таки была передъ балаганомъ, у дверей котораго стоялъ цыганъ. Онъ стоялъ подбоченившись, напрягалъ всю силу своихъ легкихъ и кричалъ:

— Эй, народъ честной! Сущія чудеса въ этомъ балаганѣ! У кого есть глаза, чтобы смотрѣть, уши, чтобы слушать, и деньги въ карманѣ, чтобы заплатить за входъ? Двѣ обезьянки, привезенныя прямо съ луны! Клянусь своею цыганскою совѣстью! Прямо съ луны! Воды не пьютъ, горшковъ не моютъ, говорятъ по-людски! Эй, народъ честной! Чудеса у насъ въ балаганѣ!

Народъ бросалъ мѣдяки и тѣснился въ балаганъ, гдѣ уличный Чепухинскій-Вздорный долженъ быть бить на барабанъ, а Подзёмокъ играть на свирѣли.

По мѣрѣ того, какъ вокругъ балагана толкотня все увеличивалась, цыгане шныряли между возами, — тамъ стянуть полушубокъ, тамъ платокъ, горшокъ масла, корзину съ яйцами или курицу. Но никто не замѣчалъ этого, потому что всѣ стояли и глазѣли на балаганъ, гдѣ должны были показываться эти чудеса. Видѣлъ это только одинъ Подзёмокъ.

И вотъ, когда Чепухинскій-Вздорный отбарабанилъ свое, Подзёмокъ схватилъ свою свирѣль, но вмѣсто того, чтобы играть на ней, запѣлъ:

Осмотри телѣгу тихо, осторожно,
Все цыганъ утащить, только что возможно!

Посмотрѣли мужики одинъ на другого, но Подзёмокъ ничего себѣ, и опять запѣлъ то же самое:

Осмотри телѣгу тихо, осторожно,
Все цыганъ утащить, только что возможно!

Тогда заглянулъ одинъ мужикъ въ свою телѣгу, а тамъ полушубка нѣтъ. Посмотрѣлъ другой, а у него только что купленныхъ сапоговъ не оказалось. Межъ бабами пошелъ крикъ, что у старостихи пропалъ пестрый платокъ. Какъ зареветъ народъ, какъ бросится на балаганъ; цыгана помяли такъ, что онъ и шнурокъ, и цѣпочку выпустилъ изъ рукъ, а цыгане тотчасъ же улизнули изъ мѣстечка.

Во время этого переполоха Подзёмокъ и Чепухинскій исчезли, какъ будто бы ихъ сдуло вѣтромъ съ лица земли.

V.

Полдень давно уже миновалъ, когда наши Краснолюдки, при-
бѣжавъ на опушку лѣса, почти безъ силъ упали на траву,
чтобы отдохнуть немного.

Чепухинскій-Вздорный былъ въ особенности измученъ, пото-
му что цѣпочка, къ которой приковалъ его цыганъ, неслосно
натирала ему ногу и затрудняла движенія. Ученый лѣтописецъ
до тѣхъ поръ стоналъ и ворчалъ, пока Подзѣмокъ не разбилъ
звеньевъ цѣпочки между двумя камешками и не обернулъ его
ногу свѣжею травою. Но это было не такъ-то легко. Чепухин-
скій-Вздорный сопротивлялся изо всей силы, утверждая, что
подобное простое лѣкарство пригодно только для мужичья, а
не для ученыхъ мужей, но когда почувствовалъ облегченіе, то
сейчасъ же и успокоился.

Тогда Подзѣмокъ, внимательно осмотрѣвшись вокругъ, ра-
достно воскликнулъ:

— Да вѣдь это та самая поляна, гдѣ меня поймалъ цыганъ!

— Конечно, — согласился Чепухинскій.

— Ура! Если такъ, то тамъ должна быть и каша.

Съ этими словами онъ бѣгомъ отправился искать угасшій
костеръ, вскорѣ нашелъ его, разгребъ пепель, подложилъ хво-
росту и изо всей мочи началъ дуть. Угли разгорѣлись, по хворо-
стинамъ начали пробѣгать искры, надъ костромъ взвился ды-
мокъ, и, наконецъ, вспыхнулъ ясный, живой огонь. Минуту спу-

стя, въ котелкѣ бурлила уже вкусная каша. Оба товарища не безъ удовольствія покушали и закурили трубки. Прошло еще нѣсколько часовъ, нужно было уже собираться въ путь, когда Подзѣмокъ зацѣпилъ ногой за что-то твердое, наклонился и нашелъ утерянную цыганомъ волынку и заигралъ на ней.

Изъ волынки вышелъ чудный голосъ, такой, что разбудилъ спящее эхо, и тотчасъ же въ заросляхъ отозвались дрозды, зяблики, ласточки, коноплянки и другія маленькя птицы, словно скрытый хоръ, который только что и ждетъ надлежащаго знака. Въ особенности одинъ чижики запѣлъ такъ дивно, что деревцо, на которомъ онъ сидѣлъ, тотчасъ же покрылось розовымъ цвѣтомъ, а полевые маргаритки, шиповники и лиловые колокольчики вдругъ обратились въ крылатыхъ дѣтей, перешептывающихся между собою: «весна!... весна!... весна!...».

Подзѣмокъ съ радостью прислушивался ко всему этому, облокотившись на посохъ, какъ вдругъ къ этой пѣснѣ, сплетенной изъ птичьяго щебетанія и шопота цвѣтовъ, начала примѣшиваться какая-то скорбная нота. Зазвучала она гдѣ-то далеко, но мало-по-малу приближалась.

На опушку лѣса вышла худая, бѣдно одѣтая женщина, которая, собирая лебеду, отирала отъ слезъ глаза исхудавшею рукою и, думая, что она одна, пѣла унылымъ голосомъ:

Весна, весна ты тяжкая,
Ой, горе мнѣ, бѣдняжка я!
Лишь голода суроваго
До хлѣба жди до новаго... Эхъ!

Отзвукъ ея словъ широкимъ стономъ разлился далеко-далеко по тихому лѣсу, а женщина снова начала:

Пищать дѣтишки малыя,
Голодныя, усталыя..
Цвѣтами лугъ пестрѣтся, —
А здѣсь, что съ нами дѣется... Эхъ!

И снова эхо раздалось въ лѣсной глуши, а бѣдная женщина, собирающая лебеду, пѣла дальше:

Восходить солнце красное,
Но плачу я несчастная...
Росою умывается,
Лишь мнѣ не долго маяться... Эхъ!

Слушаль эту пѣсню Подзѣмокъ, и жалость нарастала въ его добромъ сердцѣ. Припомнилъ онъ весну, нѣкогда проведенную имъ въ деревнѣ, когда въ убогихъ хатахъ не хватало хлѣба и муки, когда матери должны были кормить своихъ дѣтей лебедой, когда скотина издыхала отъ безкормицы, а у кого были хотя бы и отруби, тотъ считалъ себя счастливымъ. И вотъ, когда эхо пѣсни утихло, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Теперь я уже знаю, что весна пришла! Птицы поютъ, цвѣты зацвѣтають, а голодные дѣти плачутъ.

И онъ вспомнилъ, что соръ, собранный въ Кристальной пещерѣ на землѣ, обращается въ деньги, тихонько подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ женщина собирала лебеду, выворотилъ оба кармана и тщательно началъ вытряхивать ихъ. Дѣйствительно, тамъ уцѣлѣло нѣсколько соринокъ, и отъ нихъ-то, когда онѣ упали на землю, разлился яркій свѣтъ.

— Сокровище! Сокровище! — воскликнула женщина, увидавъ серебряныя монетки.

— Иисусе Милосердный! Сокровище! Значить, мы не помремъ съ голоду. Иисусе Милосердный!...

Она набрала цѣлую пригоршню денегъ, упала на колѣна и начала молиться растроганнымъ голосомъ:

— Ты не покинуть своихъ сиротъ! Ты не забыть нужды убогаго! Ты не оставить въ голодѣ алчущаго! Избавитель! Утѣшитель! Отче нашъ!

Она замолкла, и только ясныя слезы, льющіяся изъ ея глазъ, обращенныхъ къ небу, говорили за нее. Слыша и видя это, Подзѣмокъ началъ тереть кулакомъ глаза, и лицо его все сморщилось, такъ какъ онъ приготовился плакать.

Но когда женщина, покорно поцѣловавши землю, встала и направилась въ лѣсъ, Подзѣмокъ говорить:

— Нечего намъ тутъ долго оставаться. Весна въ полномъ разгарѣ. Нужно съ этой вѣстью возвращаться къ королю.

Онъ еще не кончилъ говорить, какъ, вдругъ, слышитъ, что-то стучить по дорогѣ. Посмотрѣлъ Подзѣмокъ, — оказывается тотъ самый цыганъ, который водилъ ихъ на ярмарку, возвращается за котелкомъ и за волынкою.

Подзѣмокъ тотчасъ же поднялъ съ земли суковатую палку, чтобы защититься отъ цыгана, въ случаѣ, если онъ повернетъ въ его сторону.

Вскочилъ и Чепухинскій-Вздорный и уже хотѣлъ бѣжать, когда Подзѣмокъ схватилъ его за рукавъ и говорить:

— Не бойся, ученый мужъ! Водилъ онъ насъ, теперь мы поведемъ его! Въ твоей книгѣ стоитъ, что, въ случаѣ крайней опасности, маленькіе Краснолюдки могутъ преобразиться въ великихъ Краснолюдовъ. Но только скажи, какъ это сдѣлать?

Но Чепухинскій-Вздорный отъ страха такъ щелкалъ зубами, что и слова не могъ выговорить.

— Скорѣй! Скорѣй! — взывалъ Подзѣмокъ.

А цыганъ уже подбѣгалъ къ полянкѣ.

— Нуж... нуж... нужно... — бормоталъ Чепухинскій, трясаясь, какъ въ лихорадкѣ, — нужно на... наз... назвать... великую вещь! наивеличайшую...

А въ это время цыганъ уже замѣтилъ ихъ и крикнулъ:

— Вотъ вы гдѣ, птички! Подождите, заплачу я вамъ сейчасъ!

— Кверху... — промолвилъ Лѣтописецъ...

— Кверху... — крикнулъ также и Подзѣмокъ слегка дрожащимъ голосомъ, но не поднялся даже и на нѣсколько вершковъ.

— Му... му... мудрость! — пробормоталъ Чепухинскій-Вздорный. Но и это ничуть не помогло.

— Сила! — воскликнулъ Подзѣмокъ, въ величайшей тревогѣ, потому что цыганъ уже накладывалъ на него руку. Но какъ онъ былъ малымъ, такъ и остался.

А въ это время въ воздухѣ раздался тихій голосъ, какъ будто вѣтеръ заговорилъ между деревьями:

...Милосердіе!

То было эхо, отразившееся отъ словъ бѣдной женщины, которая шла лѣсомъ, прославляя Божіе милосердіе.

Но когда этотъ голосъ долетѣлъ сюда, поблѣднѣлъ цыганъ и остановился, словно вкопанный.

Маленькіе Краснолюдки начали въ его глазахъ расти, расти, а цыганъ отступалъ... все отступалъ, шепча поблѣднѣвшими отъ страха устами:

— Сгинь, нечистая сила!... сгинь, пропади!...

Тѣмъ временемъ Краснолюдки переросли его на цѣлую голову, переросли на двѣ, на три, наконецъ, сравнялись съ лѣсными соснами и предстали предъ нимъ грозные, могучіе, предстали такими гигантами, что цыганъ, въ сравненіи съ ними казался карликомъ.

Упалъ тогда онъ передъ ними на землю, умоляюще сложилъ руки и началъ звать:

— Пощадите, милостивые господа! Простите, вельможные господа! Я думалъ, что вы обезьяны, — оказывается, что вы чародѣи. Простите цыгана, вельможные великаны!

Подзѣмокъ, обратившійся въ гиганта, нахмурилъ брови и говоритъ густымъ голосомъ:

— Ну, пусть будетъ такъ, потому что сегодня я въ мило-

стивомъ настроеніи духа. Но ты долженъ нести насъ черезъ лѣсъ и черезъ рѣку къ нашей пещерѣ. А если кого-нибудь изъ насъ тряхнетъ, если кто-нибудь зацѣпится о вѣтку, или сапоги замочить, то я тебя сейчасъ же обращаю въ жидовскую клячу. Да о пропитаніи нашемъ озаботься. Чтобы въ каждое время было много ѣды, да хорошей. Что это у тебя торчитъ изъ сумки?

Оказалось, что изъ сумки торчитъ лепешка, стаценная съ лотка, кусокъ копченаго сала и кружокъ сыра.

— Мало! Очень мало!... Совсѣмъ мало!... — ворчалъ Подзѣмокъ, вынимая все это.

Но цыганъ, не вставая съ земли, вопилъ:

— Пусть я сразу стану жидовскою клячею, чѣмъ нести двухъ такихъ верзилъ, какъ вельможные господа, да еще держать ихъ на собственномъ иждивеніи. Такъ ли, сякъ ли, — все равно — погибель моя!

Тутъ онъ началъ стонать и плакать.

Но эхо, отражаясь отъ дерева до дерева, утихало и медленно расплывалось, а вмѣстѣ съ этимъ оба великана начали мало-по-малу уменьшаться.

Тогда Подзѣмокъ сказалъ:

— Ну, не бойся, цыганъ! Встань! Ты видишь наше могущество, — этого достаточно. Теперь мы снова обращаемся въ маленькихъ краснолюдковъ, и тебѣ легко будетъ нести насъ. Только ѣды готовь побольше. Какъ можно больше! Столько же, сколько для взрослыхъ.

Поднявъ голову цыганъ, а передъ нимъ малые карлики. И вотъ онъ началъ цѣловать у нихъ руки, смѣясь и плача въ одно и то же время, потомъ посадилъ ихъ къ себѣ на плечи, а когда они закусили и закурили трубки, пустился съ ними въ путь.

И несъ онъ ихъ такимъ образомъ, до вечера, несъ всю ночь, потому что было полнолуніе, и ночь стояла ясная, и хотя у него ноги затекли, пожаловаться не смѣлъ, изъ опасенія, какъ бы эти чародѣи снова не обратились въ великановъ. Хуже всего то, что изъ хлѣба и сыра ему мало что осталось, потому что Подзѣмокъ, нѣтъ-нѣтъ, да и потянется къ мѣшку и, въ концѣ кон-

цовъ раздулся, какъ пузырь. Теперь онъ нестерпимо обременялъ цыгана, такъ что тотъ то и дѣло пересаживалъ его съ плеча на плечо.

Наконецъ, на другія сутки, въ полдень, они остановились у входа въ Кристальную пещеру, который, однако, былъ такъ заваленъ камнемъ, что оставалась лишь узкая щель, настолько, чтобы можно было пройти одному гному. Чепухинскій-Вздорный проникъ въ пещеру, какъ ни въ чемъ не бывало. Всѣмъ извѣстно, что ученые лѣтописцы всегда бываютъ худощавы. Но Подзѣмокъ такъ откормился во время своей экспедиции, что даже и мечтать не смѣлъ о томъ, чтобы войти обыкновеннымъ путемъ. Попробовалъ другимъ, — ничего не выгораетъ. Тогда онъ крикнулъ цыгану:

— Эй, цыганъ! Не видишь ты развѣ, что этотъ камень выросъ и завалилъ то мѣсто, гдѣ я въ прежнее время проходилъ совершенно свободно? свали его съ дороги!

Цыганъ отвѣтилъ:

— Высокомошный благодѣтель! Будетъ такъ, какъ ты прикажешь. Но я хотѣлъ бы вновь свидѣться съ своей волынкой. Цыганъ безъ волынки, все равно, что нищій-дѣдъ безъ ежа*). Я вѣрно служилъ ясновельможнымъ господамъ и прошу, чтобы мнѣ возвратили мое.

Подзѣмокъ досталъ волынку и говоритъ:

— Совсѣмъ это цыганская повадка, всегда выцыганить что-нибудь напоследокъ. Отваливай камень какъ можно скорѣе, потому что я спѣшу къ королю.

Понатужился цыганъ, уперся въ камень плечами и такъ сильно толкнулъ его, что камень, вмѣстѣ съ волынкой и съ самимъ цыганомъ, трахъ! и покатился въ долину.

Въ пещеру ворвался ясный день огромными снопами тепла и свѣта, а на крикъ входящаго Подзѣмка:

— Здравствуйте, братья!

Отвѣтили сотни голосовъ:

— Солнце! солнце! солнце!

*) Ежъ, — посохъ у нищихъ, обтянутый ежовой шкуркой, для защиты отъ собакъ.

Король Огонекъ покидаетъ Кристальную пещеру.

I.

Ночь была тихая, теплая, до разсвѣта еще далеко, когда возвращающійся съ ярмарки Петръ Скробекъ вдругъ увидать неожиданный свѣтъ. Какъ будто что-то горѣло подъ маленькой скалой.

— Что это такое? — думаетъ Скробекъ, — огонь или не огонь? Или, можетъ быть, это кладъ очищается? Старые люди говорятъ, что тутъ, въ этихъ скалахъ, въ древнія времена разбойники зарывали въ землю награбленное золото — серебро. Другого и быть не можетъ, — это святой огонь очищаетъ деньги отъ людской несправедливости... Сто лѣтъ должно пройти для этого. А коли сиротская копейка, такъ двѣсти... И вотъ, когда эта несправедливость выгорить, тогда кладъ и дается человѣку. Вотъ, если бы мнѣ выпало такое счастье!

Онъ хлестнулъ бичомъ свою лошаденку и прямо поѣхалъ на свѣтъ.

— Пропадетъ, или не пропадетъ? — думалъ онъ по дорогѣ, — Если время еще не наступило, то и пропадетъ.

Но свѣтъ не угасалъ; напротивъ, изъ-подъ скалы начали струиться все сильнѣе и сильнѣе чудные, радужные лучи, какъ это бываетъ, когда лучъ солнца преломится въ капляхъ росы.

Сердце несчастнаго Скробека начало сильно трепетать. Мужикъ онъ былъ бѣдный, какъ церковная мышь, а, вдобавокъ у него была пара свѣтловолосыхъ ребятишекъ, пара сиротокъ. Вотъ эти дѣти, бѣдная лачуга, жалкая лошаденка и рѣшетчатая телѣга составляли все его достояніе.

Нанимался онъ въ извозъ, какъ могъ, гонялся за копейкой, но и при всемъ этомъ въ хатѣ хлѣбъ не всегда бывалъ въ достаточномъ количествѣ. Охъ, ужъ и пригодился бы ему кладъ!

Бѣдетъ бѣдный Скробекъ и молится въ глубинѣ души, и думаетъ, какъ бы онъ купилъ у сосѣда клинъ земли, какъ бы сажалъ на немъ картофель и кормилъ бы своихъ сиротъ.

Вдругъ онъ смотритъ, — а въ томъ свѣтѣ движется и копошится толпа маленькихъ человѣчковъ, такихъ, что издали едва ихъ отъ земли отличишь; — длинныя бороды, одежды странныя, а все же они люди, какъ люди.

— Краснолюдки! — шепнулъ Скробекъ, у котораго по кожѣ пробѣжали мурашки. Онъ дернулъ возжами, чтобы свернуть въ сторону, потому что всегда лучше уступить гномамъ дорогу.

Но его уже обступила ихняя толпа и начала кричать:

— Эй!... Эй!... хозяинъ!... Подвези наши пожитки!

И, не ожидая, что имъ отвѣтитъ мужикъ, они начали вскарабкиваться къ нему на телѣгу.

Одинъ хватается за перекладины, другой взбирается по колеснымъ спицамъ, третій тянется къ оглоблѣ. Чистая напасть!

Остановился мужикъ, смотреть, что будетъ дальше.

Скверно какъ-то у него на душѣ, и боится онъ, и стыдно ему бояться такой мелюзги... Что теперь дѣлать?

Но для раздумья у него времени было мало, потому что едва одни гномы размѣстились на телѣгѣ, какъ другіе начали подавать имъ какія-то странныя шкатулки и сундучки, изъ которыхъ собственно и струились радужные лучи, а третьи бросали на телѣгу слитки золота и серебра, да такъ безцеремонно, какъ будто это были куски обыкновеннаго желѣза.

Все то брэнчало, звенѣло и свѣтило въ глаза такъ, что мужикъ почти совсѣмъ лишился разума, и самъ уже хорошенько

не сознавалъ, снится ли это ему, или и вправду онъ видитъ такое дивное диво.

То вдругъ вспыхнуть огнемъ красные камни, словно рубины, камень къ камню, величиною въ перепелиное яйцо; то въ воздухъ все засинѣетъ отъ голубыхъ сапфировъ, великолѣпныхъ, какъ сверкающее небо; то вдругъ зеленый свѣтъ озаритъ всѣ лица отъ шкатулки, полнехонькой зеленыхъ смарагдовъ; и вездѣ кольца, вездѣ нитки жемчуговъ, даже глаза разбѣгаются, — не знаешь, на что смотрѣть!

Снуютъ Краснолюдки среди этихъ разноцвѣтныхъ богатствъ, сами тоже одѣты въ разноцвѣтныя одежды, и все это такъ пестро, какъ бываетъ, когда тюльпаны весной расцвѣтутъ на садовой грядкѣ.

Когда телѣга была уже почти совсѣмъ полна, загорѣлся свѣтъ великій и чудный, словно утренняя звѣзда. Скробекъ закрылъ рукою глаза отъ внезапнаго блеска, а когда посмотрѣлъ снова, то увидалъ выходящаго изъ пещеры короля Краснолюдокъ, въ золотой коронѣ, въ пурпурѣ и съ золотымъ скипетромъ, въ которомъ свѣтился огромный брилліантъ, изливающій такой яркій свѣтъ, что вокругъ стало свѣтло, какъ днемъ.

Струсилъ Скробекъ, потому что такого величія не видалъ во всю свою жизнь, а царя видѣлъ только одного, — Ирода въ вертепѣ, котораго ребятишки разносятъ по деревнѣ во время Рождественскихъ праздниковъ.

Испугался онъ такъ, что не знаетъ, что ему дѣлать: отвѣсить ли поклонъ этому маленькому королю, или убѣжать, куда глаза глядятъ?

Но король благосклонно кивнулъ ему своимъ скипетромъ и говорить:

— Здравствуй, добрый человекъ! Да хранить тебя Богъ! Спѣши, пока не миновала ночь!

И онъ началъ взбираться на телѣгу, въ чемъ ему помогали дворяне, суетясь около его величества и наперерывъ оказывая ему услуги.

Но сѣсть королю было не такъ-то легко. Его пурпурный

плащъ цѣплялся за колеса, скипетръ задѣлъ за оглоблю, корона чуть не свалилась съ королевской головы, а расшитыя золотомъ красныя туфли исчезли въ сѣнѣ.

Карабкался королекъ, какъ могъ, но самымъ большимъ препятствіемъ служилъ его придворный пажъ, Мычка. Онъ былъ тяжелъ, какъ колода, неповоротливъ, и то наступалъ королю на плащъ, то, отыскивая въ сѣнѣ его туфли, прямо свалился на него, и такъ мѣшался у всѣхъ подъ ногами, какъ пятое колесо въ телегѣ.

Святымъ поистинѣ терпѣніемъ обладалъ король, что держалъ при себѣ такого олуха!

Тѣмъ временемъ Скробекъ, видя, что съ нимъ ничего дурного не дѣлають, совсѣмъ оправился отъ страха и размѣялся въ кулакъ, смотря на открывающееся предъ нимъ потѣшное зрѣлище.

О Краснолодкахъ онъ слыхалъ не разъ, что съ ними нужно брать добротою, потому что если имъ придется кто-нибудь по душѣ, то они ему ни малѣйшаго вреда не принесутъ, мало того, — даже одарятъ.

Напримѣръ, его покойный дѣдушка рассказывалъ, что Краснолодки, которые прозываются также «Убогими» или «Малышами», охотно живутъ у добрыхъ людей, сидя гдѣ-нибудь за печкой или въ мышьей норкѣ, выходятъ въ хатѣ только ночью, а какая работа въ домѣ есть, въ той они и помогаютъ.

То они масло собьютъ за хозяйку, то хлѣбъ вымѣсятъ, то прядутъ, да такъ чудно, что пряжа переливается, словно серебро.

Порою они выйдутъ изъ хаты, заглянуть въ конюшню, коньямъ заплетутъ гривы въ мельчайшія пряди, вычистятъ скребкомъ такъ, что шерсть на нихъ такъ и лоснится.

Если наступила пора жатвы, то гномъ усядется на мѣжъ, ребенка укачиваетъ въ люлькѣ, привязанной къ живому пруту, чтобы онъ хорошо спалъ и не мѣшалъ матери, которая работаетъ на полѣ съ серпомъ въ рукахъ.

Запишитъ ребенокъ, — они поютъ ему чудеснѣйшую пѣсню, а потому, когда онъ вырастетъ, эта пѣсня, неизвѣстно откуда,

отзывается въ его мысли, какъ будто кто-нибудь ему подшептываетъ ее.

Другіе люди удивляются и говорятъ:

— Вотъ удивительный парень! Ходить и поетъ, и на свирѣли играетъ, точно его училъ кто-нибудь. А сами и не знаютъ, что онъ только вспоминаетъ, что слышалъ во время своихъ младенческихъ дней: отъ гномовъ, когда качался въ люлькѣ на ивовой вѣткѣ...

Дѣдушка Скробка говорилъ, что его самого Краснолюдки научили такъ пѣть, и всегда оставлялъ имъ крошки хлѣба или творогу на лавкѣ, потому что съ земли они ѣсть не желаютъ, — и у нихъ тоже своя гордость.

Когда же наступаетъ Великій Четвергъ или Великая Пятница, а въ хатѣ готовятся встрѣтить Праздникъ, непременно отъ всякой вещи, — отъ колача ли, отъ колбасы ли, — непременно нужно отщипнуть кусочекъ и положить маленькимъ помощникамъ на край лавки.

Тогда и добро всякое умножалось, и хозяйство шло, какъ слѣдуетъ; лошадки толстенькія, на овцахъ шерсть — словно крыша на хатѣ, коровы такія молочныя, что такихъ и во всей деревнѣ не найдешь, — что, впрочемъ, и не удивительно, — потому что покойная жена дѣдушки всегда при доенъи оставляла нѣсколько капель молока въ орѣховой скорлупкѣ для своихъ «убогенькихъ».

И такъ все шло долго, пока не померли старики, пока вслѣдъ за ними не умеръ и отецъ Скробка. И вотъ опеку надъ сиротами принялъ дядя; старые порядки измѣнилъ; хозяйство велъ спустя рукава, и все, что удалось, тащить къ себѣ.

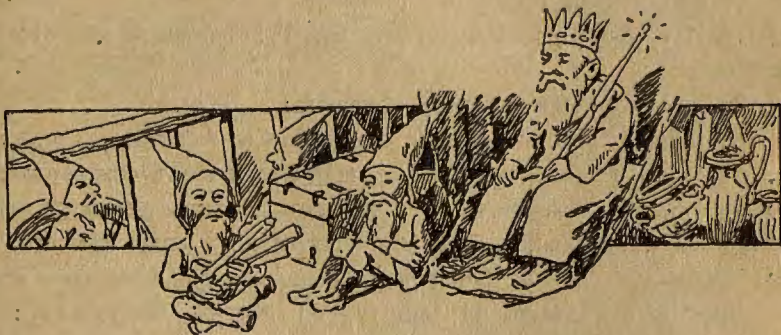
Ну, и кончилось послѣднею бѣдою и сиротскою обидой, которая вызываетъ къ самому небу.

Тогда всѣ видѣть могли, какъ среди бѣлаго дня Краснолюдки выбрались изъ-подъ печки, перешли черезъ всю хату, черезъ порогъ, и замаршировали, куда глаза глядятъ, а съ ними ушелъ и остатокъ добра... Сиротамъ не осталось ничего. Да и у дяди все пошло прахомъ.

Такъ думалъ Скробекъ, стоя въ сторонѣ, а Краснолюдки

тѣмъ временемъ, нагрузивши на телѣгу всѣ свои сундучки и шкатулочки, устроили на нихъ своему королю пристойное мѣсто, покрыли ему сидѣнье дорогимъ бархатомъ, потомъ самыя почетныя лица изъ дружины сѣли на телѣгу пониже короля, а другія, размѣстившись, какъ кто могъ, начали понукать Скробка:

Позабывши нѣгу,
Сѣлъ король въ телѣгу.
Помолись ты Богу,
Да и въ путь — дорогу!

— А куда же мнѣ ѣхать? — дѣльно спрашиваетъ Скробекъ, который, совсѣмъ освободившись отъ страха, пришелъ въ хорошее расположеніе духа, — направо или налево?

Гномы отвѣтили ему:

Ахъ, какой же ты упрямый!
Путь держи ты прямо.

Скробекъ снова спросилъ:

— А куда же мы поѣдемъ?

И гномы снова отвѣтили ему:

На поля, къ ручью сребристому,
Къ лугу свѣтлому, душистому...

Почесалъ Скробекъ въ затылкѣ и спрашиваетъ:

— А что мнѣ за хлопоты будетъ?

— Маковую головку или доброе слово.

Скробекъ сказалъ:

— Нѣтъ не пойдетъ! Не согласенъ! Конь мой, возъ мой, и что на немъ, — все мое!

Но гномы хоромъ крикнули:

Конь твой, возъ твой,

А добро все — наше!

Тотъ дуракъ, кто дастъ

Дунуть себѣ въ кашу!

И они начали бренчать саблями.

— Ну, такъ пускай будетъ пополамъ! — сказалъ на это мужикъ.

Тогда заговорилъ король Огонекъ:

— Милый мой, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, — если бы ты обладалъ не половиною, а тысячной долей этихъ сокровищъ, — то ты погибъ бы. Великое богатство портитъ человѣка такъ же, какъ и великая нужда. Оно вытягиваетъ силу изъ его тѣла, выжимаетъ духъ изъ груди, сбиваетъ съ истиннаго пути.

Король замолчалъ на минуту, но потомъ продолжалъ:

— Мать-земля не людямъ отдала всѣ свои сокровища, но намъ, малымъ слугамъ своимъ. Мы стережемъ ихъ, но не обогащаемся ими; жемчуговъ не мѣняемъ на слезы бѣдняковъ; бриллантовъ не продаемъ и не покупаемъ; изъ золота дукатовъ не чеканимъ; тѣшимъ свои глаза только ихъ блескомъ, прославляемъ мать-землю и вѣрную стражу держимъ у ея сокровищницы.

Мужикъ сказалъ на это:

— Если ты, всемилостивый король, такъ добръ, то повѣдай мнѣ, откуда же берутся эти сокровища?

И король отвѣтилъ:

— Всѣ сокровища берутся изъ земли, изъ того, что упустить и чѣмъ пренебрежетъ человѣкъ. Частицы времени, не употребленнаго на дѣло, обращаются въ сапфиры; частицы не съѣденнаго хлѣба — въ яснѣйшіе перлы; частицы силы, которая не

сдѣлала добра ни себѣ, ни кому-нибудь другому, — идетъ на чистое золото. Если бы человѣкъ не терялъ этихъ частицъ, не пренебрегалъ бы ими, то сокровища эти принадлежали бы ему. А такъ какъ этого нѣтъ, то они идутъ въ землю, и мы тамъ стережемъ ихъ.

На это Скробекъ широко раскрылъ ротъ и спрашиваетъ:

— Такъ вы изъ-подъ земли? Все равно, какъ слѣпыя кроты? Господи Иисусе! — Король отвѣтилъ ему:

— Изъ земли все идетъ, — и малыя, и великія силы. Земля каждому даетъ столько мощи, сколько онъ вмѣститъ въ себѣ можетъ.

— И что жъ вы дѣлаете?

Краснолюбки хоромъ отвѣтили ему:

— Мы считаемъ, сколько
Въ морѣ есть песчинокъ,
Сколько звѣздъ на небѣ,
На лугу — былинокъ;
Капли росъ вечернихъ,
Пролитыя слезы,
И заносимъ точно
На кору березы.

— Тыффу! — сплюнулъ на это Скробекъ. — Нечего сказать, хорошее занятіе! Ничего изъ этого не понимаю. Прикажи, все-милостивый королекъ, челяди своей сидѣть тихо, потому что у меня совсѣмъ въ головѣ помутилось отъ этого гомону; если нужно ѣхать, то я и поѣду, только мнѣ нужно знать, куда и зачѣмъ?

Онъ взялъ вожжи въ руки и чмокнулъ на лошадь, приготовляясь итти рядомъ съ телѣгою, потому что для него самого мѣста уже не оказывалось.

— Поѣзжай спокойно, добрый человѣкъ, — сказалъ король и сдѣлалъ движеніе скипетромъ. — Мы наградимъ тебя по твоимъ заслугамъ, — въ обидѣ ты не останешься.

— Пусть такъ будетъ! — отозвался Скробекъ. — Я полагаюсь на твое королевское слово! Ну, а ѣхать-то куда же?

Отъ этого вопроса Краснолюдки зашумѣли, словно пчелы въ ульѣ; одинъ совѣтовалъ одно, другой — другое. Тихій голосъ стараго короля едва слышался среди всеобщаго шума.

Вдругъ Чепухинскій - Вздорный поднялъ голосъ и заговорилъ такъ:

— Такъ какъ какое государство не можетъ жить безъ мудрости, а мудрость не можетъ существовать безъ веденія книгъ, то я вношу предложеніе, чтобы добрый мужичокъ повезъ насъ туда, гдѣ находится наибольшее количество гусей, дабы я могъ добыть себѣ перо и завоевать новую славу.

Но Подзѣмокъ, который такъ утонулъ въ снѣгѣ, что виденъ былъ только одинъ его носъ, вскочилъ и сказалъ:

— Ни къ чему это не нужно! Зачѣмъ мнѣ мудрость, коли мы будемъ голодать? Полный желудокъ, — вотъ что главное! Остальное выѣденнаго яйца не стоитъ.

Тутъ онъ обратился къ королю и прибавилъ:

— Если ты, всемилостивый король, хочешь имѣть спокойствіе въ своемъ государствѣ, то прежде всего заботься, чтобы въ немъ не было голодныхъ. Совѣтъ мой таковъ: Если этотъ мужикъ долженъ везти насъ, то пусть везетъ туда, гдѣ въ печкѣ каша прѣветъ, и сало поджаривается. Иначе нѣтъ моего согласія.

— Именно! именно! — закричали другіе. — И нашего согласія нѣтъ!

Шумъ становился все больше и больше, такъ что вся телѣга напоминала ратушу, когда въ ней засѣдаютъ горожане.

Продолжалось это долго; наконецъ, король махнулъ своимъ сияющимъ скипетромъ и сказалъ:

— Если нѣтъ согласія, то да будетъ приказаніе!

И, обратившись къ Скробку, онъ добавилъ:

— Вези насъ, добрый человѣкъ, куда ты самъ хочешь.

Скробекъ хитро улыбнулся, заслышавъ королевскія слова, прищурилъ правый глазъ, а лѣвымъ посмотрѣлъ на Подзѣмка.

— Подожди же ты, толстякъ! — подумалъ онъ; — всѣхъ другихъ я повезу вмѣстѣ съ ихнимъ королькомъ и устрою такъ,

чтобы они были сыты, но тебя спущу непременно въ Голодной Волькѣ. Похудѣешь ты тамъ у меня!...

Онъ шелкнулъ бичомъ и двинулся въ путь.

Подземокъ встрѣчается съ сироткой Марисей.

I.

За Карпатскими горами
И за пущей за глубокой
Приютилась крошка-хатка,
По прозванью «Божье Око».

Ужъ теперь не помнятъ люди,
Кто ей имя далъ такое, —
Потому ли, что надъ нею
Было небо голубое,

И зари румяной искры
На нее лились обильно,
Точно сыпалъ ихъ десницей
Самъ Господь, Творецъ всесильный;
Потому ль, что здѣсь струился
Голубой ручей прекрасный,
И любили очи неба
Отражаться въ глади ясной,

И звѣзда мерцала ярко
Такъ надъ хатою убогой,
Словно слезка состраданья
Навернулася у Бога;

Потому ль, что здѣсь несчастье
Разразилось крупнымъ градомъ,
И мужикъ, взглянувъ на небо,
Повстрѣчался съ Божьимъ взглядомъ?...

Такъ ли, этакъ ли, стояла,
Тамъ за пущей, за глубокой,
За Карпатскими горами,
Крошка-хатка «Божье Око».

II.

То ли горлица воркуетъ
Такъ протяжно и уныло,
Иль соловушка заводитъ
Пѣснь, исполненную силы?
Или въ сумракѣ тоскуетъ
Пуща черная, густая,
Иль проносится надъ полемъ
Съ завываньемъ вьюга злая?...
То не горлицы стенанье,
То не пущи голюсь смутный, —
Умерла недавно мама
У сиротки безприютной.
Кто накормить, кто напоить,
Пощелуетъ крѣпко, звонко,
Кто отретъ отъ слезъ глазенки
Безприютнаго ребенка?
Пѣсни славныя, бывало,
Ей на сонъ грядущій пѣли, —
Нѣтъ сердечнаго привѣта,
Нѣту мягкой колыбели!
Прежде мать ее будила,
На разсвѣтъ лаской нѣжной, —
А теперь ее разбудить
Кто-нибудь рукой небрежной.
Кто теперь ее накормить
Бѣлымъ хлѣбомъ, медомъ новымъ?
Сиротство придетъ къ бѣдняжкѣ
Съ тяжкимъ голодомъ суровымъ.

Щеголяла въ льняной юбкѣ,
Ладно сшитой и скроенной, —
А теперь сидить съ гусями
На лужайкѣ на зеленой...

Гаснетъ солнце за горами,
Потемнѣло ихъ подножье...
Умерла сиротки мама,
Умерла во имя Божье

III.

И Марися плачетъ ночью,
Днемъ, поднявшись съ постели...
Ужъ не милы ей касатки,
Чужды жаворонка трели.

Въ Духовъ день собирались птицы,
Путь къ кладбищу держа прямо,
Гдѣ подъ холмикомъ цвѣтистымъ
Опочила мирно мама.

И Марисины рыданья
Ясно слышитъ хоръ пернатый; —
Ужъ ее прогнали люди
Изъ родимой старой хаты.

Люди чуждые прогнали,
Не страшася гнѣва неба: —

Уходи искать, сиротка,
Для себя кусочка хлѣба.

Ты паси гусей соосѣдскихъ
На лужайкѣ межъ кустами, —
Лѣтній дождь тебя промочить,
Солнце высушить лучами.

Подъ дождемъ, подъ ураганомъ,
Поздней ночью, на разсвѣтѣ,
Помни крѣпко: никому ты
Не нужна на бѣломъ свѣтѣ!

IV.

Такова была доля сиротки Марисы, у которой волосы были словно солнечные лучи, глаза, какъ лѣсныя фіалки, а въ сердцѣ тоска и жалость.

— Марися, сиротка! — говоритъ ей хозяйка, у которой она пасла гусей. — Отчего ты не смѣешься, какъ дѣлають другіе?

А Марися отвѣчаетъ:

— Не могу я смѣяться, потому что вѣтеръ въ поляхъ вѣдываетъ.

— Марися, сиротка! Отчего ты не поешь, какъ дѣлають другіе?

А Марися отвѣчаетъ:

— Не могу я пѣть, потому что березы въ лѣсахъ плачутъ.

— Марися, сиротка! Отчего ты не веселишься, какъ дѣлають другіе?

А Марися отвѣчаетъ:

— Не могу я веселиться, потому что земля стоитъ, окропленная слезами росы!

Такова была Марися.

Прилетятъ, бывало, птицы, разсядутся возлѣ нея въ кустахъ и поють:

Ты чего бѣ хотѣла,
Не скрывай предъ нами,
Бѣдная сиротка
Съ золотой головкой,
Съ синими очами?

А Марися поднимаетъ на милыхъ пѣвцовъ грустный взглядъ
и тихонько поетъ:

Золота не нужно,
Серебра не надо, —
Пусть шумить мнѣ верба
Тонкими листками
Близъ родного сада!

Тогда птицы начинаютъ снова:

Бѣдная сиротка
Съ золотой головкой,
Ты скажи свободно,
Хлѣба ли ты хочешь,
Иль воды холодной?

А Марися отвѣчаетъ на это:

Мнѣ не надо хлѣба,
Ни воды студеной,
Дайте мнѣ увидѣть,
Вы, родную хатку.
Съ крышей разоренной!

Защебечутъ на это птицы, закиваютъ головками, затрепещутъ крылышками, но одна какая-нибудь изъ нихъ запоетъ:

Бѣдная сиротка
Съ синими очами,
Съ золотой головкой, —
Ты проси, что хочешь,
Не таись предъ нами.

Марися складываетъ тогда свои исхудалыя ручонки на посконной рубашкѣ, поднимаетъ голову къ птицамъ и говорить:

Я прошу, такъ сдѣлай,
Милая ты птица, —
Чтобы мнѣ приснилась

Мама, нынче ночью,
Какъ взойдетъ зарница!

И не разъ случалось такъ, что мама снислась ночью. Марисѣ. Тихо, тихохонько, бѣло, бѣлехонько, проходила она по комнатѣ, словно лучъ луннаго свѣта, и словно лучъ озаряла своимъ свѣтомъ головку своей спящей сиротки.

И снилось тогда Марисѣ, что свѣтитъ солнце, и что цвѣты пахнутъ.

Тогда она протягивала руки къ мамѣ и шептала во снѣ:
— Ты пришла, мамочка?

И тогда раздавался надъ нею ласковый, тихій голосъ:

— Пришла, дѣточка!

И были эти слова, словно какое-нибудь легкое дуновение.

Прижимается Мариса къ матери и спрашиваетъ:

— Ты возьмешь меня съ собою, мамочка?

А надъ нею раздается голосъ еще болѣе тихій и ласковый:

— Еще не время. Не трать ты силъ, —
Соединить насъ, Кто разлучилъ!

Тогда Мариса говоритъ:

— Охъ, какъ тяжело ждать, мамочка!

И голосъ отвѣчаетъ:

Въ трудѣ невидно уходитъ день,
А жизнь и время — вѣдь только тѣнь.

И тихо, тихохонько, бѣло, бѣлехонько исчезала мама, словно лунный лучъ, а сирота пробуждалась и хваталась за работу.

Трудилась она, какъ могла, по силамъ своимъ, трудилась за уголь въ чужой хатѣ, за охапку соломы, на которой она спала, за кусокъ хлѣба, которымъ питалась, за посконную рубашенку, которая покрывала ея тѣло. Зимой она укачивала ребенка, носила хворостъ изъ бора, воду изъ колодца, а лѣтомъ пасла гусей.

Деревенскіе люди такъ и называли ее, — Марися-гусятница, или Марися-сиротка.

Называли они ее такъ годъ, называли два, и, наконецъ, совсѣмъ забыли, что эта дѣвочка называется Кукулянка, и что она дочь Кукулины, той милосердной женщины, которая хотѣла выручить изъ бѣды Подзѣмка, когда онъ былъ подкидывшемъ у злой бабы.

Да и сама она, когда кто спрашивалъ: — какъ тебя зовутъ, дѣвочка? — отвѣчала:

— Марися-сиротка.

Лужокъ, на которомъ пасла гусей Марися-сиротка, лежалъ у самаго лѣса, далеко за деревнею, съ поконъ вѣка называемую «Голодной Волькой», потому что земли тамъ были плохія, хлѣба давали мало, а люди чаще голодали, чѣмъ бывали сытыми.

— Все пески, пески, болота, —

Ни къ чему твоя работа!

Вотъ на этихъ-то низкихъ травахъ, на этихъ большихъ водахъ воспитывались стаи гусей, и когда все это принималось возиться, хлопать крыльями и кагакать, то звуки разносились чуть не за цѣлую милю.

Всѣ дѣти въ деревнѣ были заняты этими гусями, пасли ихъ или вмѣстѣ или особнякомъ, какъ кому прикажутъ старшіе.

И только подъ вечеръ куча раздѣлялась на маленькія стайки, и всякій гналъ свою стаю домой.

И тогда во всей Голодной Волькѣ только и было слышно, какъ гусей загоняли по дворамъ.

Къ этому примѣшивалось и щелканье бичомъ, словно ѣхалъ какой-нибудь свадебный поѣздъ.

Долго еще, послѣ захода солнца, кагаканье не прекращалось

въ загородкахъ и хлѣвахъ, да и ночью иногда, ни съ того, ни съ сего, гусяное раздавалось по всей окрестности.

Но Марися пасла своихъ гусей отдѣльно, возлѣ лѣса. Ихъ было всего только семь штукъ. Хозяйка хотѣла, чтобы имъ было привольнѣе, и не приказывала гонять ихъ на общее пастбище. Дѣвочка была рада этому, потому что другія дѣти смѣялись надъ нею, и за то, что она въ прятки играть не умѣетъ, и за то, что въ зайцахъ она не шибко бѣгаетъ, и за то, что она съ другими дѣвчонками не хочетъ танцовать на травѣ.

И это была правда. Потому ли, что на чужомъ хлѣбѣ она не набиралась достаточно силъ, по сиротству ли своему, но Марися не любила бѣгать, танцовать, не любила играть съ другими дѣтьми въ прятки или въ зайчика. А за то пѣсенъ она знала столько, что цѣлые дни пѣла все новую, и никогда у ней въ нихъ недостатка не было.

И какія пѣсни-то! То какъ «Зосѣ захотѣлось ягодъ, а купить ихъ было не на что», то какъ «долгогривая лошадка ножкой господину своему могилку въ полѣ роетъ», а то о заколдованной свирѣли, которая говорила пастушку:

...Пастушокъ, играй,
Боже, помогай.

А то еще, какъ «Медвѣдь кудлатый притащился къ волчихѣ въ сваты», — или какъ «у бабушки былъ козликъ рогатый», или какъ «Сѣрые лебеди летѣли за море...».

Но больше всего Марися любила пѣть и чаще всего пѣла пѣсню о сироткѣ, которая сзывала гусей домой, потому что эта пѣсенка была какъ будто нарочно сложена про нея саму.

И вотъ, когда вечерняя заря начинала угасать надъ лѣсомъ, Марися вытягивала, какъ могла, громче и тоньше:

По домамъ пора, гусьтки,
Нагулялись вы не мало,
Хорошо вамъ будетъ въ хаткѣ,
Я жъ боюся и устала.

То была хорошая пѣсенка и такъ прямо шла къ сердцу, что если кто проходилъ поблизости, тотъ останавливался и слушалъ, а порою даже у него и слезы на глазахъ навертывались.

Кто научилъ Марисю всѣмъ этимъ пѣснямъ, — совершенно неизвѣстно, а если бы ее кто-нибудь спросилъ объ этомъ, то она и сама ничего не могла бы отвѣтить.

Можетъ быть, этимъ пѣснямъ училъ ее шумящій черный боръ; можетъ быть, луговые травы, шепчущія тихія слова; можетъ быть, молодые лѣски, покрытые свѣжею зеленью, которая, колеблясь отъ легкаго дуновенія вѣтра, все что-то говорить и говорить, какъ будто человѣчьимъ голосомъ. А можетъ быть, даже и та тишина, которая шла по полямъ и пастбищамъ, тишина, которая звенѣла сама въ себѣ, словно весь воздухъ наполнился звуками.

Слушала, прислушивалась сирота Марися ко всѣмъ этимъ голосамъ, и не чувствовала при этомъ ни голода, ни холода; а когда солнце заходило, и нужно было возвращаться домой, и сама не знала, какъ пролетѣлъ денекъ.

Но ей и въ голову не приходило, что изъ лѣсныхъ зарослей за нею слѣдитъ хитрый и проницательный взглядъ, жгучій и безжалостный, взглядъ мудраго Обѣдалы, того лиса изъ-подъ Кристальной Пещеры, который устроилъ себѣ нору подъ стволомъ вывороченной сосны, выдавалъ себя за отшельника, а самъ по сторонамъ вынюхивалъ, не удастся ли схватить какой-нибудь вкусный кусокъ.

Въ особенности онъ чувствовалъ непреодолимое стремленіе и аппетитъ къ гусятинѣ. Большихъ стай гусей, тщательно охраняемыхъ сильными подростками, онъ избѣгалъ, главнымъ образомъ, возлагая всѣ свои надежды на тѣхъ семь гусятъ, которыхъ пасла Марися, и все ближе, исподтишка подкрадывался кустами къ лужайкѣ.

Марися беззаботно пасла своихъ гусятъ, ничего не вѣдая объ этомъ, беззаботно вечеромъ гнала домой свою стайку, а единственнымъ ея помощникомъ была маленькая собаченка, Гася, ко-

Торая ужасно полюбила дѣвочку и цѣлые дни просиживала возлѣ нея на лужайкѣ.

Объѣдало чувствовалъ великое отвращеніе къ этому псу.

— Омерзительная собаченка! — говорилъ онъ не разъ самому себѣ, сплевывая въ сторону и страшно морщась. — Я никогда не видалъ болѣе сквернаго созданія! Напримѣръ, что это за уши? Остроконечныя какія-то, къ собакѣ совершенно не подходящія. Или шерсть? Рыжая, точно волосы Іуды предателя. И характеръ, должно быть, отвратительнѣйшій! А манеры, приемы? Безстыдный тунеядецъ! Я и высказать не сумѣю, какъ мнѣ противенъ этотъ звѣрь, — одинъ видъ его повергаетъ меня въ обморокъ. Видалъ ли кто-нибудь, чтобы уважающій себя песь цѣлый день сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и оберегалъ какихъ-то семь жалкихъ гусятъ! Семь штукъ! Ха, ха, ха!.. Умереть можно отъ смѣха! Гдѣ найдется такой дуракъ, который любилъ бы гусятину и зарился на эту дрянь? Прежде, можетъ быть, было принято, что на лисьихъ столахъ появлялось и такое кушанье, но всѣмъ извѣстно, что у стариковъ бывали свои странности. Теперь же ни одинъ порядочный лисъ не притронется къ такому простому блюду. По крайней мѣрѣ, что касается меня, то я питаю отвращеніе къ гусятинѣ. А на эту желтую собаку и на

эту оборванную дѣвчонку я положительно не могу смотрѣть. Если бы не мое намѣреніе остаться здѣсь отшельникомъ, то я давно покинулъ бы это мѣсто. Но что дѣлать! Если кто всецѣло посвятить себя добродѣтели и высокимъ дѣламъ...

Тутъ онъ вздохнулъ такъ громко, что усы его зашевелились, и, прищуривая то одинъ глазъ, то другой, началъ слѣдить за движеніями Гаси, Мариси и ея питомцевъ. Потомъ онъ отвернулся отъ нихъ и скверно засмѣялся.

Тутъ онъ вздохнулъ такъ громко, что усы его зашевелились, и, прищуривая то одинъ глазъ, то другой, началъ слѣдить за движеніями Гаси, Мариси и ея питомцевъ. Потомъ онъ отвернулся отъ нихъ и скверно засмѣялся.

Голодная Волька была уже видна издалека, вся залитая луннымъ свѣтомъ. Къ ней-то и направлялся Скробекъ, своротивъ въ сторону съ дороги. Вдругъ онъ обернулся къ ѣдущимъ на телѣгѣ Краснолюдкамъ и говорить:

— По моему глупому разуму нужно было бы не всѣхъ господъ высыпать въ одномъ мѣстѣ сразу, потому что если въ одной деревнѣ прибавится столько лишнихъ ртовъ, то будетъ такая дороговизна, что просто страхъ!.. до голода, пожалуй, дойдетъ дѣло.

— Резонъ! — отозвался на это изъ глубины телѣги чей-то голосъ, и быть тотъ голосъ Подземка, утонувшаго въ снѣгъ по самыя уши.

— По-двое, по-трое, по пятку, разсыплемъ тамъ и здѣсь, и вамъ будетъ лучше, и деревенскимъ людямъ то же самое.

Король сказать на это:

— Разсудительный ты человѣкъ! Дѣлай, какъ сказать.

Скробекъ остановился, почесалъ въ затылкѣ, и, указывая на придорожную деревню, говорить:

— А къ примѣру сказать, вотъ хоть бы туда, въ эту деревню, дать двухъ или трехъ? Охъ, и хорошо же было бы имъ тамъ, потому что деревня эта называется Сытая-Волька, богатѣйшее селеніе на всю округу! Мужикъ къ мужику, всѣ зажиточные хозяева, и всякій вѣсомъ съ откормленнаго вола. А дѣти, а бабы!.. катаются, словно шары какіе-нибудь, такія круглыя и толстыя! Да и какъ толстымъ не быть, коли въ каждой хатѣ съ утра до ночи все варятъ и рѣжутъ, и солятъ, и шпигуютъ, словно подъ Свѣтлый Праздникъ, и какъ засядетъ тамъ мужикъ за миску утромъ, такъ и не встанетъ отъ нея до полудня, а если и встанетъ, то только для того, чтобы присѣсть къ другой.

— Стой!.. Стой!.. — крикнулъ при этихъ словахъ утопающій въ снѣгъ Подземокъ.

Но мужикъ продолжалъ, какъ будто и не слыхалъ его словъ:

— Да отчего ему и пересаживаться отъ одной миски къ

другой, если земля такова, что сама, без помощи чловѣка, родить самъ сотъ. А сколько здѣсь ветчины, сала гусинаго!.. — И не переѣшь всего...

— Стой! Стой же! — еще громче крикнуть теперь Подземокъ, выльзая изъ сѣна. — Стой, когда говорятъ тебѣ!

— Что такое? — спросить мужикъ, точно въ первый разъ услыхалъ его.

Выкарабкался Подземокъ, пытливо смотритъ мужику въ глаза; спрашиваетъ:

— А не лжешь ты, мужикъ?

Скробекъ отвѣчаетъ:

— Чего мнѣ лгать? Истинная правда, и все тутъ.

— Ъды вдосталь, говоришь ты?

— Ъшь, сколько хочешь.

— И вкусно?

— Сметана такъ по бородѣ и течетъ.

— А миска объемистая?

— Вотъ какъ этотъ мѣсяць.

А мѣсяць только что началъ заходить.

— Коли такъ, — говоритъ Подземокъ, обращаясь къ королю, — то я здѣсь и остаюсь, милостивый король.

Онъ обнялъ королевскія колѣна, и закричалъ мужику, чтобы онъ направлялся къ этой деревнѣ.

Скробекъ черезъ чуръ уже усердно исполнилъ его приказаніе, зацѣпилъ колесомъ за камень, вся телѣга пошатнулась, а Подземокъ, такъ какъ онъ стоялъ на ногахъ, не удержался и вылетѣлъ вонъ.

Правда, ему не пришлось испытать ни малѣйшаго ущерба, потому что онъ упалъ въ мелкій, глубокій песокъ, но шуму онъ своимъ крикомъ надѣлалъ такого, что всѣ деревенскія собаки пробудились и во всю мочь принялись вякать.

На это вяканье отозвался одинъ гусакъ, другой гусакъ, то тамъ, то здѣсь болѣе бдительная гусыня, за ней другая, десятая, двадцатая, потомъ по всѣмъ дворамъ поднялся такой пронзительный крикъ, словно загорѣлась вся деревня.

— Ой! кости мои, кости!.. — кричалъ Подземокъ, ощупывая свои ребра, перепуганный собачьимъ лаемъ и гусинымъ крикомъ; но полость его пропадала въ этомъ хорѣ такъ, что его и совсѣмъ не было слышно.

Скребекъ хлестнулъ лошаденку и пустилъ ее спорою рысью. Подземокъ всталъ и, осматриваясь, замѣтилъ, что рядомъ съ нимъ, въ песокъ, копошится еще кто-то. А когда мѣсяцъ выглянулъ изъ-за тучи, съ величайшимъ изумленіемъ увидалъ Чепухинскаго-Вздорнаго.

— Не обманываетъ ли меня зрѣніе? — сказалъ Подземокъ, — или это, дѣйствительно, ты, ученый мужъ, собственной своей персоной?

— Это я, братъ! — отвѣчаетъ на это Чепухинскій-Вздорный.

— Неужели, сохрани Богъ, ты такъ же вывалился изъ телѣги?

— Э! нѣтъ! — отвѣтилъ Чепухинскій, — я выскочилъ только, испросивши у короля дозволеніе. Видишь ли, братъ, если здѣсь слышно такое гусиное кагаканье, то должны быть и самые гуси. Кажется, ясно?

— Ясно, какъ солнце!

— А если есть гуси, то должны быть и перья, — продолжалъ Чепухинскій-Вздорный. — Правильно?

— Какъ дважды два четыре, — согласился Подземокъ.

— А если есть перья, — снова продолжалъ ученый, — то и моя слава не пропадетъ, потому что я, вмѣсто пропавшей книги, напишу новую. Вѣрно?

— Совершеннѣйшая правда! — съ энтузіазмомъ подтвердилъ Подземокъ.

Но хотя онъ такъ горячо поддакивалъ, на самомъ же дѣлѣ былъ не особенно радъ, что нашелъ себѣ товарища въ дѣлѣ улавливанья тѣхъ жирныхъ кусковъ, о которыхъ онъ мечталъ. И вотъ, спустя минуту, онъ заговорилъ:

— Знаешь ли что, ученый мужъ? По моему мнѣнію, неприлично мудрецу смѣшиваться съ неучеными людьми и садиться съ ними за одну миску. Такимъ путемъ и ученость можно под-

вергнуть опасности. Въ такомъ случаѣ сдѣлаемъ мы такъ:—я пойду въ деревню, а ты ступай въ лѣсъ. Когда наступитъ уже ночь, и всѣ заснутъ, я приведу тебя, ученый мужъ, и ты подкрѣпишься тѣмъ, что тебѣ удастся найти. Хотя бы порою и не Богъ знаетъ что пришлось на твою долю, — ничего, — потому что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ! По крайней мѣрѣ, твоя честь будетъ сохранена, — а честь, — это все!

— Ты хорошо придумалъ, дорогой братъ! — сказалъ на это растроганный Чепухинскій-Вздорный. — И, бросившись на шею Подземка, онъ началъ обнимать и цѣловать его.

Скверно сдѣлалось Подземку (сердце у него было доброе), что его предательскій совѣтъ былъ такъ безропотно принять; но такъ какъ страсть къ обжорству была въ немъ сильнѣй, то онъ тотчасъ же стряхнулъ съ себя неприятное чувство, отвѣтилъ Че-

пухинскому-Вздорному такимъ же горячимъ объятіемъ; самъ проводилъ его въ лѣсъ, еще разъ простился, пожелалъ, чтобы его навѣщали самыя мудрѣйшія мысли, потомъ, крадучись подъ плетнями, направилъ свои шаги къ самой показной хатѣ.

Кажется, никогда не бывало такого разочарованія, какъ то, что въ этой хатѣ встрѣтилъ Подземокъ.

Въ чуланѣ пусто, такъ пусто, что и мышь издохла бы отъ голода, о салѣ и помина нѣтъ, о гусиныхъ полоткахъ и не снилось.

Заглянулъ Подземокъ въ горшки, — пусты; даже неизвѣстно, было въ нихъ вчера какое-нибудь варево; заглянулъ въ миски, въ кастрюли, — то же самое.

Онъ какъ можно скорѣе выскочилъ изъ этой хаты и побѣжалъ въ другую, но и тамъ было не лучше. Осмотрѣлъ онъ и третью хату, и пятую, десятую, — вездѣ то же самое. А спящіе люди, насколько онъ видѣлъ ихъ, кости да кожа.

Нигдѣ сколько-нибудь порядочной постели, одежонка кое какая, даже ни одной хорошей лошади въ конюшнѣ, ни коровы въ коровникѣ. Множество такихъ хижинъ совершенно склонилось къ землѣ, и держалось только на подпоркахъ, какъ калѣки опирались на посохъ. Даже и домъ старосты былъ не лучше другихъ.

— Охъ, безсовѣстный мужикъ! — воскликнулъ Подземокъ, отъ злобы сжимая кулаки. — Вотъ подвель-то меня! Вотъ въ бѣду-то я попалъ! Голодная Волька, а этотъ негодяй говорилъ, что она «Сытая», что здѣсь сметана течетъ по бородѣ, что ѣды по горло.

«Вотъ тебѣ и ѣда! Вотъ тебѣ и сметана! И придется мнѣ тутъ высохнуть, какъ жердь въ плетнѣ. Хоть бы кусочекъ хлѣба, хоть бы ломтикъ колбасы, хоть бы тарелку борща!»

Уже разсвѣтало, и бѣдность деревни становилась все виднѣй, когда Подземокъ, стоя на перекресткѣ, задралъ голову и началъ медленно читать, что написано на таблицѣ, прибитой къ столбу.

Читаешь, читаешь, и собственнымъ глазамъ не вѣрить. Затуманило ихъ, что ли?

«Го-лод-ная Воль-ка».

Давай снова: Го-лод-ная Воль-ка. А ну ка, еще разъ. Опять-таки Го-лод-ная.

Заломилъ руки несчастный Подземокъ и застылъ погруженный въ печаль, а солнце начало подниматься изъ-за лѣса.

Тогда онъ еще разъ съ грустью посмотрѣлъ на столбъ, прочиталъ «Голодная» и вздохнулъ.

VI.

Тѣмъ временемъ Чепухинскій-Вздорный, расхаживая по лѣсу, для того, чтобы согрѣться (ночь стояла холодная), попалъ на какой-то довольно высокій, песчаный пригорокъ и глубоко

выкопанную въ немъ нору. Достаточно было взглянуть одинъ разъ, чтобы рѣшить, что это лисья нора.

Но нашъ лѣтописецъ, проведшій весь свой вѣкъ съ книгами, мало понималъ въ этомъ толку.

Онъ остановился, какъ вкопанный, раздумывая, что бы это могло быть. Гора. Нѣтъ, не гора, — думалъ онъ. — Крѣпость — не крѣпость. Кто знаетъ, можетъ быть это древнй языческй храмъ допотопныхъ Краснолюдовъ? Очень возможно. Очень возможно!.. И онъ съ величайшимъ вниманіемъ началъ обходить холмъ вокругъ.

Въ это время изъ ямы осторожно высунулась рыжая голова съ горящими глазами и оскаленными острыми зубами.

Она высунулась и скрылась опять, и опять показалась, а за нею появилось стройное туловище Обѣдалы.

Обѣдало съ перваго же взгляда узналъ Чепухинскаго-Вздорнаго, но, принявъ равнодушный и важный видъ, сдѣлалъ по направлению къ нему нѣсколько шаговъ и проговорилъ:

— Кто ты, незнакомый путешественникъ, и чего ты ищешь въ этихъ мѣстахъ, посвященныхъ наукѣ и добродѣтели?

— Я — придворный лѣтописецъ короля Огонька изъ Кристальной пещеры, и вполнѣ къ услугамъ Вашей Милости, — предупредительно отвѣтилъ Чепухинскій-Вздорный.

— Ахъ, такъ это вы, ученый мужъ! — воскликнулъ при его словахъ Обѣдало. — Какой счастливый случай приводитъ васъ сюда? Какъ! Неужели вы меня не знаете? Я — Обѣдало, ученый авторъ многихъ книгъ, котораго вы такъ любезно навѣстили недавно.

Чепухинскій-Вздорный ударилъ себя по лбу и говорить:

— Какъ не помнить? Помню! И какъ это на время мой мозгъ могъ забыть это... Извиняюсь, почтительно извиняюсь передъ Вашей Милостью.

Онъ говорилъ «Ваша Милость», потому что ему казалось совершенно подходящимъ называть такъ столь почтеннаго звѣря, — не то что какого-нибудь встрѣчнаго-поперечнаго.

Они заключили другъ друга въ объятія, облобызались, потомъ Чепухинскій-Вздорный сказалъ:

— Желательно мнѣ было бы узнать отъ Вашей Милости, что значить тотъ холмъ, который я вижу передъ собою? Не явится ли съ моей стороны излишнее смѣлостью; если я буду просить о разъясненіи этого вопроса?

— О! это сущіе пустяки! — со смѣхомъ отвѣчалъ Обѣдало. — Я приказалъ насыпать этотъ холмъ, чтобы имѣть у себя подъ рукою достаточное количество песка для засыпанія моихъ ученыхъ работъ.

Тутъ онъ опустилъ долу свой задумчивый взглядъ, потеръ лапою лобъ и скромно добавилъ:

— Въ послѣднее время я работалъ много... очень много... Ну, а какъ ваше произведеніе? — вдругъ спросилъ онъ, съ любезной улыбкой.

— Охъ! — простоналъ Чепухинскій-Вздорный, — лучше не будемъ говорить объ этомъ. Меня встрѣтило горчайшее несчастье, какое только можетъ встрѣтить писателя: — книга моя уничтожена, а перо сломано.

— Сломано? — на лету подхватилъ Обѣдало, глаза котораго сразу засверкали, а зубы показались еще болѣе острыми. — Да вѣдь нѣтъ ничего болѣе легкаго, какъ найти перо, и не одно еще. Пять, десять... что я говорю? Я готовъ доставить сотню перьевъ почтенному коллегѣ за одну малую услугу, за маленькую, за услугу, которая не больше песчинки! И даже сегодня! Сейчас! Самое большее, черезъ часъ!

Онъ взявъ Чепухинскаго-Вздорнаго подъ руку, началъ прогуливаться съ нимъ взадъ и впередъ и заговорилъ пониженнымъ голосомъ:

— Здѣсь въ окрестности есть собака, которую я положительно не могу выносить. Я самъ не знаю, почему я питаю къ ней такое отвращеніе, — по поводу ли ея омерзительной наружности, по поводу ли ея тунейдства, потому что она по цѣлымъ днямъ просиживаетъ безъ дѣла около какихъ-то семи гусенятъ, которымъ на самомъ дѣлѣ ничто не угрожаетъ; достаточно сказать, что я терпѣть не могу этого презрѣннаго звѣря и хотѣлъ бы освободиться отъ него хоть на два часа. А какъ на зло, онѣ приходятъ сюда вмѣстѣ съ маленькой, оборванной дѣвчонкой и съ тѣми несчастными гусятами, у которыхъ только кожа да кости, приходятъ на эту лужайку, какъ разъ противъ моего жилища, и своимъ видомъ отравляетъ мои часы, посвященные ученымъ трудамъ. И вотъ, какъ только наступитъ день, раздражите его, дорогой товарищъ такъ, чтобы онъ погнался за вами и убѣжалъ бы на почтительное разстояніе, а я тѣмъ временемъ въ спокойствіи dokonчу работу, которую обдумываю давно. И если это такъ случится, то вамъ будетъ врученъ цѣлый пукъ превосходнѣйшихъ перьевъ такого достоинства, что если вы одно изъ нихъ возьмете въ руки и заснете вечеромъ, то, проснувшись, увидите, что цѣлая четверть вашей книги написана. Вотъ какія это перья!

Чепухинскій-Вздорный даже облинулся, глаза его вдругъ засвѣтились, и онъ сказалъ:

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! Отъ всего сердца! Прошу васъ, Ваша Милость, располагать мною, какъ вы найдете удобнѣй для себя. Я весь къ услугамъ Вашей Милости.

Онъ началъ раскланиваться передъ лисомъ, наклоняясь то вправо, то влѣво и съ величайшею сердечностью пожимая обѣ его переднія лапы.

Тѣмъ временемъ предутренній туманъ понемногу началъ расходиться, а сквозь него проглядывала чистая лазурь весенняго неба. Закакакали гуси, закричали гусыни, и тамъ, и въ этой сто-

ронѣ, запѣлъ пѣтухъ, сидя на высокой загородкѣ. И тотчасъ же, въ деревушкѣ, пробужденной отъ сна, закрипѣли колодезные журавли, замычалъ выпущенный на раннее пастбище скотъ, а надъ кровлями, крытыми соломой, начали подниматься ленты синяго дыма, — признакъ того, что хозяйки наскребли еще горсть прошлогодней муки и приправы для сегодняшняго обѣда. Вскипятить воду, заправить мукой, прибавить кислаго молока, посолить, вылить въ миску и начать звать:

— Дѣти, ѣсть идите! Вотъ вамъ ложки! Мацекъ, спѣши, а то Вицекъ у тебя все съѣстъ! Да поскорѣй, а то пора гусей гнать по росѣ на пастбище.

Черезъ минуту слышно громкое щелканье бичомъ, и слышенъ тоненькій дѣтскій голосокъ:

— Живѣй, гусятки... живѣй... на траву!

Поднимается пыль на песчаной дорогѣ, крикъ гусей смѣшивается съ окриками пастуховъ, и щелканье бичей широко разливается въ воздухѣ, а надо всѣмъ этимъ царить пронзительный голось гусака старосты. И шествуетъ онъ, размахивая крыльями, словно вождь передъ войскомъ.

Но отъ одной хаты спѣшить на лужайку маленькая стайка гусей, — четыре бѣлыхъ и три сѣрыхъ. За гусями идетъ сиротка Марися, въ посконной рубашонкѣ, въ голубой юбкѣ и босикомъ. Убогая одежда ея чиста, золотые волосы заплетены, личико чисто-на-чисто вымыто. Идетъ Марися по лугу такъ легко, что травинки почти не чувствуютъ ея тяжести.

За Марисей бѣжитъ маленькая желтая собачка, весело помахивая хвостомъ и повякивая на гусынь, которыя изъявляютъ желаніе отбиться отъ стаи. Благодаря доброму помощнику, Марися для своей стайки не нуждается въ бичѣ и держитъ только ивовую хворостину. Несетъ она ивовую хворостину, идетъ по бѣлой росѣ и поетъ милымъ голоскомъ:

...Сиротѣ у чуждыхъ приходилось горько,
Но несла ей помощь золотая зорька;

Ей въ служеньи тяжкомъ изъ-за корки хлѣба
Помогало солнце съ голубого неба...
На лужокъ скорѣй, гусятки!

Распѣвая, пришла Мариса на лужокъ, сѣла на пригоркѣ, а стайка гусей расхаживала вокругъ нея, какакая и пощипывая молодую травку.

Обошелъ ее вѣрный Гася разъ и другой, здѣсь слегка куснулъ сѣрую гусыню, за то, что она далеко зашла въ поле, тамъ вякнулъ на бѣлую, чтобы она наблюдала за своимъ потомствомъ, потомъ улегся на краю лужайки и смотритъ въ лѣсъ. Необыкновенно бдительная собака, этотъ Гася!

Близкій лѣсъ ласково склонялъ свои верхушки передъ сироткой и шепталъ ей что-то таинственное, словно обѣщался, что всегда будетъ покровительствовать ей.

Съ другой стороны холмистымъ клиномъ сбѣгала внизъ, между пастбищами, полоса пшеницы и своими колосьями кланялась лѣснымъ деревьямъ, прислушивалась къ ихъ шопоту, узнавала разныя вѣсти, а потомъ колосья нагибались въ сторону своихъ, къ дальнѣйшимъ колосьямъ, чтобы повторить имъ то, о чемъ разговаривали между собой зеленые громады.

Въ разговоры эти вмѣшивались жучки, пчелы, комары и разносили лѣсныя вѣсти, повторяя ихъ по-своему, то басомъ, то тонкимъ голосомъ.

Только одинъ желтый хомякъ, живущій въ небольшой норкѣ на сосѣдней межѣ, не интересовался этими разговорами, дѣятельно работая цѣлый день, чтобы во время лѣтней хорошей погоды набрать запасъ живности на тяжелую зимнюю пору.

И только когда онъ, подгрызая травы и колосья, совсѣмъ выбивался изъ силъ, когда спину его начинало ломить отъ тяжести сѣна и зерна, — онъ выпрямлялся такъ, какъ могъ выпрямляться этотъ маленькій заботливый хозяинъ, становился на заднія лапки и поводитъ своими быстрыми, черными глазками то направо, то налево, осматривая все вокругъ.

Онъ хорошо зналъ и желтаго Гасю, зналъ сѣрыхъ и бѣлыхъ

гусей, но не любилъ ихъ за страшный шумъ, который гуси производили своимъ кагаканьемъ, а собака своимъ лаемъ. За то Марися очень нравилась ему, а ея пѣсенки такъ трогали его за сердце, что какъ только онъ слышитъ, бывало, голюсь сироты, такъ тотчасъ же бросаетъ работу, становится на заднія лапки, шевелить усами и тихонько насвистываетъ, точно акомпанируетъ Марисѣ.

И Марися знала хомяка, и, зная, что онъ охотно слушаетъ ея пѣсни, пѣла и для него также, чтобы развеселить его. И она говорила самой себѣ:

— Видно, что звѣрокъ этотъ одинокъ, какъ и я, одинокъ на бѣломъ свѣтѣ, и, должно быть, ему часто бываетъ грустно. Пусть онъ хоть пѣсней моей утѣшится.

И она начинала выводить самымъ тонкимъ голосомъ:

...Какъ пришелъ медвѣдь кудлатый
Ко волчихѣ съ дивомъ въ сваты.
Бдутъ гости безъ разбора
Со всего густого бора
Важною громадой...

А чтобы хомякъ вѣдалъ, что это поется для него, Марися ласково улыбалась ему, а онъ все время стоялъ на двухъ лапкахъ, крутилъ головою и тихонько посвистывалъ.

Хотѣла Марися свести съ нимъ болѣе близкое знакомство, но хомякъ былъ настолько дикъ, что едва только дѣвочка двинется по направленію къ нему, какъ онъ тотчасъ же опускается на всѣ лапки, и поминай, какъ звали! Только травы да колосья задвигаются ему вслѣдъ, какъ вода бѣгучая, когда въ нее бросишь камешекъ.

И Марися на него махнула рукою за его дикость.

Что касается Гася, то и онъ порою видѣлъ хомяка. Но онъ разсуждалъ про себя такъ:

— Что я буду гоняться за всякимъ свистуномъ, который стоитъ на двухъ лапахъ и подражаетъ собакѣ, когда она слушать? Должно быть, комедіантъ какой-нибудь, да и свистъ у

него не свой, а чужой! Точно такъ же у насъ въ деревнѣ свищутъ мальчишки, только немного погромче. И усы, сдается мнѣ, привязные, — потому что откуда, — осмѣлюсь я спросить, — у такого-то ничтожнаго созданія возьмутся усы, словно какъ у какого-нибудь кота? Да вѣдь, скажемъ, какого-нибудь Мурлыку онъ и во снѣ не видалъ. Я лучше всего сдѣлаю, если повернусь къ нему задомъ.

И дѣйствительно, онъ повертывался всегда къ нему такъ, что хомякъ видѣлъ только лишь его пушистый хвостъ.

Тѣмъ не менѣе, свернувшійся въ клубокъ и дремлющій Гася нѣтъ-нѣтъ да и откроетъ то одинъ глазъ, то другой, и укладкой посмотреть на хомяка.

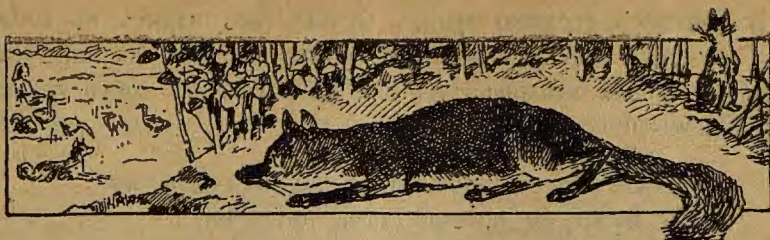
Иногда онъ даже заворчитъ, какъ будто ему во время этой дремоты приснилось что-то непріятное. Но такъ какъ онъ былъ песь гордый и слову своему господинъ, то, сказавъ себѣ однажды, что не станетъ гоняться за этимъ свистуномъ, такъ и не дѣлалъ попытокъ приблизиться къ нему.

Наконецъ, развѣ мало у него было работы съ гусями? Выгоняй ихъ изъ пшеницы, выгоняй изъ лѣса, пересчитывай каждую минуту, налицо ли четыре бѣлыхъ и три сѣрыхъ, — да для одного этого нужно имѣть ума палату, чтобы справиться, какъ слѣдуетъ.

Но маленькій хомякъ, внимательно присматриваясь къ тому, что дѣлается вокругъ, замѣтилъ, что изъ-за орѣшника, растущаго на опушкѣ, время отъ времени показывается трехугольная пасть лиса, котораго онъ здѣсь раньше не видалъ. И онъ тотчасъ же сообразилъ, что лисъ ни къ чему другому не подкрадывается; какъ къ этимъ гусямъ, что пасутся на лужайкѣ у пригорка.

Онъ задвигалъ усиками и сказалъ:

— А что если предупредить? Мнѣ это ничего не стоитъ. Можетъ быть, я и обязанъ предупредить? Скверно у лиса смотреть глаза, а пасть — совершенно разбойничья! Только для этого я долженъ былъ бы карабкаться на горку, а это мнѣ совсѣмъ не улыбается. Такая жара!.. Наконецъ, въ это время полѣ-

вья мыши могут стащить кое-что изъ тѣхъ колосьевъ, которые я подрѣзалъ съ такимъ трудомъ. Ужь и трудна же моя работа! Э!.. пусть каждый смотритъ за своими дѣлами. Нечего тутъ толковать! Да и гусятница не важная барыня: находить время пѣть, найдетъ время и посмотрѣть. А поетъ-то она хорошо, нечего сказать! Но вѣдь ея главная обязанность не въ пѣніи же заключается. Наконецъ, она для того и сидитъ здѣсь, чтобы стеречь гусей... А собака? И собака тоже не важная персона! Умѣетъ ворчать на меня и хвостомъ ко мнѣ повертываться, такъ и лиса въ кустахъ увидеть можетъ. Я еще буду чужихъ гусей оберегать? Какая мнѣ прибыль отъ этого? Развѣ что какая-нибудь гусыня прокакаетъ: покорнѣйше благодарю! Великая награда! Ха! ха! ха! ха!

Тутъ онъ свистнулъ, засмѣялся и, блеснувъ черными глазками, опустился на переднія лапки, а потомъ началъ подгрызать колосья у самаго ихъ основанія.

Хомякъ, — это дѣятельный хозяинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ плохой хозяинъ, потому что его, кромѣ поля, работы на полѣ и выгоды, которая проистекаетъ отъ этой работы, — ничего не интересуетъ; онъ заботится только о себѣ, а до другихъ ему и дѣла нѣтъ.

Марися любитъ присматриваться къ его ловкимъ движеніямъ, когда онъ тащитъ вдоль межи въ свою норку разные запасы на зиму; ласково смотритъ она на него, пока его совсѣмъ не скроютъ колосья, и называетъ своимъ хомякомъ. И только когда звѣрокъ скроется въ хлѣбѣ, она поглядитъ на гусей, на лужайку, потомъ глаза ея падаютъ на полевою гвоздику, на желтенькіе цвѣточки, растущіе у ея ногъ, повсюду.

Въ воздухѣ страшно душно, солнце такъ парить съ неба, что Гася даже высунулъ языкъ и громко дышитъ. На лицѣ сиротки выступила испарина, но она не замѣчаетъ этого, вьетъ себѣ вѣнокъ и поетъ:

Служить днемъ сиротка, не доспитъ и ночи,
Но несли ей помощь алые цвѣточки,
И въ печали тяжкой, въ скорби величайшей,
Ей еще поможетъ Иисусъ Сладчайшій.
На лужокъ скорѣй, гусятки!..

Въ эту минуту бдительный Гася твякнулъ одинъ разъ, твякнулъ въ другой. Въ кустѣ лещины, растущемъ у самаго лѣса, что-то зашуршало, задвигалось и утихло. Гася приподнялся на переднія лапы и, наставивши уши, ждалъ, что выйдетъ изъ этого.

Немного погодя, послышался тотъ же шелестъ, и опять все утихло.

Гася заворчалъ и оскалилъ зубы.

Но Марися не слыхала ничего. Какъ птица въ лѣсу, когда распоеется, сидя на вѣткѣ, и не видитъ, не слышитъ тихихъ шаговъ подкрадывающейся къ ней кошки, такъ и сиротка, не видя и не слыша, что дѣлается кругомъ, пѣла:

Охранить отъ злобы благодѣльнымъ покровомъ,
Укрѣпить, поддержитъ милосерднымъ словомъ,
И въ тоскѣ поможетъ, въ безысходномъ горѣ,
Болѣе, чѣмъ солнце, болѣе, чѣмъ зори.

Тѣмъ временемъ изъ кустовъ лещины показалась странная фигура: маленькаго человѣчка съ краснымъ капюшономъ на головѣ, съ сѣдою бородою, съ очками на огромномъ носу. Показалась она и начала манить къ себѣ Гася пальцемъ. Собачонка вскочила и понеслась къ кустамъ, но фигура кивала ему пальцемъ изъ-за другого, болѣе дальняго куста. Гася кинулся бѣжать, но странный человѣчекъ въ красномъ капюшонѣ оказался дальше и попрежнему манилъ пальцемъ.

Чѣмъ болѣе собачонка углублялась въ лѣсъ, тѣмъ быстрее, красный капюшонъ мелькалъ межъ кустами, то вправо, то влево, наконецъ, оба очутились въ настоящемъ лѣсу, среди огромныхъ сосенъ.

Гася уже настигалъ маленькаго человѣчка, когда тотъ внезапно отскочилъ въ сторону и быстро взобрался на дерево.

Разъяренный Гася бросился къ дереву съ такимъ бѣшенымъ лаемъ, что Марися вдруть очнулась отъ своего забытья и, слыша такой необычный лай своего вѣрнаго помощника, начала въ великомъ страхѣ кричать:

— Гася! Гася! — и, спустившись съ пригорка, она побѣжала въ лѣсъ.

Обѣдало только этого и ждалъ.

Однимъ прыжкомъ очутившись среди гусей, онъ схватилъ за горло ближайшаго и задушилъ, прежде, чѣмъ тотъ могъ воскликнуть: спасите! Бросивъ его въ кусты, лисъ схватилъ другого по очереди, и точно также впился острыми зубами ему въ горло, да еще съ такой свирѣпостью, что бѣдный гусь на половинѣ крика испустилъ духъ. Потомъ лисъ подскочилъ къ другимъ гусямъ.

Тогда поднялся страшный крикъ во всей гусяной стаѣ. Одни, узнавъ разбойника, спаслись отъ него въ полѣ пѣшкомъ, другіе рвались на крыльяхъ въ смертельномъ испугѣ.

Но Обѣдало однимъ скачкомъ настигъ самую красивую свѣжую гусыню, одинъ разъ только хватилъ ее зубами, швырнулъ о землю и побѣжалъ за тѣми, которые не могли держаться на крыльяхъ и падали съ пронзительнымъ крикомъ, какъ разъ передъ самую пасть лиса.

Марися услышала въ лѣсу этотъ страшный крикъ, завопила: «Спасите!» и что было духу, побѣжала къ своимъ гусяткамъ.

Тѣмъ временемъ Обѣдало, придушивъ послѣдняго гуся, облизывалъ окровавленную пасть и горящимъ взоромъ окидывалъ повоище.

Словно гонимая вихремъ, летѣла Марися изъ лѣса съ ру-

ками, протянутыми вперед! какъ гонимая вихремъ, она ворвалась на лужайку, посмотрѣла на зарѣзанныхъ гусей, и съ пронзительнымъ крикомъ: «Исусе!» рухнула на землю.

VII.

Кто бы въ то утро на разсвѣтъ очутился на опушкѣ лѣса, тотъ могъ бы любоваться препотѣвшимъ зрѣлищемъ.

Маленькій человѣчекъ въ красномъ капюшонѣ выдѣлывалъ удивительнѣйшіе прыжки по болоту, прилегающему къ этому лѣсу, скакалъ съ кочки на кочку, хватаясь за острую осоку, то появляясь, то исчезая въ зыбкихъ, поросшихъ мохомъ, мочежинахъ.

То былъ никто иной, какъ нашъ знакомецъ, Подземокъ. Но какъ онъ страшно измѣнился! Отъ прежней основательной тол-

щины, жиру въ немъ осталось столько же, сколько у комара сала. Епанча висѣла на немъ, какъ будто взятая въ долгъ, худыя ноги, словно жерди, болтались въ сапогахъ, то и дѣло сваливающихся съ нихъ, огромная голова качалась на непомѣрно тонкой шеѣ, а исхудалыя руки едва могли удерживать огромную трубку, въ которой, вмѣсто табаку, тлѣли, увы! ольховыя листья.

Вотъ что путешествіе и пребываніе въ Голодной Волькѣ сдѣлали изъ нашего почтеннаго толстяка!

Но перемѣна крылась не въ одномъ этомъ. Голодь, который теперь сдѣлался неотступнымъ товарищемъ Подземка, научилъ его многимъ вещамъ. Онъ научилъ его также перепрыгивать

съ кочки на кочку, бродить по мокрой травѣ и искать яицъ чайки. Встревоженная болотная чайка, трепеща крыльями, какъ разъ надъ самой головой скачущаго Краснолюдка, пронзительнымъ голосомъ кричала: Киви! киви! киви! киви!

Бѣдная чайка! Ей сдавалось, что этимъ крикомъ она отпугнетъ злодѣя, который каждую минуту можетъ найти ея гнѣздо, глубоко укрытое въ травахъ, а въ этомъ гнѣздѣ единственное, первое въ нынѣшнемъ году снесенное яичко.

Когда она своимъ неистовымъ крикомъ и трепетаньемъ крыльевъ чуть не оглушила Подземка, онъ остановился и съ досадою проговорилъ:

— Тише ты, глупая птица! Тише, сорочья кумушка! Ты думаешь, что я изъ-за удовольствія погрязаю въ болотѣ? Настолько-то у меня разума осталось, что я предпочту кусокъ колбасы твоему яйцу. Съ голоду я только дѣлаю это, съ голоду, который чуть не довелъ меня до горестной кончины. Поэтому и замолчи, не дери понапрасну глотки, а то я сверну тебѣ шею!

Тутъ онъ поникъ головою и грустно добавилъ:

— Боже Ты мой! Въ какія условія я попадѣ, и что меня встрѣчаетъ на пути! О, проклятая Волька, которая должна была быть Сытою, а оказалась Голодною! О, неумытый мужикъ, который повергъ меня въ такое несчастье!

Онъ долго говорилъ такъ, когда ему вдругъ показалось, что онъ слышитъ чей-то горькій плачь. Онъ сдвинулъ немного капюшонъ и приложилъ руку къ уху. Плачь слышно явственно. И какъ будто бы плачь ребенка.

— Провалиться мнѣ! — сказалъ Подземокъ, который обладалъ мягкимъ сердцемъ и всегда растрогивался при видѣ чужого горя, — провалиться мнѣ, если этой бѣдняжкѣ еще не хуже, чѣмъ мнѣ! Пойду, посмотрю, что тамъ такое.

И вдругъ, забывъ о своемъ голодѣ, онъ направился изъ болота къ лѣсу и, къ великой радости чайки, шелъ прямо по направленію къ плачущему ребенку.

— Это ясно, что плачетъ ребенокъ, — говорилъ онъ, все ши-

ре и шире раздвигая на кочкахъ ноги, именно такъ, какъ это дѣлаетъ аистъ.

Едва онъ выбрался изъ осоки, которая стояла тутъ сплошною стѣною, какъ увидалъ возлѣ лѣса небольшую лужайку и маленькую дѣвочку, которая, закрывши лицо, сидѣла на пригоркѣ и жалобно плакала. При этомъ видѣ сердце добраго Краснолюдка взволновалось, онъ ускорилъ свои шаги, подошелъ къ дѣвочкѣ и говорить:

— Чего ты плачешь, милая барышня, и кто тебя обидѣлъ? Марися вздрогнула и, отнявъ отъ лица руки, смотрѣла на

Подземка широко раскрытыми глазами, не имѣя возможности вымолвить слова отъ великаго изумленія.

Подземокъ заговорилъ снова:

— Не бойся, прошу тебя, милая моя барышня, потому что я твой другъ и желаю тебѣ добра.

— Иисусе!.. — прошептала Марися. — Что это? Такая маленькая штучка, а говорить, какъ человѣкъ. Иисусе!.. я боюсь!

И она уже порывалась убѣжать съ пригорка, поднимая вверхъ руки, какъ птица поднимаетъ крылья, но Подземокъ сталъ у нея на дорогѣ и сказалъ:

— Не убѣгай, потому что я Краснолюдокъ, Подземокъ, который хочетъ оказать тебѣ помощь.

— Краснолюдокъ! — какъ бы про себя повторила Марися. —

Это я знаю. Мама не разъ говорила мнѣ о Краснолюдкахъ, что они добрые.

Подземокъ отвѣтилъ на это очень развязно:

— Твоя мама говорила истинную правду. Мнѣ хотѣлось бы поблагодарить ее за это.

Но Марися покачала своей золотистой головкой и говорить:

— Моей мамы нѣтъ въ живыхъ!..

— Нѣтъ въ живыхъ? — грустно переспросилъ Подземокъ. — Охъ, и тяжелое это слово! Самый камень легче него!

Онъ покачалъ головою, вздохнулъ, а немного погодя спросилъ:

— А какъ звали твою маму?

— Кукулина, — отвѣтила Марися.

— Кукулина?.. Ахъ ты, благодѣтельница моя! Да мы знаемъ другъ друга! Такъ ты, значить, никто иная, какъ та маленькая Марихна, которая щурила глазки, роняя серебряныя слезки тогда, когда меня чуть не убила злая баба. Королевна же ты моя! Вотъ мы гдѣ встрѣтились! Вотъ гдѣ насъ свела счастливая судьба! Говори, приказывай, что я долженъ дѣлать, чтобы помочь тебѣ въ твоемъ тяжкомъ горѣ?

Но Марися, вспомнивъ свое несчастье, еще горше заплакала.

— Ничего, ничего! — говорила она сквозь слезы. — Ничто меня не утѣшитъ!

Остановился тогда передъ нею Подземокъ, заложилъ трубку за плечи и началъ успокаивать Марисю самыми сладкими словами.

— Жаль, — говорилъ онъ, — твоихъ голубыхъ глазокъ для такихъ горькихъ слезъ, барышня.

А Марися отвѣтила:

— Я не барышня, я только Марися Сиротка.

— Тѣмъ болѣе усердно я хочу служить тебѣ, барышня, потому что ты сиротка. Ради Бога, довольно этихъ слезъ! Гдѣ твоя хата, барышня?

— Нѣтъ у меня хаты. Меня выгнала хозяйка, у которой я теперь пасу гусей.

— Какая злая женщина! — сказалъ возмущенный Подземокъ.

Но Марися живо перебила его:

— Нѣтъ, нѣтъ! Это я злая! Это я скверная! Это по моей винѣ лись передушили гусятокъ! О, гусятки мои, гусятки! — воскликнула она съ новою жалостью и снова, закрывши глаза руками, залилась слезами.

Подземокъ отнялъ руки дѣвочки отъ ея личика и говорить:

— Слезы тутъ не помогутъ. Нужно возвращаться въ хату.

— Нѣтъ, нѣтъ! — еще жалобнѣй восклицала Марися, — я не могу, не хочу возвращаться! Я пойду, куда глаза глядятъ! Я въ лѣсъ пойду!

— Что же ты въ лѣсу дѣлать будешь? И къ чему такое отчаяніе?

Онъ началъ дергать себя за сѣдой усъ, уставился въ землю, а потомъ сказалъ:

— Пожалуй, я нашель средство... Развѣ заплатить твоей хозяйкѣ за гусей?.. Много ихъ было?

Но Марися разразилась еще большимъ плачемъ:

— Что мнѣ изъ того, что коли они не живы! Коли они задушены, убиты. О, Исусе, Исусе!

Тогда, видя такое тяжелое и неутолимое горе, Подземокъ сильно задумался, и снова уставился въ землю, дергая себя за сѣдой усъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Ну, коли такъ, то дѣлать ничего не остается, какъ итти къ королевѣ Татрѣ *).

Марися при этихъ словахъ быстро подняла глаза, двѣ голубыхъ звѣзды, въ которыхъ затеплилась надежда, и спрашиваетъ:

— А добрая она?

— Видно, сообразительна ты не по лѣтамъ, — отвѣтилъ на это Подземокъ, — не спрашиваешь сначала, сильна ли она, а спрашиваешь, добра ли? Ибо, что такое всякая сила безъ доброты? Ничего, да и того еще меньше. И вотъ, когда ты такъ ободрила меня своимъ разумомъ, то собирайся въ дорогу... а она далека и не легка, я же провожу тебя, барышня, къ королевѣ Татрѣ,

*) Татры, — горный узелъ Карпатскихъ горъ, на границѣ Венгріи и западной Галиціи.

потому что сиротѣ нужно оказать всякую помощь и отереть ея слезы.

При этихъ словахъ Марися поднялась, отерла слезы и просто сказала:

— Тогда пойдемъ!

И они пошли.

Хорошія времена.

I.

Куда повезетъ насъ этотъ человѣкъ? — спрашивали другъ у друга Краснолюдки, сидя на телѣгѣ бѣднаго Скробка и горюя о своихъ товарищахъ, — о Подземкѣ и Чепухинскомъ-Вздорномъ, которые гдѣ-то пропали по дорогѣ.

— Къ королю бы какому-нибудь удалось попасть, чтобы его величество имѣлъ подходящую компанію, и достоинству его ущерба не было бы, — отозвался канцлеръ Кошачій-Глазокъ.

— Вотъ это хорошо было бы! — воскликнулъ пажъ Мычка и облизнулся широкимъ языкомъ. — У королей, говорятъ, подаютъ самыя жирныя и сладкія кушанья, а калачи такъ каждый день пекутъ. Вотъ бы гдѣ можно было поправиться!

— Ты бы потише! — обрушился на него Соломенка, страшно худой и тонкій. — Ты и такъ еле двигаешься, словно шаръ какой-нибудь. Того и гляди, какъ должность свою потеряешь, а нашъ всемилостивый государь возьметъ еще кого-нибудь носить за собою порфиру.

— Королей-то въ деревнѣ не легко найти, — прервалъ этотъ споръ Василекъ. — Но можетъ быть, почтенный мужичекъ привезетъ насъ къ какому-нибудь князю?

— У князей тоже большой штатъ, придворные, кухмистеры, — воскликнулъ на это Подберезникъ. — Оркестръ тоже всегда имѣется, музыка играетъ, столы такъ и гнутся подъ тяжестью серебряныхъ блюдъ и кубковъ, освѣщеніе, словно на Свѣтлый Пра-

здникъ, люди спать долго, дѣлать имъ нечего, и жизнь ведутъ веселую. Вотъ гдѣ хорошо было бы намъ! Но и князя на поляхъ грушахъ не растутъ, да и княжескій дворецъ не передо всякимъ стоитъ на распашку, словно корчма какая-нибудь. Далеко пришлось бы намъ ѣхать, чтобы найти князя.

— Ну, такъ пускай отвезетъ насъ хоть къ какому-нибудь графу, — воскликнуть на это Соломенка. — Графы также ведутъ жизнь хорошую и дворъ держать не малый.

— Да, — сказалъ Репейникъ, — а какія конюшни у нихъ! Какіе кони! Что за охотничьи собаки!

— А какъ тамъ насчетъ пищи? — заботливо спросилъ Мычка.

— Извѣстно какъ; какъ нужно быть у графа. Отличная кухня, вотъ и все. На вертелахъ вертится жаркое изъ серны или изъ дикаго кабана, пирожники пекутъ торты и сахарныя пирамиды, золотистое вино такъ и льется въ кубки, а рыбу несутъ на столы вотъ на какихъ блюдахъ.

Онъ раскинулъ руки, насколько могъ, а всѣ остальные отъ изумленія начали покачивать головами.

Петрушка, который при всякомъ удобномъ случаѣ воспламенялся, словно искра, вскочилъ со своего мѣста, толкнулъ Скробка и закричалъ:

— Человѣкъ! эй, человѣкъ, знаешь ли ты какого-нибудь графа здѣсь по близости?

— Графа? — переспросилъ Скробекъ, почесывая за ухомъ. — Никакого графа здѣсь не имѣется.

Онъ помолчалъ съ минуту, а потомъ, видимо, вспомнилъ что-то и прибавилъ:

— Вонъ тамъ, — на горкѣ торчитъ какая-то развалина; то ли труба, то ли стѣна, тамъ, говорятъ, когда-то сидѣли графы, но теперь тамъ запустѣніе, и только горожане ѣздятъ туда за кирпичемъ, когда понадобится. Графы, кажется, давно вымерли.

— Вымерли? — съ живымъ сочувствіемъ воскликнулъ Мычка и всплеснулъ въ ладоши. — Смотрите, какъ отъ какого добра люди вымираютъ! Ну, если такъ, то пускай мужикъ везетъ насъ въ какой-нибудь зажиточный помѣщичій домъ, и тамъ намъ обиды не будетъ. Шляхтичъ въ деревнѣ тоже штука не малая.

— Истинная правда, — отозвался на это Василекъ. — Придетъ весна, шляхтичъ встанетъ себѣ утромъ и на зарѣ выйдетъ въ зеленое поле; тамъ жаворонокъ поетъ ему веселую пѣсенку, тамъ роса сыплетъ ему подъ ноги жемчужины, тамъ цвѣтонки пестрымъ ковромъ разсѣялись по лугамъ, тамъ плуги взрываютъ черную землю, волы мычатъ, пахари покрикиваютъ, — на сердцѣ становится яснѣй, душа такъ и окрыляется. Придетъ лѣто, возьметъ шляхтичъ ружьецо, выйдетъ на болото, дикую утку застрѣлить, въ сумку уложить, а то въ небо голубое смотреть, веселыя думы думаетъ. А тутъ вокругъ поля шумятъ золотымъ колосомъ, а тутъ льны цвѣтутъ голубенькими цвѣтками, а тутъ сѣномъ съ луговъ пахнетъ, а тутъ ягоды краснѣются, и пчелы въ липахъ жужжать... Осень придетъ, яблоны, и сливы, и груши такъ и гнутся подъ тяжестью плодовъ, въ березовомъ лѣсу пахнетъ бѣлыми грибами и рыжиками... Утромъ на поляхъ лежатъ туманы, солнце едва выползетъ, а нашъ шляхтичъ въ лѣсъ, за звѣремъ охотиться. Лѣсъ стоитъ тихо, слушаетъ, какъ собаки перекликаются. На охотниковъ съ верхушки дерева смотритъ бѣлка черными глазами. Вдругъ какъ выстрѣлить охотникъ, разъ и еще разъ! Паф! паф! паф! Раздается широкое эхо, слышенъ радостный крикъ и охотничьи трубы.

— Хорошо, очень хорошо ты рассказываешь, мой вѣрный Василекъ, — сказалъ на это милостивый король Огонекъ, который, въ молчаніи прислушиваясь къ разговору своей дружины, теперь началъ ласково улыбаться. — Вотъ бы намъ попасть въ

такой помѣщичій домъ! Пусть тамъ и не такъ шумно и весело будетъ, — и то хорошо.

Старый король говорилъ, и сморщенное лицо его приняло трогательное выраженіе; но тутъ телѣга, зацѣпившись за камень, своротила съ большой дороги на полевую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лошаденка бѣднаго Скробка начала весело фыркать, какъ это всегда дѣлають кони, когда почують близость дома.

И, дѣйствительно, телѣга вскорѣ остановилась, а мужикъ, подойдя къ сидѣвшимъ въ ней гномамъ, сказать:

— Вылѣзайте! И вы, королекъ, и вы, остальные! Вылѣзайте! Пріѣхали!

— Какъ? куда? — крикнули Краснолюдки, освобождая головы изъ капюшоновъ, — да вѣдь тутъ ничего нѣтъ?

— Какъ ничего? — отозвался на это Скробекъ. — Есть моя собственная, собственнѣйшая хата, и этого довольно.

А въ это время начало разсвѣтать, и воздухъ мало-помалу стряхивалъ съ себя ночной мракъ.

Смотрятъ гномы: стоитъ убогая мазанка подъ покосившейся кривой, низкой, дырявой крышей, здѣсь соломой покрытая, тамъ — древесными вѣтвями; плетень изъ хвороста еле-еле держится, сорной травы подъ нимъ видимо-невидимо; надъ травами верба, словно руки, протягиваетъ свои длинныя вѣтки; тутъ же, въ запущенномъ саду бѣлѣють вишни, осыпанныя цвѣтомъ, а надо всѣмъ этимъ хоръ лягушекъ и громкое щолканье соловья, который, пробудившись въ ольшаникѣ, вдругъ затянулъ свою утреннюю пѣснь.

— Боже Ты мой! — крикнули гномы, — человѣкъ, да ты дурачишься, или о дорогѣ спрашиваешь?

— Чего мнѣ спрашивать, коли я и такъ знаю дорогу, — равнодушно сказалъ Скробекъ. — Вотъ вамъ хата, вотъ ручей и лѣсъ, кто хочетъ, пусть войдетъ, а кто не хочетъ, пусть убирается съ Богомъ!

И онъ тотчасъ же началъ выпрягать лошаденку и вытягивать бадью изъ колодца, какъ будто тѣхъ, кого онъ привезъ, и въ поминѣ не было.

— Чѣмъ же мы въ этой пустынѣ питаться будемъ? — спрашиваютъ Краснолюдки.

Мужикъ, все вытягивая бадью, отвѣчаетъ:

— Дѣти мои могутъ жить, ну и вы можете. Кого Господь Богъ сотворилъ, того не уморить съ голоду.

А гномы все свое:

— А куда же мы дѣнемъ наши сокровища?

— Въ маковой головкѣ сто разъ по тысячѣ зернышекъ умѣщается, и имъ не тѣсно.

— А король? Куда же мы помѣстимъ нашего короля?

— Солнце-король поважнѣе, и то не брезгаетъ нищетою моею и каждый день золотитъ мою хату...

Вдругъ Петрушка, который всегда быть веселъ, а зло и добро принималъ съ одинаковымъ радушіемъ, началъ скакать вокругъ телѣги и поддѣвать самому себѣ:

Подъ ногами — почвы грудка,

Сверху — солнышка сіянье,

Вотъ въ чемъ счастье Краснолюдка,

Вотъ въ чемъ все его желанье!

Другіе крикнули ему, чтобы онъ держалъ себя тише, что теперь не до шутокъ, и хоръ недовольныхъ голосовъ возрасталъ съ каждою минутою. А въ это время на востокѣ загорѣлась утренняя звѣзда голубымъ, яркимъ свѣтомъ и мракъ началъ сѣрѣть.

Тогда король Огонекъ поднялъ къ ней глаза и руки и сказалъ:

— Благословенъ уголокъ, въ которомъ живутъ бѣдность и трудъ, ибо надъ нимъ сверкаютъ звѣзды Божьи!

Онъ сдѣлалъ мановеніе скипетромъ, и дружина его утихла.

II.

Низкія липовыя двери тихо скрипнули, тихо вошли гномы въ хату бѣднаго Скробка вмѣстѣ съ жемчужнымъ разсвѣтомъ.

Комната была только одна, да и то изъ каждаго угла выматривала нужда. Большую часть занималъ огромный каминъ съ подпечкой; передъ каминомъ лежалъ бурый котъ и пукъ сухого хвороста, связанный веревкой.

Немного подальше стоялъ ушатъ съ водой и съ жестяной кружкой, пара горшковъ, обращенныхъ дномъ къверху, занимали скамью, а возлѣ скамьи находился сосновый столъ, двѣ маленькихъ скамейки и немного картофеля въ кошелкѣ.

Потѣшенъ былъ видъ гномовъ, которые, присматриваясь къ этому убожеству, заламывали руки и, не смѣя въ присутствіи короля громко жаловаться, толкали другъ друга локтями и показывали взглядами то на пустой каминъ, то на несчастную кошелку, которая, какъ видно, составляла единственную кладовую бѣднаго Скробка. Длинные носы Краснолюдковъ вытянулись еще длиннѣй, усы еще болѣе опали, лбы покрылись морщинами, губы презрительно искривились, а сдержанный шопотъ вырывался сквозь острые, стиснутые зубы.

Только одинъ Петрушка, всегда радостный и веселый, скакалъ по хатѣ, беззаботно смѣялся и потиралъ руки:

— Вотъ такъ дворецъ! Вотъ такъ барскіе покои! — восклицать онъ. — Плохо намъ здѣсь будетъ? Какъ бы не такъ! Королевское жилище! Смотрите! сквозь крышу заря свѣтитъ! Смотрите, смотрите, сколько розъ она сыплетъ на хату! Сколько розъ, румяныхъ и золотыхъ! Смотрите! подъ балкой ласточкино гнѣздо. Гнѣздо пробудилось при свѣтѣ и зачирикало. Слушайте! Весь потолокъ поетъ. Весь потолокъ трепещетъ отъ птичьихъ перышекъ. Смотрите! смотрите! Сквозь разбитое окошко заглядываетъ въ хату кустъ сирени. Какое благоуханіе! Какая свѣжесть! какія кисти лиловыхъ цвѣтовъ. А весь кустъ полонъ брилліантовъ. На каждомъ листкѣ брилліантъ, въ каждомъ брилліантѣ — радуга. Не говорите мнѣ, что это роса. Нѣтъ, нѣтъ, это

не роса, это драгоценные камни. Слушайте! Соловушка въ кустѣ сидитъ, ранній гимнъ поетъ.

Но въ углу хаты, на клочкѣ соломы спало двое мальчиковъ. Ихъ свѣтлыя головки тонули въ золотистой соломѣ, посконныя рубашенки, разстегнутыя на груди, показывали худыя и загорѣлыя тѣльца. Вѣроятно весенняя ночь вѣяла на нихъ холодомъ, потому что мальчишки прижались и обхватили другъ друга ручонками.

— Боже Ты мой! — крикнулъ Петрушка. — А вотъ и королевичи!

Подошли и другіе, смотреть, и какое-то трогательное чувство, какая-то мягкость начинаетъ разглаживать лбы и прояснять лица. Потомъ раздается тихій шопотъ, но становится все громче:

— Бѣдненькіе!

— Убогіе!

— Охъ, ты, доля!

— Сиротки!..

Но король Огонекъ склонилъ къ головкамъ спящихъ ребятъ свой скипетръ, благословилъ ихъ и сказалъ:

— Растите здорово въ убожествѣ хаты вашей! Растите подъ тѣнью сиреней и подъ тѣнью липы, подъ ласточкино щебетанье, растите при блескѣ зари. Растите, дабы вы имѣли силу поддержать свою хату, стѣны ея трудомъ вашимъ наполнить. Растите здорово! — и онъ золотымъ своимъ скипетромъ прикоснулся къ свѣтлымъ головкамъ дѣтей.

Въ это время Скробекъ, обрядивши свою лошаденку и поставивъ ее въ стойло, пришелъ въ хату.

Вошелъ онъ, въ низкихъ дверяхъ согнулъ свою спину, у порога проговорилъ: «Да будетъ благословенно»... и бросилъ шапку на столъ.

Гномы тотчасъ же обступили его и съ любопытствомъ начали спрашивать:

— Чьи это дѣти?

— Чьими же имъ быть? — отвѣтилъ на это мужикъ. — Во-первыхъ Божьи, а потомъ мои. Мелочи этой было еще больше, да ихъ Господь прибралъ, когда умерла ихъ мать. Только вотъ эта пара и уцѣлѣла въ хатѣ.

— И пускай они растутъ здорово! — сказалъ на это король Огонекъ.

И онъ тутъ же отдалъ приказъ своей дружинѣ, чтобы она перенесла съ телѣги всѣ сокровища подъ печку.

Краснолюдки поспѣшили исполнить приказъ и начали тащить подъ печку свои шкатулки и сундуки и прятать ихъ въ мышины норки, при чемъ все это дѣлали такъ тихо, что даже бурый котъ, спящій у камина, не пробудился.

Скробекъ смотрѣлъ на это уже равнодушнымъ взоромъ. При дневномъ свѣтѣ онъ уже разсмотрѣлъ, что это были за сокровища: шкатулки были полны соромъ и маленькими камешками, — больше ничего. И весь этотъ блескъ, весь свѣтъ, всѣ эти огни, которые ослѣпляли его ночью, были только — прахъ и песчинки, а слитки золота и серебра оказались тростинами и сухими былинками.

Но когда Краснолюдки, перетаскивъ что было, сами исчезли въ мышиныхъ норкахъ, Скробекъ началъ стучать бичомъ въ убитый глиною полъ и крикнуть дѣтямъ:

— Эй, Куба, Войтекъ, вставайте, лежни, да скорѣй! Не видите, что отецъ вернулся?

Мальчишки заворочались въ соломѣ, начали протирать глаза и зашептали сонными голосами:

— Тятя! А что ты привезъ намъ съ ярмарки?

Но мужикъ былъ золъ, и ему было не до разговоровъ.

— Палку привезъ! — рѣзко сказалъ онъ.

Но въ это время Кубусь сѣлъ на соломѣ и говорить!

— Тятя, а я короля видѣлъ!

— Короля видѣлъ? — переспросилъ Скробекъ. — Каковъ же онъ изъ себя?

— Да такой, какъ въ балаганахъ показываютъ.

— Ну, тебѣ это только такъ приснилось! — сказалъ Скробекъ. — Ему не хотѣлось, чтобы дѣти знали что-нибудь о гномахъ и не рассказали бы сосѣдямъ.

Но мальчишка продолжалъ:

— Право! — убѣждалъ онъ. — Мнѣ не приснилось, я наяву видѣлъ короля. На головѣ золотая корона, одѣяніе королевское, борода по поясъ, а въ рукахъ такая золотая дубинка, что отъ нея свѣтъ идетъ, какъ отъ самого солнца. Право, тятя, я видѣлъ короля. Онъ шелъ и по дорогѣ сѣялъ золото.

Тутъ мальчишкѣ началъ бить себя въ грудь и клясться, что это ему не приснилось, но Скробекъ крикнулъ на него и даже, разсердившись, топнулъ ногою.

— Дамъ я тебѣ короля, бездѣльникъ этакій, такъ, что тебѣ палка приснится! Вставайте живѣе, да за хворостомъ въ лѣсъ маршъ, а то мало осталось? Понимаете?

— Понимаемъ, — отвѣтили Войтусъ и Кубусь, вылѣзли изъ соломы, умылись изъ ведерка, подпоясали рубашенки кромкой, стали на колѣна, прочли молитву, потомъ поцѣловали у отца руку и, взявъ за пазуху нѣсколько вчерашнихъ картошекъ, направились къ порогу.

Но Скробекъ снялъ съ себя ремень, поднялъ его кверху и спрашиваетъ:

— Видите, что я держу въ рукѣ?

— Видимъ, — съ великою робостью отвѣтили на это мальчишки.

— Что это такое?

— Ну... ремень.

— Для чего?

— Для того... чтобы бить.

— А когда бьютъ, то больно?

— Ой, больно, тятя, больно!

И они начали тереть кулаками глаза, обнимать колѣна отца и готовы были вотъ-вотъ разголоситься.

Но Скробекъ опустилъ руку съ ремнемъ и говорить:

— Помните же, и повторяйте одинъ другому, что я теперь скажу вамъ: если кто изъ васъ хоть пикнетъ объ этомъ королѣ, я такую трепку задамъ вотъ этимъ ремнемъ, что небо съ овчинку покажется. Понимаете?

— Ой, понимаемъ — понимаемъ, тятя, — хныкали оба мальчика, все сильнѣе обнимая отцовскія колѣна. — Ой, ни слова не пикнемъ. Не бей насъ, не бей, тятя, золотой, хорошій.

— Ну, хорошо ужъ! — сказалъ мужикъ и бросилъ ремень на скамью. — А теперь пошли за хворостомъ.

Мальчишки съежились и тихонько выползли изъ хаты.

Когда они были уже за плетнемъ, Кубусъ осторожно оглянулся на хату, потомъ толкнулъ въ бокъ брата и проговорилъ:

— А короля я все-таки видѣлъ!

III.

На всемъ свѣтѣ не было лучше того уединеннаго уголка, какъ тотъ, который избралъ себѣ для жилья король Огронекъ, обходя подземными норами хатку Скробка. Уголокъ этотъ, полный зеленаго сумрака и свѣжести отъ большихъ листьевъ лопуховъ, которые разрослись вдѣсь чуть не цѣлымъ лѣсомъ, находился между запущеннымъ вишневымъ садомъ, теперь сплошь покрытымъ цвѣтомъ, и голубымъ ручьемъ, извивающимся по низкому лугу.

Мазанка Скробка примыкала къ саду съ одной стороны, а съ другой къ пустырю, до такой степени заросшему дикимъ цикоріемъ, царскимъ скиптромъ, что все это, давнымъ давно заброшенное, поле издали казалось золотымъ и серебрянымъ.

Но на узкой межѣ, которая отдѣляла его отъ ольшаника, тамъ и здѣсь росли кусты шиповника, осыпанные розовыми, нѣжными цвѣтами. Сколько соловьевъ пѣло здѣсь по ночамъ, сколь-

ко ихъ днемъ отдыхало въ ольшаникѣ, того никто и сосчитать бы не могъ. Пробовали было перекричать ихъ лягушки, которыхъ здѣсь было несмѣтное множество, лягушкамъ помогали водяныя курочки и дѣрки, гнѣздящіяся среди тростниковъ и аира, надъ голубымъ ручьемъ, — да куда имъ! Хоры лягушекъ, водяныя птицы сами по себѣ, а соловьи сами по себѣ. Такъ оно и шло по цѣлымъ ночамъ.

Не мѣшала имъ и близость хаты Скробка, о которой если кто не зналъ, то могъ и миновать ее, — до такой степени она была закрыта вѣтвями плакучихъ вербъ и высоко поднявшимися травами, до такой степени глубоко ушла въ землю.

Людское жильѣ выдавала только струйка дыма, вырывающаяся сквозь зеленый сводъ, когда Скробекъ въ полдень варилъ картошку для себя и для своихъ дѣтей; даже собака, и та здѣсь не лаяла, потому что ее было нечѣмъ кормить, да и оберегать было нечего.

Въ такую хату злой человѣкъ не заглянетъ, а путникъ минуетъ ее.

Краснолюдки, хотя сначала ворчали на это убожество, скоро освоились съ новымъ жилищемъ. Этотъ добрый и веселый народецъ больше всего любить свободу и только тамъ неохотно пребываетъ, гдѣ испытываетъ стѣсненіе. А тутъ, во всякомъ случаѣ, въ этомъ уголкѣ цвѣтущемъ, полномъ зелени, никто имъ не мѣшалъ, никто за ними не подсматривалъ, не путалъ ихъ. Вотъ они и привыкли къ нему, какъ къ своей родной Кристальной Пещерѣ, и между собой называли его «Соловиной Долиной».

Сначала тяжело было имъ, — это правда: первые дни они провели не только въ тяжеломъ трудѣ, но и въ голодѣ. Прежде всего нужно было найти помѣщеніе для короля, который, какъ по вѣстамъ своимъ, такъ и по высокому положенію, не могъ же спать подъ листомъ лопуха, какъ это дѣлали его придворные. Печалились юбъ этомъ Краснолюдки жестоко и кивали головами, обходя всю долинку вдоль и поперекъ.

Чтобы лучше осмотрѣть ее, Петрушка вскарабкался на толстую вербу и замѣтилъ, что стволъ этой вербы съ дупломъ.

Сейчасъ же ему пришло въ голову, что съ небольшими уси-
ліями королевское жилище можно было бы и тамъ устроить.
Краснолюбки дѣятельно засуетились, одни очищали дупло, другіе
таскали все, что могло послужить къ удобству и украшенію,
и въ тотъ же самый вечеръ его величество, король Огонекъ,
имѣлъ великолѣпную комнату, въ которой ему было не только
удобно, но и мягко, и спокойно. Мхи зеленые и бурые барха-
томъ устилали всю ея внутренность; по стѣнамъ были развѣша-
ны прозрачныя занавѣси изъ кристалльных кружевъ паутины, мѣ-
няющихся всѣми цвѣтами радуги, у входа висѣлъ коверъ, спле-
тенный изъ серебристаго ковыля, а полевые цвѣты и растенія
дивнымъ благоуханіемъ наполняли всю эту монаршую резиденцію.

Старый король снялъ корону, чтобы дать отдыхъ утомленной
головѣ, повѣсилъ ее на сукъ, а скипетръ поставилъ въ уголъ.
И вдругъ бриліантъ, которымъ былъ украшенъ скипетръ, заис-
крился такимъ чуднымъ блескомъ, что казалось, въ этомъ
истлѣвшемъ пнѣ засверкало солнце.

Тогда старый король, взгляды котораго былъ утомленъ со-
зерцаніемъ явленій этого міра, повелѣлъ закрыть бриліантъ оль-
ховымъ листомъ, проходя черезъ который свѣтъ смягчался и
походилъ на милое лунное сіяніе. И при такомъ мягкомъ, зеле-
новатомъ свѣтѣ, пріятно отдыхалъ себѣ старенькій король, раз-
мышляя о долгихъ лѣтахъ своей жизни, въ теченіе которыхъ
онъ дѣлалъ добро и нагромождалъ сокровища земли, для того,
чтобы они не шли въ руки злыхъ людей, на услуги злымъ дѣламъ.

А тѣмъ временемъ вѣрная королевская дружина размѣстилась
лагеремъ между разросшимися корнями вербы, въ каждую мину-

ту готовая на королевскій призывъ, и устроила себѣ такое удобное помѣщеніе, что можно было и отъ дождя укрыться, и полученной порою въ тѣнь спрятаться, и на чистыя звѣзды посмотреть вечеромъ,—а это гномы въ особенности охотно дѣлають.

Но съ живностью дѣло обошлось не такъ-то легко. День или два приходилось такъ туто, что Мычка, ни малѣйшаго поста не выдерживающій, такъ и заливался слезами. Но и въ этомъ случаѣ время принесло добрый совѣтъ.

Осмотрѣвшись вокругъ, Краснолюдки убѣдились, что окрестность, хотя запущенная и дикая, имѣетъ все-таки свои запасы, и не малые. Въ ольшаникѣ выросли желтые, весенніе грибки, такъ называемые лисички, дозрѣвала земляника; въ старомъ, запущенномъ саду, и тамъ, и здѣсь, сочился клей изъ коры вишневыхъ деревьевъ; въ травѣ можно было найти вкусныя зернышки, — укропъ давалъ ихъ въ особенности много; изъ молодыхъ листовъ клевера можно было приготовить отличнѣйшій салатъ, а разные коренья, хорошенько очищенные, могли сойти за варшавскую майскую спаржу. Питались Краснолюдки вкусно и обильно, и всякій изъ нихъ готовъ былъ пройти хоть цѣлую милю, чтобы принести королю что-нибудь пріятное.

Но съ этимъ ростомъ хозяйства надлежало подумать и о порядочной кухнѣ. Правда, гномы зажигали огонь на камышкѣ, но роса и дождь часто заливали его. И вотъ, не долго думая, Петрушка занялъ большую пустую раковину, изъ которой хозяинъ неизвѣстно куда отлучился, слѣпилъ надъ нею трубку изъ глины и песка, заперъ ее на ключъ и получилась такая кухня, лучше которой и на свѣтѣ не видано.

Всегда такъ бываетъ, что когда труба дымится, то и друзья явятся, и на этотъ разъ случилось то же самое.

Уже давнымъ давно надъ ручьемъ, подъ лопухомъ проживала одна лягушечья семья, къ которой принадлежалъ Полубояринъ.

То былъ господинъ заносчивый, суетный и жадный на почести. Мнѣ ужасно грустно, что объ этомъ Полубояринѣ я ничего хорошаго сказать не могу; но когда я думаю о немъ, то долж-

на видѣть его такимъ, какимъ онъ быть въ дѣйствительности: важнымъ и надутымъ, какъ пузырь. На всемъ берегу ручья не было лягушки, которая такъ бы раздувала горло и квакала бы о себѣ такъ громко, какъ этотъ Полубояринъ. Нужно прямо сказать, что онъ ничего другого не дѣлалъ, какъ только, выставившись на солнце, рассказывать всѣмъ, — хотѣлъ ли кто слушать, нѣтъ ли, — изъ какого онъ рода, какой у него чудный голосъ, какой у него умъ и музыкальный талантъ.

Противный самохвалъ! Иногда его слышно было даже въ другой деревнѣ.

И вотъ тогда-то Полубояринъ втерся къ гномамъ, началъ рассказывать имъ о себѣ дивныя дива, льстилъ имъ, а самъ только вынюхивалъ, откуда жаренымъ запахнетъ. По временамъ онъ и скрипку съ собою приносилъ, чтобы играть старому королю за ужиномъ, и наводить его своею музыкою на добрыя мысли.

Тогда начинались разныя забавы, а Краснолюдки все больше и больше сближались съ лягушкой, которая раздувалась такъ, словно не полубояриномъ была, а бояриномъ, какъ слѣдуетъ.

Тогда огонь такъ и валилъ изъ печи, столь искусно устроенной Петрушкою, ѣды и питья было вдоволь, а вкусные запахи расходились такъ далеко, что бурый котъ, дремлющій у камина въ хатѣ бѣднаго Скробка, содрогался, морщилъ спросонку носъ, а Войтусъ и Кубусъ, голодные, еще крѣпче прижима-

лись другъ къ другу и спрашивали: — откуда это такъ отлично пахнетъ?

Концертъ маэстро Сарабанды.

I.

Старый король много думалъ, раздумывалъ надъ тѣмъ, какъ бы наградить бѣднаго Скробка за то гостепріимство, которое онъ удѣлилъ въ своихъ углахъ ему и его дружинѣ.

Красноподки неохотно раздають золото, серебро и драгоценные каменья, врученные имъ на храненіе. Они предпочитаютъ помогать трудящимся въ работѣ, потому что и дарителя и одареннаго это въ одинаковой степени облагораживаетъ.

Но какъ тутъ помогать бѣдному Скробку въ трудѣ, коли въ его хозяйствѣ и рукъ приложить не къ чему, такая нужда!

Самъ Скробекъ, какъ только возвратится домой и осмотрится. вокругъ, то отпускаетъ руки. Въ углахъ валяется соръ, у потолка грязная паутина, каминъ весь облупился, передъ нимъ куча пепла, лавки и столъ грязные, стѣны ободранныя.

— Нужды здѣсь больше, чѣмъ силы моей! — говорилъ самъ себѣ Скробекъ. — Хотя бы я взялся приводить все это въ порядокъ, поможетъ ли мнѣ это? И такъ мнѣ скверно, и такъ не будетъ хорошо. Лучше закурить трубку!

Онъ тогда закуривалъ трубку, или валялся на свой тощій матрацъ и засыпалъ.

Скробекъ былъ не злой человѣкъ, но, придавленный нуждою, онъ не могъ подняться. Просто-напросто, онъ усомнился въ себѣ. Напримѣръ, поле, лежащее въ запустѣннѣи, при работѣ могло бы пропитать и его, и его дѣтей. Но такъ какъ на немъ было множество старыхъ пней, каменьевъ, ямъ и всякой сорной травы, то Скробекъ и не имѣлъ отваги приняться за него.

— Вотъ, — говорилъ онъ, — если бы у меня былъ хоть одинъ клинъ подъ картофель, то я лучше справился бы съ нимъ, чѣмъ со всѣмъ этимъ полемъ. Хотя руки по локоть обгрызи, ничего не подѣлаешь. Окопать его нужно, воду спустить, корни выкорчевать, сорную траву уничтожить, и только тогда приняться за пахоту. А что я сдѣлаю? Есть у меня подходящій топоръ? Есть

лопата? Есть плугъ? Есть борона? Есть ли что-нибудь, кромѣ тѣхъ двухъ картофелинъ, которыя мнѣ приходится съѣсть не только безъ масла, но даже подъ часъ и безъ соли? эхъ! эхъ! не подъ силу для меня! нѣтъ!

Онъ закладывалъ въ телѣгу лошаденку и ѣхалъ въ городъ, чтобы заработать тамъ нѣскольکو копеекъ.

Но не великъ былъ заработокъ его. Какъ съѣсть, бывало, кусокъ хлѣба, купить лошади горсть овса, заплатить шоссейный сборъ, да еще въдобавокъ, заглянетъ въ корчму, такъ и вернется домой съ пустымъ мѣшкомъ. И такъ всякій разъ. Дѣтямъ рѣдко перепало что-нибудь отъ его поѣздокъ.

Такъ какъ лошадь составляла единственное достояніе Скробка, то король Огонекъ повелѣлъ своимъ гномамъ хорошенько чистить ее скребкомъ по ночамъ, вытирать ей шерсть росой, копыта смазывать комаринымъ саломъ, гриву заплетать и расчесывать, въ кормушку класть самой мягкой травы, а если можно, то и клеверу, поить ключевою водою, подстилать мохъ и сухую хвою, отгонять мухъ и оводовъ и учить хорошей иноходи.

Тѣ люди, которые раньше знали эту лошадь, дивились, что за перемѣна произошла съ нею.

— Да ты, Скробекъ, должно быть, обмѣнялъ ее на другую и не мало далъ въ придачу! — спрашивалъ у него то одинъ, то другой.

Но Скробекъ только усмѣхался, потому что слышалъ отъ дѣда-прадѣда, что если гдѣ поблизости поселятся гномы, тамъ кони на славу: воду на нихъ лей, не намочнуть, — такіе толстые!

И телѣга Скробка была теперь въ лучшемъ порядкѣ. Бывало, стоитъ тихая, темная ночь, а на дворѣ Скробка и ясно, и шумно. Здѣсь Василекъ колеса моетъ, тамъ Соломенка дрожины подправляетъ, а въ другомъ мѣстѣ Мычка оси смазываетъ, или Подберезникъ на собственномъ огнѣ новый шкворень куетъ. Такая работа идетъ, словно на господскомъ дворѣ!

А когда ночью королевская дружина такъ дѣятельно работаетъ, старый король уходитъ въ лѣсъ, чтобы дожидаться разсвѣта и наблюдать за ребятишками Скробка, когда они пойдутъ за хворостомъ.

Боръ стоялъ густой, глухой, и только по его верхушкамъ тихо шумѣлъ вѣтеръ, колебалъ черныя сосны и вѣщаль какія-то великія, мощныя слова.

И вотъ по узкой тропинкѣ, въ этотъ сумракъ и холодъ врывались точно два солнечныхъ луча, то Кубусъ и Войтусъ, съ растрепанными волосами, въ льняныхъ рубашонкахъ, подпоясанные кромкой и босикомъ, являлись на свою работу. Прибѣгали ребятишки со смѣхомъ и дѣтскою болтовнею, а боръ утихалъ и слушалъ. И открывались надъ русыми головками неизмѣримые своды сосенъ, и наклонялись къ нимъ могучія короны дубовъ, и шептали имъ дрожащія листки бѣлыхъ березъ, и въ самыхъ отдаленныхъ, темныхъ уголкахъ слышался тихій шумъ: дѣти! дѣти! дѣти!

Но даже и этотъ шопотъ нагонялъ страхъ. Кубусъ и Войтусъ въ угрюмомъ сумракѣ бора смолкали, словно птенцы, принесенные въ темную комнату. Но странное дѣло! Прежде мальчишки должны бывало порядочно побродить по лѣсу, чтобы найти вѣтку хвороста, а теперь, куда ни посмотреть, лежитъ она, не слишкомъ большая, не слишкомъ малая, какъ разъ имъ подъ силу, точно ее вѣтеръ принесъ. А какая смолистая. Смола такъ и просвѣчиваетъ, словно янтарь. Какъ весело будетъ трещать огонь въ каминѣ отъ такихъ вѣтокъ! Радуются дѣти, раскидываютъ веревку на тропинкѣ и складываютъ сушь; какъ быстро, какъ споро идетъ у нихъ дѣло!

И опять суція чудеса! Въ сухихъ листьяхъ на тропинкѣ блеснулъ прошлогодній орѣшекъ. Вѣтеръ ли принесъ его изъ лещины? Бѣлка ли упустила его, бѣгая по деревьямъ? Мальчишки разбили его о камень и подѣлились бѣлымъ, сладкимъ зернышкомъ, а тутъ, глядь, — другой, третій, цѣлая кучка орѣховъ, всѣ какъ на подборъ. Радуются дѣти, и становится имъ все веселѣй. Кубусъ убѣжалъ въ сторону, совсѣмъ скрылся въ зелени, и только слышенъ его звонкій голосъ.

Но вдругъ онъ крикнулъ:

— Господи, Ты Боже мой!

Войтусъ бѣжитъ къ нему, смотреть, у мальчика губы трясутся, слова вымолвить отъ страха не можетъ.

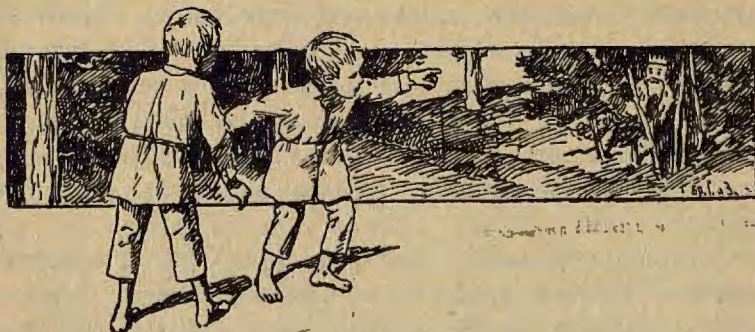
— Чего ты кричишь? — спрашивает Войтусь.

— Король быть. Король! Въ золотой коронѣ! Вонъ тамъ, за кустикомъ стоялъ, въ красномъ платьѣ, свѣтился, какъ огонь.

— Гдѣ? — спрашивает Войтусь.

— Вотъ тутъ... тутъ! — показывая пальцемъ, говорит Кубусь.

И потомъ онъ опять закричалъ:

— Ягоды!

Смотрятъ мальчики, — правда! Ягоды краснѣются, словно кто ихъ нарочно насѣялъ.

Чудеса! Въ этомъ лѣсу ягодъ никогда не бывало, а теперь, смотрите, сколько ихъ!

Бдятъ мальчики и о страхѣ забыли; такихъ отборныхъ, румяныхъ и сладкихъ ягодокъ они еще не видали во всю свою жизнь.

Подкрѣпились они, связываютъ хворостъ, пора возвращаться домой. Прежде не мало бывало аховъ и оховъ, трудно и взвалить себѣ на плечи ношу, а не то, что итти съ нею.

А теперь вязанки кажутся такими легкими, какъ будто половина тяжести убыло.

— Мало, что ли, хворосту, что такъ легко итти? — спрашивалъ Войтусь. А Кубусь отвѣчалъ на это:

— Или мы послѣ этихъ орѣшковъ и ягодокъ сдѣлались такими сильными?

Кубусь помолчалъ съ минуту, потомъ говоритъ:

— Войтусь!

— А что?

— Не говори дома о королѣ, что я его видѣлъ, а то тятя опять за ремень возьмется...

— Зачѣмъ мнѣ говорить?

И такимъ манеромъ они возвращались домой.

Порою по дорогѣ ихъ встрѣчали бабы, останавливались и смотрѣли имъ вслѣдъ.

— Скробковы ли это ребяташки, или не Скробковы? Что они такъ перемѣнились? Побѣлѣли, выросли. Какъ будто и не они.

— Чему же тутъ дивиться? Можетъ быть, покойница мать вымолила у Господа Иисуса, чтобы Онъ отпускалъ ее къ дѣтямъ, и ночью ухаживаетъ за бѣднягами.

— Должно быть что такъ...

— Конечно, не иначе.

Бабы покачивали головами и шли дальше. А того никто и не зналъ, что это король гномовъ такъ заботился о сиротахъ, чтобы отблагодарить за гостепріимство.

Но старому королю это казалось очень малымъ, почти ничѣмъ. Такое уже у него было благородное сердце. И вотъ онъ началъ думать, какъ бы пріохотить бѣднаго Скробка къ работѣ около поля и какъ бы помочь ему въ этомъ.

Однажды вечеромъ, возвращался Скробекъ домой, а луна свѣтила во-всю. Смотрить мужикъ, а его пустырь стоитъ въ серебряномъ блескѣ, точь въ точь такъ, когда жито дозрѣетъ, а полные колосья склоняются при тихомъ вѣтрѣ... И это глазамъ Скробка предстало такъ неожиданно и такъ волшебю, что онъ бросилъ уздечку на шею своей лошади и побѣжалъ на поле, глазамъ своимъ не вѣря, съ бьющимся сердцемъ и съ такою надеждой, какъ будто онъ и вправду сѣялъ жито, и вотъ, наконецъ, дождался ранняго урожая. Прибѣжалъ онъ и видить, что это только метлица свѣтится въ лучахъ луны.

Повѣсивъ мужикъ голову, остановился на мѣстѣ, грустно задумался, вздохнулъ и возвратился на тѣлѣгу.

Но этотъ пустырь, словно покрытый дозрѣвающей рожью, такъ и не выходилъ изъ его глазъ. И ночью ему снилось то же самое.

Немного спустя, раннимъ утромъ идетъ Скробекъ въ лѣсъ вырѣзать оглоблю, и вдругъ его поразили какой-то великій блескъ. Смотритъ онъ, а его поле горитъ словно расплавленнымъ золотомъ, какъ это бываетъ, когда созрѣетъ пшеница, золотистая пшеница, сгибающаяся подъ косою, чреватая бѣлымъ зерномъ.

Удивился мужикъ, остановился, смотритъ — мурашки у него по кожѣ пробѣгаютъ. Караулъ! да! вѣдь это ничто иное, какъ пшеница!

Подбѣгаетъ онъ ближе, смотритъ, — а это раннее солнце такъ разрисовало золотомъ запущенный пустырь.

Постоялъ мужикъ, подумалъ, заломилъ руки, такъ что даже кости затрещали и, вздыхая, возвратился домой.

Но пустырь, сверкающій золотомъ пшеничныхъ колосьевъ, не выходилъ изъ головы: — куда бы онъ ни пошелъ, гдѣ бы ни остановился, онъ только и думалъ, что о немъ.

— А что? — говорилъ онъ самому себѣ, — можетъ быть, тамъ и пшеница родится? Кто ее знаетъ? Можетъ быть, и родится? Земля тамъ должна быть сильная. Отдыхала сотни лѣтъ. Съ дѣдовскихъ — прадѣдовскихъ временъ никто тамъ не пахалъ, не сѣялъ... Пустырь, да и пустырь... А кто его знаетъ?

Задумался теперь бѣдный Скробекъ и по цѣлымъ часамъ блуждалъ вокругъ поля, считая и соображая, какъ бы приняться за работу, чтобы обратить этотъ пустырь въ пахотную землю.

— Тяжело! тяжело! — повторялъ онъ вполголоса, смотря на огромные пни, глубоко сидящіе въ землѣ, на дикіе кустарники, на большіе камни, которые будто выросли глубоко въ землю.

— Тяжело, тяжело! — вздыхалъ Скробекъ и уходилъ домой.

Но едва онъ уйдетъ, какъ его снова что-то тянетъ къ этому полю, и онъ идетъ снова и снова, глядя на дикіе кустарники, вздыхаетъ, покачиваетъ головою и шепчетъ:

— Тяжело, тяжело! Не по моимъ силамъ!

Такъ прошло двѣ недѣли, мужикъ даже похудѣлъ отъ борьбы съ своими мыслями, которыя то притягивали его къ запущенному клочку поля, то отталкивали назадъ.

По временамъ Скробекъ ожесточался и по три, по четыре дня не ходилъ на пустырь. Но тогда онъ чувствовалъ такъ, какъ будто совсѣмъ забросилъ свое хозяйство.

Мало того, передъ его глазами еще живѣе представлялись серебряные колосья жита или золотистой пшеницы. Онъ будто слышалъ шумъ этихъ колосѣвъ.

Тьфу! — Колдовство что ли какое! — и онъ брался за какую-нибудь работу.

А на другомъ концѣ лѣса, надъ рѣчкой стояла лѣсопильная мельница, недалеко отъ большой дороги.

Много нужно было подвозить туда бревенъ, изъ которыхъ рѣзали широкія и длинныя балки. Скробекъ охотно занимался тамъ и, благодаря своей доброй лошаdkѣ, имѣлъ недурной заработокъ. У него уже въ горшкѣ, спрятанномъ подъ поломъ, завелись кой-какія деньжонки.

Но деньги эти были не такъ для него дороги, какъ тѣ, которыя онъ выручилъ бы отъ продажи хлѣба.

Кто заработалъ эти деньги? Онъ и лошадь.

А ну, какъ на него, или на лошадь нападетъ болѣзнь? Онъ не вѣченъ на бѣломъ свѣтѣ, а конская жизнь короче человѣческой. Что же послѣ нихъ обоимъ останется ребятишкамъ? Нищета, и только! Вотъ если бы обработанное поле! Ну, тогда было бы наслѣдство, какъ слѣдуетъ...

И вечеромъ, возвращаясь съ тяжелой работы въ лѣсу, Скробекъ волей или неволей шелъ къ своему пустырю и долго смотрѣлъ на него.

Видя это, старый король радостно дотиралъ руки, довольный тѣмъ, что золотымъ и серебрянымъ блескомъ онъ приворожилъ къ сердцу Скробка клочъ дикой земли.

II.

Однажды, въ Соловьиною Долину прибрелъ музыкантъ изъ музыкантовъ, славный скрипачъ Сарабанда. Игралъ онъ такъ, что во всей округѣ и сравняться съ нимъ никто не думалъ.

Ни Шмуль, который дудитъ на контрабасъ въ корчмѣ каждое воскресенье, ни Франекъ, который ходитъ по свадьбамъ со своей скрипкой...

Можетъ быть, одинъ Ясекъ, пастухъ, у котораго была ивовая дудка, на которой онъ игралъ цѣлый день, — можетъ быть, этотъ пастухъ могъ сколько-нибудь равняться съ Сарабандой. Да и то не во всемъ!

Пускай никого не удивляетъ, что маэстро Сарабанда въ своемъ сѣромъ плащѣ казался обыкновеннымъ полевымъ кузникомъ.

На видимость никто не обращаетъ вниманія изъ тѣхъ, у кого есть разумъ, и кто смотритъ въ суть дѣла. Правда была въ томъ, что маэстро Сарабанда игралъ такъ громко и такъ трогательно, что не только во всемъ полѣ его было слышно, но и въ собственной душѣ.

А какъ всякая музыка, когда она западетъ въ глубину души, облекается тамъ въ собственные слова, такъ и теперь случилось.

Когда Шмуль гудѣлъ въ корчмѣ на своемъ контрабасѣ, то за цѣлую милю ясно было слышно, какъ что-то кричало изъ этого контрабаса.

«Пей, бѣднякъ,
Пей упрямо!
Смерть подходитъ,
Роетъ яму.
Смерть стучится
Въ дверь рукою, —
Что ты выпилъ,
Все съ тобою»...

А когда Франекъ, идя на свадьбу, игралъ на своей скрипкѣ, то ясно было слышно, какъ въ этой скрипкѣ что-то смѣялось во все горло и подпѣвало:

«За веселый танецъ, смѣлый
Дамъ тебѣ дукать я цѣлый,
Пусть играютъ спозаранку
Скрипки, басы безъ устанку.

Гу-га!

Эхъ, тяжелая работа,
Изобрѣлъ тебѣ на что-то
И придумалъ дѣдко старый,
Не найдя для танца пары.

Гу-га!»

И вотъ, молодые и старыя бросали работу и бѣжали слушать музыкантовъ и посмотреть на общее веселье хоть изъ-за угла, если кто самъ не могъ танцовать. Тогда въ деревнѣ работа оставалась, на день, на два, на три дня, а время тихо шло, шло и уходило, унося съ собою хлѣбъ насущный.

А когда Ясекъ игралъ на своей свирѣли, то въ сердцѣ дѣлалось ужасно грустно, словно какъ будто кто вздыхалъ и жаловался. И тогда тоже ясно было слышно:

...«Эхъ, горе и мученье,
Не нива, заустѣнье,
Навѣялъ вихорь черный
Травы намъ много сорной.
Эхъ, доля моя, доля.
Ужъ не косить мнѣ поля...
Уйду я по дорогѣ,
Куда потащатъ ноги!..»

А когда свирѣль Яська такъ играла, у людей при работѣ опускались руки, плугъ казался страшно тяжелымъ, земля безплодной и твердой, коса тупою, и всякая охота къ труду пропадала такъ, какъ будто человѣкъ страшно заработался.

Но у маэстро Сарабанды дѣло было не такъ. Онъ настолько близко сидѣлъ около земли, что хорошо зналъ ея мощь и всю ея доброту и кротость, и объ этомъ только умѣлъ пѣть и играть. Раннимъ ли утромъ, вечеромъ ли, во всякое время онъ пѣлъ о поляхъ, лѣсахъ и ручьяхъ и пѣлъ такъ, что это шло прямо въ душу.

Бѣдный Скробекъ сидѣлъ однажды на порогѣ своей хаты, задумался, загрустилъ, и душа его растрогалась и наполнилась любовью къ этой бѣдной хаткѣ, которую онъ получилъ въ наследство отъ дѣдовъ-прадѣдовъ.

А солнце только что заходило.

Краснолюдки выползли изъ своего уголка посмотреть на золотистый кругъ, на ясную зорю, на лиловую прозрачность воздуха, а музыкантъ сидѣлъ на пригоркѣ и, засмотрѣвшись на закатъ, началъ играть и пѣть.

Слушаетъ Скробекъ, бренчить что-то въ воздухѣ, словно серебряныя гусли, а изъ бренчанья этого выходятъ слова, такія тихія, какъ будто нашептываетъ ихъ само сердце въ груди, или какъ будто сама душа.

Удивился мужикъ, слушаетъ; а голосъ, сначала тихій, становится все громче, все шире, все проникновеннѣй, и полилась пѣсня, какъ звукъ органа, по полямъ, по лѣсамъ, и охватила рѣчки, луга и ручьи, и зашумѣла листьями полевыхъ грушъ и лѣсныхъ дубовъ и шепотомъ травъ, и потекла волною той музыки, которая играетъ въ вечерней тишинѣ. И загремѣла могучая пѣснь, словно исторглась она изъ милліона грудей, и стремилась къ небу, и словно милліоны сердецъ бились въ ней и звучали:

...«Ой, нива родная богата,
Въ ней много сребра есть и злата,
Всѣ будутъ довольны и сыты,
Лишь только ее возлюби ты!..

Слезами и кровью вспоена,
Ты всѣхъ пріютила у лона,

Ты жизни даешь свои силы
И сыплешь цвѣты на могилы.
Ой, плугомъ изъ кованой стали
Давно ужъ тебя не пахали,
Давно въ твои нѣдра отборной
Пшеницы не сыпались зерна!»

Слушаль эту пѣсню мужикъ Скробекъ и вдругъ почувствовать въ себѣ такую силу, какой у него до сихъ поръ еще никогда не было. И такую горячую, душевную любовь онъ почувствовалъ къ своему клочку земли, какой до сихъ поръ у него никогда не было.

Ему казалось, что у него выросли сто рукъ для корчеванья, для пахоты, для всякой тяжелой работы, и его сердце растаяло въ гигантской любви къ своему запущенному, убогому наслѣдству.

Всталъ онъ съ порога, посмотрѣлъ на свѣтъ Божій пытливымъ, твердымъ взглядомъ, протянулъ впередъ руки, сжалъ кулаки и прошепталъ:

— Эхъ, земля, земля! Эхъ, работа, работа! Поборюсь я съ тобою... И да поможетъ мнѣ Господь Богъ!..

Василекъ и его ученикъ.

I.

Полубояринъ не могъ вынести успѣха маэстро Сарабанды. Онъ и прежде былъ зеленъ, а теперь еще вдвое позеланѣлъ отъ зависти.

— Какъ! — говорилъ онъ, — какой-то проходимецъ, какой-то бродячій сверчокъ будетъ подвизаться въ странѣ, гдѣ всѣ рукоплесканія принадлежать мнѣ по праву? Съ какихъ это поръ дозволяется первому попавшемуся бродягѣ затуманивать слушателей и какимъ-то тамъ стрекотаньемъ портить ихъ вкусъ и отбивать ютъ моей музыки? Это совершенно возмутительно!

— Послушайте! — вдругъ обратился онъ къ Васильку, который былъ свидѣтелемъ его жалобъ. — Смилуйтесь вы надо мною и, во что бы то ни стало, добудьте мнѣ ноты, по которымъ играетъ Сарабанда, и вы увидите, что я перещеголяю его, за поюсъ заткну. Я эту самую пѣсню выучу такъ, что весь міръ узнаетъ, что такое значить какой нибудь ничтожный Сарабанда, и что такое значить Полубояринъ. Дорогой мой, сдѣлайте это! Прошу васъ, помогите мнѣ!

Василекъ былъ всегда очень дѣятеленъ, бросился за кузнечикомъ, уходящимъ съ своей чародѣйскою скрипкой, схватилъ его за полу темнаго плаща и началъ вымаливать ноты той чудной пѣсни, эхо которой еще дрожало вокругъ въ полевыхъ травахъ, орошенныхъ росой.

— У насъ есть очень способная лягушка, — говорилъ Василекъ, — и мы желаемъ сдѣлать изъ нея придворнаго музыканта Его Величества, нашего всемилостиваго государя. Его величество король, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, подвергается приступамъ тоски и грусти, а такой прекрасный музыкантъ развлекалъ бы въ его меланхолии.

— Съ удовольствіемъ, я очень охотно исполню вашу просьбу! — отвѣчалъ Сарабанда. — Вотъ эти ноты, возьмите, пожалуйста... Однако, въ этихъ нотахъ заключается не вся пѣснь. Остальное, чего тамъ не достаётъ, надо пѣть изъ души. О, это не представляетъ никакой трудности! Достаточно только посмотреть на зарево вечерней зари, достаточно почувствовать запахъ полей и луговъ, достаточно вслушаться въ тотъ великій хоръ, какимъ звучитъ полевая тишина... Очень, очень легко! Вотъ ноты, возьмите ихъ, пожалуйста... Мнѣ очень пріятно... Вашъ покорнѣйшій слуга!

И великій музыкантъ ушелъ поспѣшными шагами, оставивъ Василька съ нотами въ рукахъ и съ великимъ удивленіемъ въ сердцѣ, потому что виртуозъ изъ виртуозовъ былъ такъ простъ, такъ любезенъ, а при этомъ такъ несмѣлъ, некраснорѣчивъ и, пожалуй, даже неуклюжъ.

— Ну! — подумаль онъ про себя, — Полубояринъ правъ. Ужъ если этотъ простакъ считается славнымъ музыкантомъ, то что же выйдетъ изъ нашего Полубоярина, у котораго и ростъ не такой, и фигура, да и вообще, вся наружность?

И онъ поспѣшилъ возвратиться въ Соловьиною Долину, гдѣ его ожидалъ Полубояринъ.

Май уже кончился, и было жарко, когда нашъ зеленый музыкантъ началъ свои концерты. Онъ избралъ себѣ мѣсто въ тѣни одного гриба, надъ самымъ берегомъ ручья, сидѣлъ тамъ, какъ подъ зонтикомъ, и каждый день упражнялся въ пѣніи. Но такъ какъ онъ постоянно терялъ тактъ, то, истомленный жаромъ и обливаемый потомъ Василекъ, долженъ былъ выбивать этотъ тактъ, помахивая палочкой, выломанной изъ тростника.

Какой шумъ былъ при такихъ урокахъ, какіе фальшивые, дикіе тоны извлекались при этомъ, — того и описать невозможно!

Лягушка ревѣла, какъ обезумѣвшая, Василекъ махалъ своею палочкою, словно три бабы, когда онѣ колотятъ у ручья вальками бѣлье, а жуки, мухи, комары, даже воробьи, все это улетало съ пискомъ, съ жужжаньемъ, съ трепетаніемъ крыльевъ, чтобы какъ можно дальше уйти отъ этого несчастнаго гриба, подъ которымъ пѣлъ Полубояринъ.

Но убѣжать отъ этого могли не всѣ. Тутъ же, у самага берега ручья, жили водяныя лиліи, которымъ не дозволялось оставлять свой прохладный, голубой домъ. Не имѣя возможности никакимъ манеромъ устраниваться отъ этого шума, онѣ выставляли свои бѣлые вѣнчики, умоляя всѣмъ святымъ, чтобы ихъ хоть на минутку оставили въ покоѣ, чтобы хоть на секунду ничто не нарушало тишины.

— Усерднѣйше умоляемъ васъ, милостивые господа! — говорили онѣ кроткимъ и вѣжливымъ голосомъ. — Съ того времени, какъ вы, милостивые господа, посвятили свое время музыкѣ, мы живемъ въ вѣчной тревогѣ, въ вѣчномъ безпокойствѣ, словно какъ на мельницѣ. Мы не хотимъ доставить вамъ никакой неприятности, но намъ никакъ невозможно утромъ молиться восходящей зарѣ, ни слышать, какъ ландыши въ ближайшемъ лѣсу звонятъ свою вечернюю молитву. У насъ перепутался весь порядокъ дня... Вы, милостивые господа, навѣрно знаете, что мы ткемъ въ кроснахъ серебряныя нити для вуалей послушницъ, пока еще замкнутыхъ въ зелени почекъ; и вотъ наши нити въ кроснахъ рвутся ютъ несноснаго шума, который вамъ угодно производить какъ разъ передъ нашею калиткою. Мы пробовали прятаться поглубже въ воду, чтобы тамъ хоть немного насладиться тишиною и спокойствіемъ, но безъ солнца намъ жить никакъ невозможно. Не обижайтесь на насъ за нашу просьбу. Мы признаемъ великій талантъ господина въ зеленомъ платьѣ, и силу, очень большую силу господина въ голубомъ платьѣ. Но такъ, какъ теперь, мы жить ни коимъ образомъ не можемъ. Нервы наши нестерпимо страдаютъ отъ этого.

Тутъ онѣ присѣли и скромно спрятались подъ большіе круглые листья, которые служатъ имъ вуалю.

Но тростники и очереты не были такъ вѣжливы. Тѣ сразу начали стучать своими палками и бряцать длинными мечами.

— Кто это такъ шумитъ, точно съ него шукуру обдираютъ? — восклицали они. — Неужели вы не видите, что насъ здѣсь стоитъ цѣлое войско, а не шумитъ, какъ двое васъ! Ну-ка его палкой! Ну-ка его саблей!

— Гей, рядовые! Зашумѣть золотыми кистями! Пусть этотъ буянъ узнаетъ, что значитъ настоящая музыка. Загребите, наши литавры, заиграйте, наши трубы!

И очеретъ наклонялся съ широкимъ, громкимъ посвистомъ, тростники бряцали широкими саблями, а вѣтеръ, ворвавшись среди нихъ, странную музыку наигрывалъ на нихъ и шумѣлъ такою угрозою:

...На корточкахъ, тихо,
Сюда подползай...
Стоимъ мы на стражѣ,
Пароль подавай...
Въ засадѣ стоимъ мы,
Нашъ мечъ вознесенъ...
Пароль подавай намъ, —
Не знаешь, такъ вонъ!

Эта странная музыка, похожая на цыганскую, сначала тихая, а потомъ растущая и крѣпнущая, съ минуту, словно ураганъ, потрясала очеретомъ, потомъ, мало-по-малу стихая и умолкая, разсѣивалась, какъ будто ея и не было.

Но, обуянный завистью и гордыней, Полубояринъ не обращалъ вниманія ни на угрозы вооруженныхъ тростниковъ и очеретовъ, ни на покорныя просьбы бѣлыхъ водяныхъ лилій. Напротивъ, тѣмъ громче были просьбы и у розы, тѣмъ запальчивѣй онъ кричалъ, чтобы заглушить ихъ, такъ что его горло раздулось, какъ наполненный пузырь.

— Побойтесь вы Бога! — кричалъ испуганный Василекъ. — Сдержите на время ваше пѣніе, потому что вы лопнете на моихъ глазахъ.

Едва онъ сказалъ это, какъ вдругъ... крахъ... кожа, натянутая, какъ на бубнѣ, лопнула, а Полубояринъ какъ сидѣлъ, такъ и свалился, вздохнувши только одинъ разъ.

II.

Полдень былъ знойный, горячій. Косцы докашивали луга. Ихъ длинный рядъ подвигался ровно; ровно напрягались ихъ спины и плечи въ льняныхъ рубашкахъ, блестящихъ на солнцѣ;

ровно шли ясныя косы, подрѣзывая траву какъ разъ у самой земли. На межѣ, подъ полевой грушей, стояли глиняные кувшинчики съ золотистою земляникою и густымъ молокомъ. Дѣти, которыя собрались сюда изъ хатъ, то играли въ разныя игры, то цѣлою кучкою усѣвшись на пригоркѣ, въ своихъ голубыхъ исподнихъ и красныхъ рубашкахъ, казались букетами васильковъ и мака.

Вдругъ они смотрятъ, а изъ лѣса спѣщитъ къ нимъ какой-то маленькій человѣкъ, и прямо идетъ по направленію къ кувшинамъ.

То былъ Мычка, пажъ его величества короля Огонька. По милости своей толщины, онъ не въ состояніи былъ вынести жару, взялъ ложку и миску и шелъ къ косцамъ, чтобы похлебать кислаго молока и до нѣкоторой степени освѣжиться.

Дѣти струсили, а онъ присаживается къ первой попавшейся мискѣ, забираетъ золотой ложечкой молока и кладетъ въ золотую мисочку. Она уже была у него полна, и онъ собственно соскребалъ съ краевъ сметану, когда въ воздухѣ раздался тонкій хоръ множества тонкихъ голосовъ:

— Нашего музыканта нѣтъ въ живыхъ!

Услыхавъ этотъ крикъ, Мычка ложку и миску уронилъ въ траву, и какъ стоялъ, такъ бѣгомъ и помчался въ пушу. Дѣти только теперь замѣтили его красный капюшонъ, который развѣвался вслѣдъ за нимъ.

— Гномъ! Гномъ! — завизжали они всѣ вмѣстѣ и словно испуганные воробьи, съ крикомъ побѣжали по направленію къ деревнѣ, въ то время, какъ золотой приборъ, который служилъ Мычкѣ, и который онъ бросилъ въ траву, покотился подъ орѣшникъ и остался тамъ.

Въ Соловьиной Долинѣ было страшное замѣшательство, когда Мычка добѣжалъ туда. Кто былъ живъ, всякій спасалъ Полу боярина и искалъ въ немъ духъ. Одни трясли его, другіе оттирали, третьи съ боку на бокъ переворачивали, четвертые жгли у него подъ носомъ вороньи перья, а Петрушка, бѣгая взадъ и впередъ къ рѣчкѣ за водою, обливалъ и больного и вмѣстѣ съ тѣмъ и ухаживающихъ за нимъ.

Но всѣ старанія не приводили ни къ чему, — Полубояринъ ле-

жалъ безъ чувства, безъ души. Глаза его побѣлѣли, лапы отвисли, трупъ, — и больше ничего! Только въ землю хоронить.

Тѣмъ временемъ шла по лѣсу старая старушка и собирала травы. Старушка была суха, какъ сухая хворостина, лицомъ темна, словно грибокъ, растущій подъ пенькомъ, и такъ сгорбилась отъ дряхлой старости, что и головы поднять отъ земли не могла. Старушка стучала посохомъ, который помогаль ея немощнымъ ногамъ, а когда встрѣчала какую-нибудь травку, то говорила ей сухимъ, тихимъ голосомъ:

— Росянка ты, росянка! тысячу листочковъ на тебѣ, на каждомъ листочкѣ капелька росы, въ каждую росинку посмотрѣлось солнышко, силу тебѣ дало, силу великую. Хороша ты отъ глазной боли, хороша для молодыхъ и старыхъ, иди въ корзинку!

И старушка срывала горсть свѣжей травы, и тихо шепча, шла дальше.

Потомъ она начинала снова:

— Охъ ты, травка зеленая, молодильникъ ты, молодой воинъ! Съ горки на долину, съ долины на горку ты ходишь, по старымъ пескамъ бродишь, не глядишь на дорожку, потому-что у тебя есть свои ножки. Смотришь чистый король, — пригоденъ ты на сухую боль, — иди въ корзинку!

— Ой ты, мать — мачеха! Сильный духъ въ тебѣ, помогаешь ты отъ тоски, отъ горя! Иди въ корзинку!

Рвала она въ тишинѣ пахучую траву, потомъ отошла въ сторону съ дороги, распрямила согбенную спину, посмотрѣла въ лѣсъ выцвѣтишими голубыми глазами и запѣла:

...Слышала родная, какъ рыдаютъ дѣти,
И изъ гроба вышла рано на разсвѣтѣ,
Выглянула травкой слабой и безсильной, —
Вдругъ несутся тройки по дорогѣ пыльной, —
По дорогѣ пыльной, межъ созрѣвшей рожью, —
Мачеха вѣнчаться ѣдетъ въ церковь Божью...

Послышался ея тихій, слабый голосъ и замолкъ въ лѣсу, а старушка снова сгорбилась и, вздохнувъ, поплелась дальше. Но

вдругъ, она остановилась и взмахнула посохомъ. Какъ будто какіе людскіе голоса. И все ближе голоса эти слышно. Выползла она наконецъ изъ оврага, и очутилась надъ самымъ ручьемъ. Смотрить, толпа гномовъ окружаетъ лежащую безъ дыханія лягушку, ломаютъ руки, плачутъ и восклицаютъ:

— Музыкантъ нашъ! Музыкантъ нашъ умеръ!..

Старушка ничуть не удивилась и не испугалась. Всю свою жизнь она была за панибрата съ разными диковинными явленіями.

Въ диковинку ли это, что ли? Краснолодокъ въ теченіе своей долгой жизни она видала не разъ, не два. Да и что ей Краснолодки?..

И вотъ она только заморгала голубыми глазами, подходит ближе и спрашиваетъ:

— Что Богъ послалъ?

Но Краснолодки крикнули ей:

— Ахъ, у музыканта нашего лопнуло горло! Помоги, бабушка, нашему музыканту!

Покачала бабушка головою, тронула за одну лапу лягушки, тронула за другую, — трупъ. Приложила она свое ухо къ мертвой груди и слушаетъ!

Слушала она и вдругъ улынулась... Что-то вродѣ жизни еще билось въ бѣдномъ Полубояринѣ. Тогда бабушка подняла голову и говорить:

— Скажи, кто скорый, за высокія горы, за три моря, — на бездорожье, — на самый конецъ свѣта, — гдѣ стоитъ моя хата, — принеси мнѣ, старушкѣ, золотую иглу съ ниткой, — поможемъ лягушкѣ.

Побѣжалъ Петрушка къ хатѣ Скробка, потомъ обратился къ ласточкѣ съ просьбой:

Ласточка, касатка,
Помоги мнѣ въ горѣ!
Понеси меня ты
За горы, за море.
Тамъ за синимъ моремъ
Опусти меня ты

Съ крыльевъ быстролетныхъ
У колдуньи хаты.
Мнѣ скорѣе нужно
Изъ избы старушки
Принести иголку,
Чтобъ помочь лягушкѣ.

Защebetала ласточка, обрадованная, что ей можно услужить кому-нибудь.

Вскочилъ на нее Петрушка, — фррр!.. И потуда его видѣли! Все равно, какъ будто его вѣтромъ унесло.

Тѣмъ временемъ бабушка огонь разводитъ, вѣтки крестъ-на-крестъ кладетъ, зелья варить и горло Полубоярина смазываетъ. Ей прислуживаютъ гномы, какъ могутъ, — тотъ ей хворостъ носить, тотъ мѣхами огонь раздуваетъ, тотъ горшочекъ держитъ. Самъ всемиловитый король поддерживаетъ голову Полубоярина, а какъ посмотреть на него, такъ изъ его очей на землю струятся ясныя жемчужины.

Не прошло нѣсколькихъ часовъ, зашумѣли надъ долиной быстролетныя крылья ласточки, Петрушка спрыгнулъ съ нихъ, поблагодарилъ ласточку, и подалъ бабушкѣ золотую иглу съ шелковой нитью.

Нацѣпила бабушка очки на носъ, вдѣла нитку въ иголку, и ну зашивать горло несчастной лягушкѣ. Краснолюдки обступили ее,

вытянули шеи, смотрятъ одинъ другому черезъ голову, а бабушка, зашивши лопнувшую шкуру Полубоярина, приложила ей къ носу живительнаго зелья и три раза дунула на нее.

Лягушка какъ чихнетъ! Словно изъ пушки выстрѣлила..

Гномы отъ внезапнаго страха разсыпались во всѣ стороны, а Полубояринъ открылъ одинъ глазъ, потомъ сомкнулъ его, открылъ другой, смотреть и начинаетъ подниматься. Поднялся онъ, сѣлъ, схватился за ноты и разинулъ пасть для пѣнія.

Разинулъ онъ пасть, но голоса никакого не вышло; разинулъ еще шире, — ничего не помогаетъ! Въ третій разъ разинулъ, — изъ горла вылетѣлъ какой-то скрипъ.

О, несчастный Полубояринъ, никогда тебѣ не сравняться съ маэстро Сарабандой въ исполненіи его великой пѣсни!

У королевы Татры.

I

Три дня, три ночи шла Марися къ королевѣ Татрѣ.

На первый день, ее вели поля и луга по странѣ, широко раскрывающейся передъ очами и передъ сердцемъ, по странѣ, красующейся хлѣбами и травою, обвѣянной благоуханіемъ цвѣтовъ. Цѣлый день слышался шумъ колосьевъ, шопотъ травъ и лепетъ цвѣтовъ:

— Сирота... сирота... сирота...

И разступились передъ нею хлѣба по обѣ стороны, словно ихъ раздѣляли великія крылья вѣтра, а Марися шла по этому серебряному лѣсу, мелькая среди колосьевъ своею голубою юбкой, какъ полевой василекъ. Она шла, протягивая впередъ руки и шептала:

— Проведи меня, поле, проводи къ королевѣ Татрѣ!

И поле провожало ее.

Разстилались передъ нею окропленные росой борозды, сыпля вокругъ жемчужины утра, разстилались передъ нею длинныя межи, затканныя пахучими цвѣтами; бѣжали передъ нею мягкія тро-

пинки, полная незабудокъ, а въ воздухѣ слышно было жаворонка, который, трепеща своими сѣренькими крылышками, пѣлъ:

— Сюда, сюда, сиротка!

Полевая груша наклонилась къ маленькой путешественницѣ, спрашивая, не нуждается ли она въ ихъ тѣни; пограничные холмы задерживали ее на короткое время отдохнуть подъ кустомъ цвѣтущей ежевики; черный крестъ, стоящій на распутьи между тремя березами, протягивалъ къ ней свои поперечины, и все, что звучало и пѣло въ воздухѣ: птицы, мухи, пчелы и кузнечики, — все это пѣло и звучало на одну ноту:

Все впередъ иди, бѣдняжка, —

Богъ поможетъ, если тяжко!

Въ широко раскинувшейся странѣ среди полей и луговъ сидятъ тихія деревушки, чернѣющіяся и бѣлѣющіяся низкими хатками; въ широко раскинувшейся странѣ мычатъ стада, ржутъ лошади, на свѣжихъ пастбищахъ овцы ярко отдѣляются отъ зелени пригорковъ, окрики и эхъ свирѣлей разносятся далеко и громко, а во кругъ лазурь... лазурь... лазурь...

За Марисей слѣдуетъ Подземокъ, мелькая краснымъ капюшономъ, среди зелени луговъ и полей, словно маковъ цвѣтъ. Бороду онъ задираетъ высоко, — ему кажется, что онъ-то именно и ведетъ сиротку... Но, на самомъ дѣлѣ, было не такъ;

Велъ ее по той дорожкѣ
Синій наберъ, дряквы крошки,
Птичьихъ крыльевъ трепетанье,
Комариное жужжанье,
Да колосья полосую
Наклонились подъ росой,
Да заря свой свѣточъ кроткій
Зажигала надъ сироткой.

Но на другой день Марися вступила въ міръ холодный и мрачный, въ міръ зеленыхъ сумерокъ и глубокой тишины, въ лѣсной міръ.

Окружили ее тамъ раскидистые дубы, сгорбленные, съ широко-разросшимся вѣтвями, на которыхъ шумѣли ярко зеленые листья. Окружили ее тамъ черныя сосны, со стволами, источающими золотую янтарную смолу, а среди черныхъ сосенъ забѣлѣли шумливыя березы съ мелкими листиками и задумчивыя грабы, на которыхъ пересвистывались дрозды, и низкая калина, въ низкихъ равнинахъ стоящая и вѣчно жаждущая влаги.

И шла Марися-сиротка, шла словно по огромному храму, покоющемуся на тысячахъ колоннъ, устланному ковромъ мховъ, а сверху, сквозь листья, солнце на все это бросало горсти золотыхъ пятенъ.

И шла Марися-сирота, испуганная глубокой тишиной, и все шептала въ глубинѣ своей души:

— Проведи меня, проводи лѣсъ, къ королевѣ Татрѣ!

И зашумѣли развѣсистые дубы и черныя сосны, и березы, и грабы, и низкая калина, и прошелъ по верхушкамъ шумъ, и тихій шепотъ по самымъ низкимъ вѣтвямъ, молодымъ листомъ одѣтыхъ, а въ шумѣ и шепотѣ ясно было слышно:

— Сюда... сюда... Сюда иди, сиротка!

И раскрылись передъ Марисей лѣсныя глубины, и лучи солнца упали на дорожку, устланную мхами, словно, какъ будто кто въ лѣсномъ сумракѣ сѣялъ золотыя звѣзды.

И шла Марися, и подняла свой тонкій голосокъ, и плѣла отъ полного сердца пѣсенку простую, не ученую, искреннюю, которой вторить шумъ березъ и шепотъ старыхъ дубовъ:

Ой, лѣсъ ты, лѣсъ могучій!

Ой, сосенъ содроганье!

Въ глуши твоей дремучей

Поетъ твое молчанье!

А когда она шла такъ и плѣла, вдали отъ звался то стукъ топора дровосѣка, то кукованье кукушки, то свистъ бѣлки, то стукъ дятла по древесному стволу.

А когда она расплѣлась, такъ, что чуть было не вступила на ложную тропинку, передъ нею выросла кустъ ежевики и хваталъ ее за юбку, или сова начинала кричать въ своемъ дуплѣ, или зе-

леная ящерица перебѣгала ей дорогу, или орѣховый кустъ наклонялъ свои гибкія вѣтви къ ея русой головкѣ и шепталъ:

— Вотъ сюда... сюда... сюда!

За Марисей шелъ Подземокъ, мигая краснымъ капюшономъ, словно красный грибокъ боровикъ, и идя, задиралъ кверху бороду, — ему казалось, что это онъ ведетъ Марисю... Но, на самомъ дѣлѣ, было не такъ:

То, роняя тихо слезки,
Вдаль ее вели березки;
Путь широкій чрезъ равнины
Отмѣчали ей калины,
И, нашептывая что-то,
Лѣсъ дремучій, лѣсъ огромный
Распахнулъ свои ворота
Предъ сироткою бездомной.

Наконецъ, на третій день, Мариса вступила въ міръ горъ и ручьевъ, весь окутанный голубою дымкою тумановъ, весь серебряный отъ водяныхъ брызгъ, и гораздо болѣе дикій, чѣмъ первые два міра.

Куда ни кинешь взглядъ, — стоятъ зубчатая скалы, достигающія чуть не до неба, напирая одна на другую, челомъ прободая черныя тучи.

Куда ни кинешь взглядъ, шумятъ бурные ручьи, струи воды

вырываются изъ-подъ камней и бѣгутъ съ грохотомъ, и лѣнятся, и наигрываютъ что-то, и отражается въ нихъ золото солнца и голубизна неба. И отражаются въ нихъ гонимыя вѣтромъ тучи, которыя омрачаютъ эту голубизну и гасятъ это золото. Дикій, грозный міръ! Страшно итти по немъ, между скалами. Дорога здѣсь, — это ручей, который журчитъ по камешкамъ; голосъ здѣшняго міра, — грохотъ камней, скатывающихся въ пропасти; пѣсня здѣшняя, — клѣкотъ орловъ, разстилающихъ въ мрачномъ воздухѣ свои тяжелыя крылья. Куда ни кинешь взглядъ, куда ни обратишь глаза: камень и вода. Вотъ каковъ этотъ міръ!

Идетъ Марися — сирота, личико ея поблѣднѣло, глаза затуманились, сердце испуганно бьется въ груди. Идетъ, руки простираетъ впередъ и шепчетъ:

— Проводите меня, горы, къ королевѣ Татрѣ! И вдругъ разступились высокія скалы и показались долинка тихія, ясная, прорѣзанныя мягкими тропинками, и зажурчали ясные ручейки, и каждый изъ нихъ прятъ серебряную и голубую нить, и заклепталъ орелъ, висящій въ воздухѣ, и всѣ эти голоса, казалось, ясно говорили: иди, иди впередъ, сирота!

И шла Марися, прислушиваясь къ шуму воды и грохоту камней, и къ шопоту маленькихъ ручейковъ и къ шелесту юрливыхъ перьевъ. И шла она, засматриваясь на огромную постройку горъ, и на ихъ вершины, уходящія въ самое небо, и на всѣ ихъ тѣни, и на ихъ необъятную мощь. И такъ велика была эта сила и мощь, что пѣсенка сироты умолкла, какъ умолкаетъ птица, когда ее окутаетъ сумракъ. И шла она съ тревожно бьющимся сердцемъ, и тихонько шептала:

— Земля! земля! земля!

За Марисей шелъ Подземокъ, мигая между скалами своимъ краснымъ капюшономъ, и задиралъ голову, потому что ему казалось, что онъ-то и ведетъ ее. Но, на самомъ дѣлѣ, было не такъ:

Вдали вели ее громады
Снѣжныхъ горъ и водопады, —
Горный міръ, повитый мглою
Къ королевскому покою.
Вихрь, свистающій надъ долиной,
Шопотъ скалъ и крикъ орлиный,
Голосъ травки, еле слышный,
Вель ее въ тотъ замокъ пышный,
Да сіянье зорьки ясной
Разливалось надъ несчастной.

II

Замокъ королевы Татры стоялъ на высокой горѣ; на такой высокой горѣ, что лучи лежали у ея столъ на подобіе стада сѣрыхъ овецъ, а вершина пламенѣла въ солнечныхъ лучахъ на чистой лазури. Два лиственничныхъ бора вели къ воротамъ замка; двѣ скалы, два каменныхъ гиганта держали у воротъ стражу; два лѣса плакучихъ сосенъ разстилали моховые ковры на ступеняхъ, ведущихъ въ комнаты королевы; два потока днемъ и ночью изливали въ передней серебро изъ чудно ограненныхъ малахитовыхъ кувшиновъ; два орла летали надъ башенками замка; два вихря были у его порога, какъ два пса; двѣ синія звѣзды горѣли въ бойницахъ башенокъ: утренняя и вечерняя звѣзда. Страхъ и восторгъ охватилъ Марисю и взволновалъ ее душу, когда она очутилась передъ этимъ замкомъ.

Она подняла голову и тихо зашептала:

— Иисусе! Куда это я зашла?

А въ это время по воздуху прокатился грохотъ, словно ударило сто громовъ, и раздался хоръ лиственничнаго лѣса, который пѣлъ такъ, наигрывая на черныхъ арфахъ могучую пѣснь:

— ..Страшна и могуча королева Татра! Высоко надъ землей вознеслась ея глава. Изъ льдовъ ея корона, снѣжное покрывало спускается по ея шеѣ, одежда изъ синяго тумана облекаетъ ея тѣло. Ея очи мечутъ угрюмыя и мстительныя молніи, ея голосъ— шумъ потоковъ и грохотъ бури. Ея гнѣвъ возжигаетъ молніи и ломаетъ лѣса, ея ложе устлано черными тучами, ея стопы попираютъ каждый цвѣтокъ и каждую травку... Ея каменное сердце не волнуется ничѣмъ и никогда. Страшна и могуча королева Татра!

Задрожала Марися, слыша этотъ хоръ. Онъ умолкъ, а эхо загудѣло по пропастямъ, словно буря, катясь все ниже и ниже и угрожая тихимъ долинамъ. Но едва это эхо замолкло, отозвался другой хоръ, наигрывая свою пѣсню на серебряныхъ лютняхъ.

Хоръ этотъ пѣлъ:

— Добра и милостива королева Татра! Она прядетъ тонкіе туманы, прикрываетъ наготу горъ, вьетъ вѣнки изъ плакучихъ сосенъ и возлагаетъ имъ на голову. Она мертвые снѣга обращаетъ въ живые потоки, поля и низины поить родниковою водою, дабы они давали обильный урожай хлѣба. Она сѣдымъ орламъ даетъ убѣжище въ своемъ домѣ, а ихъ неоперившихся птенцовъ колышетъ въ высокихъ колыбеляхъ. Она въ своихъ хорахъ прячетъ робкую козочку и прикрываетъ ее отъ выстрѣловъ охотника... Она кроткимъ окомъ смотритъ въ долины и охраняетъ цвѣты своимъ дыханіемъ отъ палящихъ лучей солнца... Она изъ бархатныхъ мховъ ткетъ чудные ковры и устилаетъ ими таинственныя пропасти. Она прокармливаетъ убогій людъ, у котораго нѣтъ ни поля, ни хлѣба, а дѣтей изъ горныхъ хатокъ учитъ смотрѣть въ лазурь, гдѣ находится ея домъ... Добра и милостива королева Татра!

Умолкъ хоръ, а эхо его пѣсни падало въ равнину все тише и тише, словно шумъ воды, словно шумъ лѣсовъ. Слышала Марися, и душа въ ней ожила, а глаза наполнились благодарными слезами:

Коли королева такая добрая, то и ее, сироту, можетъ быть, не оставить...

Подошла она ближе и слышетъ, какъ одинъ изъ орловъ говорить человѣческимъ голосомъ:

— Иди смѣло, сирота!

Посмотрѣла Марися кверху, на этого орла и говорить:

— Какъ же я пойду по такой крутой, по такой каменистой дорогѣ?

Орелъ на это отвѣтилъ:

— Не бойся, я брошу тебѣ перо изъ моего крыла, тогда тебѣ будетъ легче.

Зашумѣло орлиное перо въ воздухѣ и упало у ногъ Мариси. Подняла его сирота, прижала къ груди, идетъ легко и скоро, камешковъ не чувствуетъ, къ землѣ едва прикасается, почти плыветъ въ воздухѣ.

Одолѣла она крутую тропинку, стоитъ у воротъ замка.

— Какъ же я войду туда, коли тамъ снѣгъ и ледъ?

Посмотрѣла она кверху, солнечный лучъ говорить ей человѣческимъ голосомъ:

— Не бойся, я согрѣю эти снѣга и льды.

И тотчасъ же образовалась словно золотая дорожка, — такъ солнце отогрѣло ее.

Идетъ Марися, холода не чувствуетъ, все равно, какъ будто бы ставила ногу не на снѣгъ, а на тѣ бѣлые цвѣты, которые въ маѣ мѣсяцѣ опадаютъ съ деревьевъ. И подошла она къ самымъ сѣнямъ.

— Какъ же я пойду дальше? — говоритъ она, — коли въ водѣ должна замочить ноги?

Смотритъ она кверху, слушаетъ, а облачко тумана говоритъ ей человѣческимъ голосомъ:

— Не бойся, иди смѣло, я переброшу тебѣ серебряный мостъ черезъ этотъ потокъ.

И тотчасъ же облачко начало низко разстилаться надъ потокомъ, да такъ густо, что Марися пошла по немъ, какъ по серебряному помосту. И вдругъ она очутилась у порога королевской комнаты.

Замерло сердце сиротки, и она уже порывалась бѣжать назадъ, будучи не въ состояннн вынести того ослѣпительнаго блеска, который струился изъ этой комнаты, когда Подземокъ, который не могъ поспѣть за дѣвочкой, прибѣжалъ, задыхаясь и, видя колебаніе Мариси, быстро толкнулъ двери и втащилъ ее въ комнату.

Вскрикнула дѣвочка, ослѣпленная свѣтомъ и богатствомъ комнаты, полной лазури и майской зелени, среди которой, на тронѣ сидѣла королева Татра.

Опустила Марися глаза, не смѣетъ поднять ихъ на ясное королевское лицо, остановилась на порогѣ, ни двинуться не отваживается, ни слова промолвить, и стоитъ, какъ заколдованная, въ своемъ сиротскомъ убожествѣ.

Но королева Татра сдѣлала маговеніе бѣлою рукою и спрашиваетъ:

— Кто ты, дитя?

Марися открыла ротъ, силится сказать что — нибудь, и ничего не можетъ, — такъ ея голосъ замеръ въ груди отъ великаго удивленія.

Но на помощь ей поспѣшилъ Подземокъ. Онъ заложилъ свою трубку за спину, отвѣсилъ самый почтительный поклонъ и сказалъ:

— Это пастушка изъ Голодной Вольки, Марися-сиротка.

И онъ снова шаркнулъ ногами, отвѣсивъ поклонъ съ великимъ размахомъ.

Королева ласково улыбнулась при видѣ гнома, а потомъ обратила свое чудное лицо къ Марисѣ и спрашиваетъ:

— Чего ты хочешь, сиротка?

Марися не могла выдержать, и, протягивая вперед свои исхудалыя ручонки, воскликнула:

— Гусятко! моихъ хочу, ясная королева! Гусятко! моихъ... семь штукъ, которыхъ у меня задушилъ лисъ! И чтобы гусакъ по-прежнему какалъ до разсвѣта, а гусыни чтобы отзывались и щипали траву, и чтобы опять паслись на нашемъ лужкѣ!..

Тутъ она разразилась плачемъ, закрыла глаза руками и сыпала сквозь крохотные пальцы самыя горкія слезы.

Въ комнатѣ сдѣлалось тихо, и слышно было только жалобное рыданіе сиротки. Королева Татра милостиво взмахнула своимъ скиптромъ, и медленно заговорила такъ:

— Многіе здѣсь были и многіе приносили сюда свои просьбы. Просили у меня серебра и золота, просили, чтобы я исправила ихъ участь. Но такой, который хотѣлъ бы остаться такимъ, какимъ былъ сначала, какъ этотъ ребенокъ, — еще не являлся сюда. Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь.

Королева поднимается съ трона и ведетъ Марисю къ окну.

Посмотрѣла сирота, да какъ захлопаетъ въ ладоши.

Во снѣ ли это, или наяву?

— Изъ дворца королевы Голодная Волька видна, какъ на ладони. По дорогѣ идутъ пастухи, щелкаютъ себѣ длинными бичами, гонять стаи гусей, а у лѣска на полянкѣ семь гусей щиплютъ траву, гусакъ какаетъ, сбѣрая гусыня откликается ему, а Гася, вѣрная собачка, сидитъ возлѣ нихъ, въ лѣсѣ смотреть и тихо повизгиваетъ, госпожу свою ждетъ...

— Иисусе... Иисусе! — воскликнула Марися, не въ силахъ найти другихъ словъ въ той великой радости, которая проникла въ ея сердце. — Гусятки живы! Живы мои гусятки!

III.

Когда сирота восклицала такъ сквозь радостныя слезы, королева прикоснулась къ ней рукою и говоритъ:

— Марися!

Дѣвочка опомнилась, смотреть... что такое?

Лежить она на скамьѣ, на пучкѣ свѣжаго сѣна, покрытая какимъ-то лоскутомъ. Возлѣ скамьи сосновый столъ, на немъ пара горшковъ, перевероченныхъ вверхъ дномъ, подалѣе большой каминъ; передъ каминомъ свернувшись лежить бурый котъ и пучекъ сухого хвороста, связаннаго бечевкой. Сквозь разбитое окошко видны вѣтки сирени, одѣтыя темными листьями. У ея ногъ сидятъ два свѣтлоголовыхъ мальчугана въ посконныхъ рубахахъ, разстегнутыхъ у шеи. Румяные лучи заходящаго солнца сквозь листья сирени сыплются безустанно и на смутлой груди мальчиковъ отражаются золотыми кружками.

Марися чувствуетъ большой жаръ, а голову ея что-то сжимаетъ. Дотрогивается она до нея рукою, — голова обвязана тряпкой.

При видѣ ея движенія оба мальчика вскочили съ мѣста и побѣжали къ ней.

— Ну, какъ ты? — спрашиваетъ одинъ.

— Хочешь пить? — кричитъ другой.

Марися смотритъ, но не узнаетъ ихъ.

— Кто вы какіе? — спрашиваетъ она.

— Мы Скробковы, онъ Куба, а я Войтусъ, — отвѣчаетъ старшій.

— А чья это хата?

— Чьей же ей быть?... Скробкова.

— А я какъ очутилась здѣсь?

— Тятя принесъ тебя; — вотъ и все.

— А откуда онъ меня взялъ?

— Да изъ-подъ лѣса. Тятя возвращался изъ города и пошелъ въ лѣсъ, чтобы вырѣзать себѣ новую палку, потому что у него бичъ сломался. А въ лѣсу визжитъ какая-то желтая собаченка, за кафтанъ тятю дергаетъ, и все въ кусты тащить.

— Мой Гася! — крикнула Марися. — Не случилось ли съ нимъ чего нибудь дурного?

— Э! съ нимъ-то ничего не случилось, — смѣясь отвѣтилъ Куба — а вотъ тебя-то, бѣдняга, тятя нашелъ почти безъ души, да и принесъ къ себѣ въ хату. Вотъ и все.

— А моя хозяйка?

— Что тамъ хозяйка! Лучше останься съ нами. Мы уже просили тятю, чтобы онъ не отдавалъ тебя хозяйкѣ.

— Тятя говорить, — прибавилъ Куба, — что у насъ мало хлѣба, но мы подѣлимся съ тобой. Теперь и въ лѣсу можно найти кое-что, голода не будетъ.

А Войтусъ прибавилъ:

— Вотъ еще что! Какой тамъ голодъ! Мало ягодъ красныхъ и черныхъ, или грибовъ всякихъ? Прошлогодніе орѣхи тоже кой-гдѣ попадаются.

— Тятя даже за ремень было схватился, — со смѣхомъ воскликнуть Куба, — такъ мы насѣли на него!

— Онъ побилъ васъ? За что? — съ испутомъ спросила Марися.

— Э, побить-то не побилъ, а пострадалъ немного, — продолжалъ Кубусъ.

— Но мы все просили, и даже на ремень не посмотрѣли.

— Такъ меня вашъ тятя оставилъ здѣсь?..

— Совсѣмъ-то не оставить, — объяснилъ Войтусъ. — Нужно говорить, спросить въ Голодной Волькѣ, чья это дѣвочка.

— Ну, и спрашивалъ?

— Спрашивалъ. Какъ не спрашивать! И о хозяйкѣ твоей узналъ.

— Ну, и что жъ?

— Да то! Сначала плакала, что тебя волки унесли, а потомъ стала плакать, что не сожрали тебя они, а что ты у насъ лежишь въ хатѣ больная. Что же я, — говорить, — буду дѣлать съ большой гусятницей. Я уже другую дѣвченку подговорила, а прежнюю мнѣ держать не подъ силу.

— Значить, и гуси есть? — радостно спрашиваетъ Марися, поднимаясь на скамьѣ.

— Какъ же! Четыре бѣлыхъ и три сѣрыхъ. Какъ же!

— Отличные гуси! — съ важностью добавилъ Кубусъ.

Марися зажмурила глаза и вздохнула, словно у нея камень свалился съ сердца.

Что тамъ еще болтали мальчишки, она уже не слыхала, потому что ее сразу охватилъ глубокий сонъ.

Когда она проснулась, на дворѣ уже начинало сѣрѣть.

Солнце зашло. Сквозь полуоткрытыя двери Марисѣ мигали золотыя звѣздочки, которыя, блуждая по сапфировому небу, по дорожѣ заглядывали къ сироткѣ, чтобы узнать здорова ли она.

Вдругъ двери распахнулись, въ комнату что-то ворвалось, задѣло за скамью и бросилось на дѣвочку.

— Гася мой! Гася! — слабымъ голосомъ воскликнула Марися, прижимая къ себѣ собаку. — Не забылъ ты о Марисѣ-сироткѣ?

И изъ глазъ ея посыпались слезы обидныя и сладкія.

А тѣмъ временемъ Гася радостно визжалъ, виляя хвостикомъ и лизалъ смуглыя ручонки Мариси.

Эхъ, Марися, сиротка! Не одинъ разъ дѣйствительность на бѣломъ свѣтѣ складывается въ такой дивный, золотой сонъ. И не одинъ потокъ слезъ осушаетъ добрая рука въ такомъ снѣ!

* * *

Тѣмъ временемъ великія чудеса происходили въ Голодной Волькѣ, когда новая гусятница погнала гусей на лужокъ. Смотрѣли на это люди, головами покачивали, судили и рядили такъ и этакъ, и все у нихъ выходило разное.

— Или это тѣ самые гуси, или не тѣ!... Вы-то какъ говорите, кума?

— Да что мнѣ говорить, коли у меня въ глазахъ двоится. Можетъ быть, тѣ, а можетъ быть, и не тѣ! Сѣрая гусыня какъ будто побольше... повиднѣй, какъ будто.

— Куда тамъ, больше! А мнѣ сдается, что она меньше стала.

— Но вотъ въ чемъ штука то, что объ этихъ гусяхъ люди рассказываютъ: подушили ихъ будто, а теперь они снова расхаживаютъ!

— Да, да!.. истинное чудо!..

И кумушки расходились въ разныя стороны, покачивая головами отъ удивленія.

Но болѣе, чѣмъ кумушки, удивлялся лись Объядало. Осторожно, молчкомъ, подкрадывался онъ къ лѣсу, заходя то съ лѣвой, то съ правой стороны, и присматривался къ пастушкѣ и ея маленькой стайкѣ.

— Что это? — шопотомъ спрашивалъ онъ самого себя. — Что это значитъ? Да развѣ я одинъ разъ уже не задушилъ этихъ гусей?

И при одномъ воспоминаніи объ этомъ онъ широко облизывалъ свою разбойничью пасть.

— Откуда же они вновь очутились живыми?

Встревоженный, охваченный злымъ предчувствіемъ, онъ побѣжалъ, прижимаясь къ деревьямъ, на полянку, гдѣ сложилъ задушенныхъ имъ гусей.

Смотрить, въ травѣ еще бѣлѣтся пухъ, но самихъ гусей уже нѣтъ.

— Меня обокрали!.. Меня ограбили!.. Я разоренъ! — кричить громкимъ голосомъ этотъ негодяй, какъ самый почтенный звѣрь, у котораго обидчикъ отнялъ плодъ его труда, и давай отъ великаго гнѣва кататься по землѣ!..

Въ это время онъ замѣтилъ какого-то небольшого, желтова-таго звѣрка, стоящаго въ высокой травѣ на двухъ лапкахъ. Звѣрёкъ, наставивъ большія, круглыя уши, смотрѣлъ на отчаяніе Лиса быстрыми, черными глазами.

Лись тотчасъ же распалился еще болѣе неистовымъ гнѣвомъ, но такъ какъ онъ былъ не только жестокъ, но и лукавъ, то лишь заскрежеталъ зубами и проговорилъ:

— Эй ты! чего ты здѣсь ротозѣйничаешь? Зрѣлище себѣ изъ этого устраиваешь?... Скажите!.. На лапы поднялся, словно, какъ въ театрѣ! Значить, ты долженъ знать, кто у меня гусей похитилъ, коли ты повсюду подсматриваешь. Подожди, запишу я это тебѣ и запишу на твоей же шкурѣ! Отвѣтишь ты мнѣ за это! Въ плохой часъ ты попался мнѣ на глаза!

Онъ, можетъ быть, и сейчасъ же схватилъ бы его за горло, но бѣдный хомякъ, послѣ первыхъ словъ Лиса, тотчасъ же ринулся въ траву и быстро началъ удирать въ свою хатку, страшно испуганный тѣмъ, что навлекъ на себя гнѣвъ такого большого звѣря.

Объѣдало пока не преслѣдовало его, потому что только передъ этимъ задушило голубя и чувствовалъ себя сытымъ. Сожравъ добычу до послѣдней косточки, онъ только погрозилъ въ сторону травы, колеблющейся въ слѣдъ за движеніями хомяка.

— Подожди!.. Мы еще встрѣтимся съ тобою, когда я буду натошакъ!.. Встрѣтимся мы еще съ тобою, пріятель!..

Онъ ушелъ въ лѣсъ, кипя злобою и отчаянно фыркая.

Субботка *).

I.

Сосѣди теперь не узнавали бѣднаго Скробка.

Послѣ той весенней ночи, когда вмѣстѣ съ благоуханіемъ росистой травы и цвѣтовъ, разливалась пѣснь великаго маэстро Сарабанды, Скробекъ переступилъ черезъ порогъ своей мазанки, какъ будто былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Что это, чары были какія нибудь! Нѣтъ, то были не чары, а только бѣднякъ сумѣлъ перемочь лѣнность своей мысли, лѣнность своей души, въ первый разъ почувствовалъ любовь къ давнымъ-давно заброшенному клочку земли, къ тому безплодному полю, лежащему подъ ласковымъ небомъ, откуда вѣдь и на него свѣтило Божіе солнышко и лился благодатный дождикъ.

*) То же самое, что наша ночь подъ Ивана-Купалу,

Въ первый разъ онъ почувствовалъ великій призывъ къ работѣ, значить, — и огромную силу.

И эта сила такъ вошла въ его грудь, въ руки, въ плечи, что онъ едва протерпѣлъ въ бездѣйствіи до утра, а горсть соломы, на которой онъ лежалъ въ эту ночь, показалась ему какимъ-то муравейникомъ.

— Сколько понапрасну потраченного добра и жизни! Сколько силъ даромъ пропало и во мнѣ, и въ этой землѣ!

Отчего же, за годъ, за два, — на него не нашла такая минута?...

Ждала его, ждала земля, терпѣливая, добрая... Ждала она его, наряжаясь въ дикіе цвѣты и дикія травы, какъ цыганка, потому что его трудъ не облекъ еще ни разу ея въ золотую одежду колосьевъ...

Теперь онъ ее нарядить... Теперь онъ оживить ее... Теперь онъ сынъ, да, сынъ! а она родная мать...

Пѣтухи уже запѣли, когда Скробекъ, измученный своими мыслями, наконецъ, заснулъ. И снилось ему, что онъ ходитъ по голубому небу, луннымъ серпомъ жнетъ звѣзды и слагаетъ ихъ у Божіихъ стопъ въ огромные стога.

Вотъ какой золотой сонъ снился Скробку...

Едва только забрезжился разсвѣтъ, досталъ Скробекъ деньги изъ горшечка и пошелъ покупать плугъ и борону къ колеснику Войцешку, на другой конецъ деревъ... Дорога по деревнѣ была еще пуста и тиха, но Войцешекъ уже сидѣлъ верхомъ на пенькѣ передъ своею хатою, строгать оглоблю, и посвистывалъ на скворца, котораго держалъ у себя уже многіе годы.

Едва Скробекъ появился на дорогѣ, какъ этотъ скворецъ уже началъ кричать:

— Войцешекъ! Войцешекъ! Войцешекъ!

Старикъ кивнулъ ему головою и говоритъ:

— Гость идетъ.

— Гость! гость! гость! — закричалъ скворецъ пискливымъ дискантомъ, а въ это время приблизился и Скробекъ.

— Да будетъ благословенно имя Іисуса Христа!

— Во вѣки вѣковы! — отвѣтилъ Войцешекъ, а вслѣдъ за нимъ и скворецъ.

— Смышленная птица! — говоритъ Скробекъ съ удивленіемъ, — должно быть, у органиста въ наукѣ быть?

— Э! нѣтъ! — отвѣтилъ на это Войцешекъ. — Я самъ его выучилъ. Человѣкъ я старый, одинокій, ближніе и дальніе родственники у меня всѣ померли, рта раскрыть не передъ кѣмъ, вотъ я хоть съ птихой, нѣмымъ созданіемъ, говорю... 'А тебѣ чего нужно?

— Плугъ нуженъ. Да, хорошій плугъ.

— Ну, что же ты будешь пахать и у кого!

— У себя! себѣ и дѣтишкамъ на хлѣбъ пахать буду вотъ тотъ клочекъ земли, который пустыремъ зовется.

— Что ты?.. удивился Войцешекъ, — да на ту землю пушку нужно, а не плугъ! Земля застарѣла... одичала... тяжело съ нею будетъ справиться.

— Тяжело!.. тяжело!.. тяжело!.. — вдругъ запищалъ скворецъ, и началъ тяжело вздыхать и кашлять, какъ утомившійся человѣкъ, потому что у него и на это умѣнья хватало.

У Скробка тоже какъ то тяжело стало подѣ сердцемъ. Прежняя сонливость, какъ будто снова овладѣла имъ.... Но онъ сразу стряхнулъ ее съ себя и говоритъ:

— Плугъ долженъ быть прочный, потому что земля тяжелая и работа тяжелая.... ну, да и работникъ тоже не лькомъ шить....

Онъ засмѣялся, протянулъ впередъ свои жилистыя руки и весело посмотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ.

— Ну, тогда что-нибудь, пожалуй, и выйдетъ! — сказалъ Войцешекъ.

— Выйдетъ!... выйдетъ!... выйдетъ!... — застрекоталъ скворецъ, радостно трепеща крыльями.

У Скробка загорѣлись глаза, и, чувствуя огромный приливъ силъ, онъ быстро началъ говорить:

— Сдѣлай ты мнѣ, Войцешекъ, плугъ такой, чтобы, когда я навалюсь на него, онъ самъ бы откидывалъ камни, куда я захочу. Сдѣлай ты мнѣ лемехъ свѣтящійся, какъ солнце, чтобы онъ шелъ въ самое сердце земли, и подъ самымъ ея сердцемъ проѣзжалъ бы мѣсто для зерна. Да дерево бери не какое — нибудь, не изъ лѣсной заросли, а съ полянки, которое соловьиныхъ пѣсень наслушалось, которое жъ пастушьей свирѣли привыкло, которое съ полями сжилось.... Вотъ какой плугъ сдѣлай мнѣ.

— Плугъ! плугъ! плугъ! — во всю силу кричалъ скворецъ, желая заглушить Скробка.

Войцешекъ добродушно улыбнулся и кивнулъ сѣдою головой.

— Какъ хочешь, такъ и будетъ! — сказалъ онъ, наконецъ, когда птица умолкла. — Какъ хочешь, такъ и будетъ! Я сумѣю сдѣлать плугъ, какой угодно. Эге! Такой сумѣю сдѣлать, что въ землю, словно какъ въ масло, пойдетъ, хотя бы тамъ камень на камнѣ лежалъ.

— Ну, дѣлай съ Богомъ и начинай въ добрый часъ, — сказалъ на это Скробекъ, развертывая тряпицу съ деньгами. — Я даю, что могу, ты сдѣлай за эту цѣну борону.

— Отчего мнѣ не сдѣлать! — разсмѣялся Войцешекъ. — Да такую сдѣлаю, что будетъ зубастая, какъ волкъ. Вычесетъ она тебѣ землю, какъ баба коноплю, — ужъ въ этомъ мое искусство!

— Ну, оставайся съ Богомъ, — сказалъ Скробекъ, у котораго руки такъ и чесались взяться за топоръ и приступить къ корчевкѣ. — Черезъ недѣлю я приду.

— Черезъ недѣлю, — повторилъ Вейцешекъ, — и да поможетъ тебѣ Богъ окончить свою работу счастливо.

— Счастливо!... счастливо!... счастливо!... — кричалъ скворецъ велѣдь за Скробкомъ, который шелъ такъ быстро, словно у него съ плеча свалился десятокъ дѣтъ.

II

Сильно дивились люди, путь которыхъ лежалъ мимо пустыря, что это за человѣкъ въ каждую пору дня вырубаешь топоромъ кустаринки, накапываетъ камни, оттаскиваетъ ихъ на межу и начисто очищаетъ землю отъ заросли?

Кто на идетъ, остановится, и смотритъ на работника, а у того такой огонь въ глазахъ горитъ, на лбу появляются такія крупныя капли пота, какъ будто онъ вступилъ въ единоборство съ медвѣдемъ, и не устаетъ.

— Да разогни спину, — говорили ему мужики.

Но Скробекъ отвѣчалъ на это:

— Не тотъ сгибается, кого работа сгибаетъ, а тотъ, кого дѣнь и нужда пригибаютъ.

Проходятъ дѣви, смотрятъ и говорятъ тонкимъ, жалостливымъ голосомъ:

— Ты весь покрытъ потомъ, какъ трава россою. Отдохни немного!

А Скробекъ отвѣчаетъ имъ:

— Не ѣсть хлѣба тому человѣку, кто не оросилъ земли потомъ.

Идутъ бабы, дивятся, головами, красными платками окутанными, покачиваютъ и говорятъ:

— Боже Ты мой Всемилостивый!.. Мужичонко ни за что, ни про что, совсѣмъ надорвется! И хлѣба не отвѣдаетъ, какой соберетъ съ этой земли.

А Скробекъ говоритъ:

— Не я отвѣдаю, такъ отвѣдаютъ другіе. Человѣкъ жить здѣсь сегодня, завтра, а земля остается навсегда.

Но хотя Скробекъ работалъ такъ усердно, онъ своими силами, ни одного изъ огромныхъ каменьевъ не сдвинулъ бы, не выкорчевалъ бы ни одного пня, еслибъ ему не помогали маленькіе Краснолюдки. Мужикъ не видалъ ихъ, потому что они всегда сумбуютъ пританяться, и не разъ удивлялся самому себѣ:

— Откуда у меня берется такая сила? — говорилъ онъ, выворачивая огромный пень, который сидѣлъ въ землѣ на цѣлую сажень. — Четверымъ и то едва ли бы подѣ силу.

А того онъ и не зналъ, что цѣлое полчище гномовъ пень этотъ изо всей мочи толкають, окапываютъ, обрубаютъ, — такъ что щепки летятъ во все стороны. Скробекъ одинъ разъ ударить сверху топоромъ, а они десять разъ, — ну, такимъ образомъ, и вытаскать.

Возьмется Скробекъ за камень и даже удивится.

— Что за притча! — думаетъ онъ, — камнище страсть какой, а катится легко.

А того онъ и не видитъ, что толпа Краснолюдковъ толкаетъ камень вмѣстѣ съ нимъ; онъ пихнетъ одинъ разъ, а они десять разъ, Вотъ какая помощь у него была!

И работа такъ и горѣла въ рукахъ у Скробка.

А когда наступилъ восьмой день, никто не узналъ бы этого урочища. Изъ-подъ камней и пней, изъ-подъ зарослей и сорной травы, предъ утреннимъ солнцемъ предстала новая земля. Передъ хаткой зачернѣли огромные пни, на зимнее топливо приготовленные; на межахъ расположились высокія кучи бурьяна и терновни-

ка, и только кое-гдѣ на краю виднѣется кусть шиповника, да и то для того, чтобы обозначать границу, — остальное же поле все чистое, ровное, кочки сравнены, ямки засыпаны, а жаворонокъ порхаетъ надъ этою новью и поетъ такъ чудно, такъ громко, какъ будто чьи-то серебряныя гусли сами играютъ утренній гимнъ.

Заплакалъ отъ радости Скробекъ, ведя новый плугъ на свою пшву, снявъ шапку, преклонилъ колѣна, поцѣловалъ землю, отъ вѣковѣчной дикости освобожденную, ударилъ себя въ грудь разъ, ударилъ въ другой и, схватившись за плугъ, глубоко запустилъ въ землю острый, широкій лемехъ, въ которомъ ярко отразилось солнце.

— Эй! — крикнулъ мужикъ. — Эй, поле ты мое, поле!

«Эй! Эй!» — раздалось у лѣса широкое эхо.

Тамъ, на послѣдней межѣ плѣлъ и хлопалъ въ ладоши веселый народъ Краснолюдовъ, глядя на своего пахаря. Самъ король Огонекъ своимъ золотымъ скипетромъ взмахнулъ надъ новымъ плугомъ и благословилъ его, дабы онъ извлекалъ хлѣбъ изъ нѣдръ земли въ радости и спокойствіи.

Но когда вечеромъ, возвратившись со своего поля, пахнущаго свѣжею землею, Скробекъ отворялъ дверь хаты, то ему дѣлалось тошно при воспоминаніи о грязи, которая ждала его за порогомъ.

Тамъ, на полѣ, благоуханно, чисто; тамъ, надъ полемъ, небо, словно голубое озеро, на которомъ днемъ горитъ солнце, а вечеромъ плыветъ мѣсяцъ, серебрянымъ весломъ высѣкаетъ искры, и повсюду-то, повсюду — ясныя звѣзды, а здѣсь, въ грязной хатѣ, все сѣро, закопчено, пылью покрыто, соромъ осыпано.

— И въ лѣсу, такъ и тамъ лучше, — думаетъ Скробекъ. — Въ лѣсу на деревьяхъ виситъ дикий хмѣль, а въ хатѣ паутина отъ угла и до угла. На воронѣ черныя перья лоснятся, а на минѣ и на моихъ ребятишкахъ рубахи черны отъ грязи. Даже у ящерицы шкурка такая чистенькая, что въ ней солнце отражается, а ребятишки мои грязны такъ, что на нихъ можно рѣпу сѣять.

Поникъ головою задумавшійся Скробекъ, вздохнулъ тяжело, входитъ въ хату.

Что это такое?

Хата какъ будто бы та же, но не-та. Каминъ обмазанъ свѣжею глиною, паутина обметена, скамьи и столъ вымыты, сора словно и не было, вся убогая комнатка сразу какъ-то просвѣтлѣла, покрасивѣла.

Мужикъ протеръ глаза, думаетъ, что еще минута, и все это исчезнетъ; но комнатка остается все такою же, а въ ней такъ и пахнетъ порядкомъ.

— Кто здѣсь такъ хозяйничалъ? — спрашиваетъ Скробекъ.

— А это Мариса-сиротка, и мы тоже! — крикнулъ Кубусъ.

Сердце Скробка смягчилось. Какъ будто для него настали лучшія времена. Какъ будто надъ нимъ распростерлось какое-то добро и сквозь его глаза проникало въ душу. Прижалъ онъ къ себѣ дѣтей, а когда увидаль, что у Войтуса и Кубуса волосики причесаны, а личики чисто вымыты, отцовская слеза упала и на ихъ свѣтлыя головки и на головку Мариси, и онъ всѣхъ ихъ перецѣловалъ по очереди.

А тутъ какъ разъ ласточка возвращалась къ своимъ маленькимъ писклятамъ, къ самому ужину. Три раза пролетала она мимо и три раза возвращалась, все не могла узнать хаты, — такія произошли въ ней перемѣны! И только, осмотрѣвъ весь новый порядокъ, она начала весело пѣть и чирикать:

По волѣ, иль неволѣ,

Свое взрываѣ ты поле,

Держите чисто хаты

И будете богаты.

Какъ видите, это была не очень складная пѣсенка, но ласточка, деревенская простушка, не умѣетъ пѣть по-ученому. За то какъ весело поетъ она, какъ бойко! Даже у людей отъ ея пѣсни дѣлается легко на душѣ.

И Скробку сдѣлалось удивительно легко. А такъ какъ онъ былъ весь запыленъ при своей работѣ, то взявъ ведро, пошелъ къ колодцу, чисто-на-чисто вымылъ лицо и руки, привелъ въ порядокъ волосы, очистилъ одежду и весело васьтъ съ дѣтьми за миску съ картофелемъ.

И такъ уже это у него навсегда вошло въ обычай.

Ребятишки Скробка, не привыкшіе къ тому, чтобы ихъ отецъ умывался вечеромъ и такъ ласково смотрѣлъ на нихъ, вмѣстѣ съ ласточкой удивлялись такой переменѣ.

— Должно быть, скоро будетъ Свѣтлое Воскресенье, — послѣ долгаго раздумья сказалъ Войтусъ.

А Кубусъ отвѣтилъ на это:

— И тятя поросенка купить.

Теперь они ходили съ великою важностью грудью впередъ, руки за спину, головы кверху задранныя, волосы водою смочены, — ходять и сами себѣ дивуются, все выжидаютъ Свѣтлаго Воскресенья.

Прежде Скробекъ не охотно видѣлъ ихъ возлѣ себя и часто отгонялъ прочь, чтобы не смотрѣть на ихъ голодъ и на ихъ нужду, а теперь звалъ ихъ съ собою въ поле, сажалъ на междѣ и, прислушиваясь къ ихъ звонкимъ голосамъ, отиралъ потъ съ чела и шепталъ съ радостной улыбкой:

— Тяжело мнѣ, но вамъ за то будетъ легче!

III

День угасалъ. Огромный солнечный шаръ тихо склонялся къ западу, залитому розовымъ блескомъ зари.

Со стороны бора шла лунная и золотая ночь, влача за собою серебристо-туманную одежду. Въ окропленныхъ росой травахъ дергачъ крикнетъ то тамъ, то здѣсь; со стороны бора ему отвѣчаетъ выпь, скрытая въ лозинѣ; надъ землею стоитъ сильное благоуханіе травъ и злаковъ.

То былъ вечеръ подъ Ивана-Купалу, — таинственный, дивный, такой вечеръ, когда люди понимаютъ голоса звѣрей, птицъ и всякаго растенія.

Вотъ въ этотъ-то вечеръ Скробекъ и допахивалъ поле. Далеко и широко было слышно его веселое, бодрое покрикиванье:

— Ну!.. ну, малютка... Тащи скорѣе!..

Къ этимъ окликамъ прислушивались ребятишки Скробка, которые сидѣли на орошенной травѣ, какъ разъ противъ нерѣбующейся группы сплошного кустарника, прижимаясь другъ къ другу русыми головками, и слегка начинали уже дремать. Это огромное угасающее солнце, эта ночь, идущая по росѣ, обнимали ихъ точно мягкими золотисто-серебряными крыльями и убаюкивали ихъ ко сну.

Вдругъ Кубусъ заворочался:

— Земля говорить...—пробормоталъ онъ тихимъ соннымъ голосомъ.

Но Войтусъ обрушился на него:

— Вотъ дуракъ-то!.. Скажите, пожалуйста!.. Да развѣ у земли есть губы, чтобы она говорила?

— Ты скажешь, нѣтъ? А чѣмъ бы она просила у Господа Иисуса о дождѣ или о погодѣ?.. И кусты говорятъ, и травы...

— Да ты-то слышалъ ихъ?..

— Слышалъ!

— Что же они говорили?

— Да разныя разности!.. О!.. И теперь говорятъ!

Войтусъ насторожилъ уши. И вправду, со стороны луговъ и бора шелъ тихій шепотъ и шумъ, словно тихіе голоса вырывались изъ тысячи крохотныхъ устъ.

— Ну, вотъ—подтвердилъ Кубусъ.

Старшій братъ вытаращилъ глаза, потому что ему казалось, что, такимъ образомъ, будетъ удобнѣе, и старательно прислушивался.

Но голоса теперь соединялись, сливались въ слова, болѣе опредѣленные, и какъ будто бы далекія, и вмѣстѣ съ тѣмъ такія близкія, точно ихъ нашептывали въ самую душу.

Теперь оба мальчика ясно услышали не то звукъ струны, не то пѣніе... точно звонить полевой колокольчикъ:

Потише и безъ шума!..
Пока въ дали угрюмой
Зари не вспыхнетъ знакъ.
На землю сыпьте макъ,
Траву росой полейте,
На хаты сны просѣйте,
Просѣйте сны благіе
Сквозь сита дорогія!

— Ты слышишь?—шепнулъ Кубусъ.

— Слышу, но мнѣ страшно,—говорить Войтусъ и крѣпче прижимается къ брату...

А въ это время голоса приблизились, стали еще слышнѣй:

Среди колосевъ ржаныхъ,
Средь травъ благоуханныхъ,
На праздникъ природы
Сплелись мы въ хороводы
И чары сыплемъ всюду
Заспавшемуся люду...

И вдругъ изъ-подъ каменьевъ, изъ-подъ травъ, изъ-подъ кустарниковъ послышались легкіе шаги множества маленькихъ ногъ... мальчики задержали дыханіе, вытаращили глаза, вытянули шеи, смотреть, — истинное чудо!

Тутъ же на межѣ, подъ старой, полуистлѣвшей грушей, вся земля зарослась маленькими, пестро-окрашенными человечками, которые, взявшись за руки, начали весело танцовать.

— Краснолюдки... гномы!—шепнулъ Войтусъ. А въ это время на небо взошла луна и залила серебристымъ свѣтомъ всю поляну.

— Король!..—воскликнулъ Кубусъ подавленнымъ голосомъ,—вонъ онъ... король!

И онъ показалъ пальцемъ на старую полевую грушу, изъ дупла которой вдругъ заструился яркій бѣлый свѣтъ.

не видалъ ничего и только, спустя нѣсколько времени, замѣтилъ, что въ дуплѣ сидитъ старый, очень старый король, въ бѣлой одеждѣ, въ коронѣ и съ золотымъ скипетромъ.

Войтусъ хотѣлъ уже было воскликнуть: «Боже Ты мой!»— когда вдругъ изъ большой кучи хвороста и терновника, отъ котораго Скробекъ освободилъ свое поле, начали показываться маленькія летучія искры, словно золотыя пчелы, и маленькія ползучія струйки огня, словно золотыя змѣйки.

И одновременно съ этимъ въ воздухѣ зазвучала тихая пѣсня:

Огня ты слышишь свистъ?
Вступая съ мракомъ въ споръ,
Какъ ярко золотистъ
Субботній нашъ костеръ!
Какъ искры, озаривъ
Весь неподвижный лѣсъ,
Слѣшать наперерывъ
Подъ самый сводъ небесъ!..

Эта пѣсня еще звучала, когда въ кострѣ хвороста и терновника вдругъ вспыхнулъ ясный пламень, въ яркомъ блескѣ котораго еще шибче, еще легче, еще воздушнѣй плясали Краснотрутки, такъ что, какъ поглядишь на нихъ, поневолѣ почувствуешь головокруженіе.

— Карауль!.. тятя!..—восклидалъ Войтусъ, охваченный внезапнымъ испугомъ.—Карауль!.. Гномы танцуютъ.

— Король... Король!—шептала Кубусъ, не спуская глазъ съ трушки.

Но Скробекъ не видитъ и не слышитъ ничего. Руки его напряжены, глаза горятъ огнемъ великой и тихой радости.

Онъ допахалъ послѣдній клочъ пустыря, снялъ шапку, оглянулъ широкое небо, все залитое блескомъ луны, и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты помогъ мнѣ въ моей работѣ. Аминь.

И, взявъ лошадь подъ узды, онъ шелъ большими шагами къ межѣ, гдѣ сидѣли мальчишки, такъ бодро шелъ послѣ тяжелой работы, какъ бы послѣ отличнаго отдыха, легкій, радостный, до мозга костей проникнутый свѣтомъ и тишиной Ивановской ночи.

Онъ шелъ, а вокругъ него звучали тихіе голоса, точно звуки далекихъ, невидимыхъ скрипокъ:

Безъ шума... осторожно
Плясать намъ здѣсь возможно,
Покуда луть росится.
Пока не озарится
За лѣсомъ, тамъ, далеко
Хоть краешекъ востока...

Словно подавленный, Скробекъ прислушивался къ этому пѣнью, смотря на окрестность, залитую луннымъ свѣтомъ, а вслѣдъ за нимъ, какъ разъ у его ногъ, шла его рѣзкая, короткая тѣнь, отражаясь на землѣ.

Посмотрѣлъ на эту тѣнь Скробекъ разъ, посмотрѣлъ другой и тяжело вздохнулъ. Не такъ ли же точно, какъ эта черная тѣнь, ходила за нимъ черная доля?

Онъ поникъ головою и задумался, и вся воздушная музыка не стала слышна ему.

Что изъ того, что поле вспахано, что изъ того, что земля обработана?.. Чѣмъ ее онъ, бѣднякъ, засѣетъ, коли у него нѣтъ ни зерна, ни денегъ на посѣвъ?

Что онъ заработалъ на лѣсопильной мельницѣ, что лѣтнее время отложилъ въ горшокъ, все это ушло на плугъ, на борону, на топоръ, на ѣду, хотя онъ, ой, ой какъ, бережно обращался съ этими денежками. Что дѣлать? И кузнецу нужно заплатить, и соли купить... И вотъ вчера онъ истратилъ послѣдній мѣдякъ...

А теперь что будетъ? Какъ онъ справится съ той святою землею, которая ждетъ зерна?

Погруженный въ свой заботы, шелъ Скробекъ въ хату, а тѣнь шла за нимъ; онъ миновалъ заборъ, — тѣнь за нимъ;

онъ дошелъ до порога,—тѣнь за нимъ, да еще и на порогъ легъ его неотступный товарищъ. Кто знаетъ, можетъ быть, и въ хату вотрется. Но тутъ Скробекъ не видалъ ничего, только швырнулъ шапку на столъ, тяжело опустился на лавку и погрузился въ свои грустные мысли.

Немного погодя, двери скрипнули, и въ комнату тихонько вошла Марися, возвращающаяся изъ далекаго путешествія.

Дѣло Ветошки.

I

Теперь съ утра до ночи въ деревнѣ раздавались тяжелые удары цѣпогъ, то въ одиночку, то вдвоемъ, втроемъ, и даже вчетверомъ, и все скорѣе, все запальчивѣй, такъ что эхо отражалось даже въ лѣсу; такъ хозяева старались обмолотить новое зерно для посѣва въ надлежащую пору!

Только одному Скробку было нечего молотить, только одинъ Скробекъ ходилъ печальный, безъ всякаго дѣла отъ хаты до поля, отъ поля до хаты, думая, откуда онъ добудетъ зерна, чѣмъ засѣетъ свое поле.

А земля какъ будто сама просила сѣмянъ. Обогрѣло ее солнце, освѣжили росы, прямыя и ровныя борозды тянулись подъ голубымъ небомъ. Съ разсвѣта до сумерокъ надъ ними порхалъ жа-

воронокъ, сѣрый пѣвецъ вспаханныхъ полей, и звонилъ своимъ чудеснѣйшимъ голоскомъ:

Дай то Богъ, дай то Богъ,
Чтобъ стоялъ здѣсь полный стогъ!

Слушаль эту пѣсню Скробекъ, покачивалъ головою и жалостно вздыхалъ.

— Эхъ, ты, земля, земля — говорилъ онъ. — Вспахалъ я тебя плугомъ, взборонилъ бороною... и развѣ только слезами обсѣменить мнѣ суждено тебя!

А тѣмъ временемъ цѣпы все бьютъ и бьютъ...

Бьютъ цѣпы по золотой соломѣ, сыплется изъ колосьевъ золотое зерно, а ударить молотящій посильнѣе, то зерно такъ и брызнетъ, далеко-далеко, за ворота риги, какъ брызгаютъ золотыя искры, когда кузнецъ бьетъ по раскаленному желѣзу на наковальнѣ. А передъ воротами риги суетня, на чемъ свѣтъ стоитъ. Цѣпы стаи воробьевъ съ ближайшаго тополя слетаются на разлетѣвшееся зерно, и кричатъ, и клюютъ, и дерутся, и ссорятся, а подойдетъ кто-нибудь поближе, тотчасъ же фррр!.. и опять на тополь, точно ихъ вѣтромъ сдунуло.

— Что это птицы сегодня такъ чирикаютъ? — спрашиваютъ мужики другъ у друга. — То ли къ дождю, то ли къ хорошей погодѣ.

А того они и не видятъ, что между воробьями увивается громада гномовъ и собираетъ самымъ тщательнымъ образомъ разлетѣвшееся зерно. И въ то время, когда воробей успѣетъ схватить одно зерно, Краснолюдоки схватить десять. Вотъ какая работа!

Свирѣпѣютъ воробьи, такъ и наскакиваютъ, наеживши перышки, на красные капюшоны; но Краснолюдки ни чуть не боятся этихъ крикуновъ и спокойно ходятъ между ними, собираютъ себѣ, то ли въ мѣшочки, то ли въ полы епанчи самое, что ни на есть, лучшее зерно.

— На вотъ тебѣ, воробушекъ, раздробленное зерно, кушай на доброе здоровье. А какое полное, цѣлое, золотистое, — то на по-

сѣвъ. Изъ одного зерна, брошеннаго въ-землю, выйдетъ цѣлая сотня другихъ. И бѣдный человѣкъ попользуется имъ, и дѣтямъ изъ этого хлѣба что-нибудь удѣлитъ, и вамъ, воробушкамъ, что-нибудь перепадеть.

Такъ говорили Краснолюдки, собирая зерна.

Но слова ихъ не ясно были слышны за громкимъ чириканьемъ птичьей стаи, которая рѣшительно не обращала вниманія на эти рѣчи. Извѣстное дѣло, птица себѣ, какъ птица! Заботы о завтрашнемъ днѣ у нея нѣтъ. Не пашетъ она, не сѣетъ, ей и такъ хорошо живется. Если сыта сегодня, то поднимаетъ головку и поетъ. А придетъ завтра, опять поднимаетъ головку и опять поетъ, и съ увѣренностью и радостью рассчитываетъ на хлѣбъ насущный.

А тѣмъ временемъ цѣпы ударяютъ по колосистой и золотой соломѣ, и гномы работаютъ, не покладая рукъ, а что соберутъ за день, то несутъ въ подземелье и ссыпаютъ въ кучку.

Подземелье сухое, отлично выбранное подъ корнями дуба, березовою корою выложенное,—такъ и серебрится. Вверху—отверстіе для провѣтриванія, сбоку—для прохода, а посрединѣ золотистое зерно, цѣленькое, высокой кучкой насыпанное, съ цѣлую четверть можетъ быть. Такое добро нельзя оставлять безъ надзора, безъ стражи.

Каждый день одинъ изъ гномовъ липовой лопаточкой переворачиваетъ зерно, сушитъ его, открываетъ отверстіе на солнце, а когда смеркнется, метелкой сметаетъ его опять въ кучку, и, заткнувъ мхомъ верхнее отверстіе, нто бы въ подземелье не зашла роса и сырость, самъ ложится и сторожитъ.

Но однажды Соломинка, который на этотъ разъ держалъ стражу, замѣтилъ, что зерна какъ будто убыло.

— Ну,—думаетъ онъ,—улежалось, можетъ быть.—Такъ ночь и прошла.

На другую ночь зерна опять стало меньше.

— Э!—думаетъ Василекъ, который былъ сторожемъ,—можетъ быть, усохло немного.

Но на третью ночь зерна убыло столько, что Жучокъ, на

долю котораго выпало сторожить, схватился за голову и надѣлалъ ужаснаго шума.

Сомнѣнія нѣтъ, что кто-то таскаетъ зерно.

Сбѣжалась вся дружина, смотреть — ущербъ великій! Страшное дѣло! Ужъ и половины нѣтъ.

Горевать тутъ по пустякамъ нечего, надо держать совѣтъ. Идутъ къ королю.

— Всемилостивый король, — говорятъ, — какой-то воръ у насъ беретъ зерно. Что намъ дѣлать съ нимъ?

— И вы его возьмите.

Дружина отвѣчаетъ:

— Всемилостивый король, воръ какъ вѣтеръ въ полѣ, передъ нимъ сто дорогъ открыто, кто жъ его поймаешь?

Тогда король сказалъ:

— Я дамъ свою печать, запечатайте всѣ выходы, дабы знать, по которой изъ этихъ ста дорогъ приходитъ воръ.

Беретъ дружина печать, затыкаетъ сѣрымъ мохомъ всѣ щели, на мху дѣлаетъ рѣшетку изъ тростника, связываетъ ее самой длинной травой, на узлахъ кладетъ печати, ставитъ стражу и ждетъ.

Пришла ночь.

Тихо вездѣ, точно все вымерло. На деревьяхъ листокъ не пошевелится.

Темная лазурь безъ дыханія виситъ надъ землею, а звѣзды въ ней словно песку въ морѣ.

А стражу въ эту ночь держали Микула и Пакула, два родные брата, изъ которыхъ король Огонекъ составилъ себѣ придворную полицію, пожаловавши имъ на голову прекрасные шлемы изъ полевыхъ колокольчиковъ и сабли изъ шпажника, что выставляетъ изъ длинныхъ и узкихъ листьевъ свои огненно красные цвѣты.

Стоитъ Микула неподвижный, какъ будто аршинъ проглотилъ, стоитъ Пакула, выпрямившись, точно онъ изъ дерева выструганъ, и оба вокругъ глазами поводятъ, чтобы ничто не укрылось отъ ихъ вниманія.

Въ Соловьиной Долинѣ все спитъ; — и голубой руной, и травы, и хлѣба; спать мушки и птицы, и хоры лягушекъ, и водяныя лилии, и даже тотъ старый дубъ, подъ которымъ Микула и Пакула держатъ вѣрную стражу.

Такъ дѣло шло до разсвѣта.

Вскочила дружина гномовъ и бѣжить къ подземелью, — стража стоитъ, какъ стояла, печати лежатъ, какъ лежали. Заглянули Краснолюдки внутрь, а тамъ только горсточка хлѣба, только на доньшкѣ осталось.

Измучились они.

Что же это за воръ, что замка не трогаетъ, печатей не ломаетъ, а добро уноситъ?

Смотрятъ они другъ на друга, молчатъ, никто не знаетъ, какое тутъ вымолвить слово.

Тогда заговорилъ король:

— Если моя печать не уберегла добра, и стража моя не уберегла, тогда и никто не убережеть.

Въ это время Петрушка, — у него въ головѣ всегда бывали новыя мысли, — закричалъ изъ толпы:

— А что я получу, всемилостивый король, если схвачу этого вора?

Король отвѣчаетъ:

— Голось за него, когда его будутъ судить.

Петрушка возмутился.

— Что? голось за вора? Не хочу я этого! За такого негодяя я и мизинцемъ не шевельну, когда его будутъ вѣшать. Отдай мнѣ лучше, всемилостивый король, ту пѣсню, которую написалъ маэстро Сарабанда, и которая теперь уже не нужна Полу-боярину, потому что онъ потерялъ голось.

— Пусть будетъ такъ! — сказалъ король и взмахнулъ скипетромъ.

А пѣсня эта была написана на лепесткахъ шиповника и на мотыльковыхъ крыльяхъ чистѣйшею майскою росой такъ великолѣпно, что ее хранили въ сокровищницѣ, какъ великую драгоценность.

Петрушка отъ радости подскочилъ на аршинъ отъ земли, обнявъ королевскія колѣна, снова подпрыгнулъ и, какъ вѣтеръ, помчался къ лѣсу.

II.

Разсвѣтъ уже приближался, и птицы въ лѣсу начинали уже пробуждаться, когда Петрушка нашель хатку бабушки и остановился у ея низкой двери.

Бѣдно было въ хаткѣ,—одна скамейка, каминъ, жалкая постель, а все остальное травы и травы.

Удушливый смѣшанный запахъ мяты, лаванды, мелиссы и тысячи другихъ растений наполняли всю комнату, въ которой можно было бы задохнуться, если бы не отверстіе, обращенное прямо къ лазурному небу и прикрытое только крыльями совы.

Въ комнатѣ у камина сидитъ бабушка, прядетъ золотыя нити на прялкѣ, тихимъ голосомъ поетъ старыя пѣсни и съ тихимъ шелестомъ пускаетъ золотое веретено.

— Здравствуй, бабушка!—говоритъ съ порога Петрушка.

Подняла бабушка голову, приложила руку къ глазамъ, смотритъ внимательно, наконецъ признала Петрушку, который уже однажды леталъ въ ея хату за иглой для Полубоярина.

— Здравствуй, здравствуй! Входи въ добрый часъ. Что тебѣ нужно?

Вошелъ Петрушка, низко поклонился, поцѣловалъ у бабушки сморщенную руку и говорить:

— Совѣтъ мнѣ нуженъ. Воръ таскаетъ у насъ добро, а поймать его мы не можемъ. Сушя бѣда.

Слушаетъ бабушка, слушаетъ, перестала ногою вертѣть колесо, золотое вертено опустила на земь, золотую нитку держитъ въ пальцахъ, качаетъ сѣдою головою и глубоко думаетъ.

Но вдругъ она спрашиваетъ:

— А что таскаетъ воръ?

— Зерно таскаетъ,—отвѣчаетъ Петрушка съ великимъ негодованіемъ.—Посѣвное зерно таскаетъ, негодяй!

А бабушка говорить:

— Подсыпьте ему еще и жемчуга въ это зерно.

— Что?—крикнулъ Петрушка.—Еще и жемчуга? Вору, который насъ обкрадываетъ, мы должны еще подсыпать жемчуга? Бабушка!.. у тебя въ головѣ отъ старости, должно быть, начало путаться.

Но бабушка уже подняла золотое веретено и, пустивъ въ движеніе колесо, тянетъ золотую нитку...

— Подсыпьте ему жемчуга,—еще разъ повторила она и, не обращая вниманія на Петрушку, начала пѣть старинную пѣсню тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Бабушка!—воскликнулъ на это Петрушка,—я шель къ тебѣ, какъ къ родной матери, за совѣтомъ. Я не пошелъ ни ко Дню, ни къ Ночи, ни къ Солнцу, ни къ Мѣсяцу, а пошелъ къ тебѣ, бабушка, потому что знаю, что ты премудра, и премудрость твоя истекаетъ изъ многихъ дней и многихъ ночей, изъ многихъ восходовъ и закатовъ солнца и мѣсяца, а ты какъ принимаешь меня? Какой совѣтъ даешь ты мнѣ?

Ну, Богъ съ тобою, вижу я, что ошибся!

Онъ говорилъ это съ великимъ сожалѣніемъ въ голосѣ и съ великою обидой въ сердцѣ и направлялся къ дверямъ.

Онъ былъ уже на порогѣ, когда бабушка прервала свою пѣсню и крикнула ему вслѣдъ:

— Жемчуга... жемчуга дайте ему! подсыпьте!..

— Ну да, какъ же!.. сейчасъ!..—проворчалъ Петрушка и двинулся въ путь, сожалѣя о напрасно потраченномъ времени.

Но голосъ бабушки такъ выросъ, такъ усилился, такіе воздушные круги колебаль и волноваль одинъ за другимъ, что хотя Петрушка былъ уже далеко, но голосъ этотъ летѣлъ за нимъ, надъ нимъ, при немъ и все кричалъ:

— Жемчуга!.. жемчуга подсыпьте ему!.. жемчуга!..

Задумался Петрушка надъ этою великою мощью голоса, которая могла быть порождена ничѣмъ другимъ, какъ только великою правдою, остановился вдругъ и сказалъ:

— А можетъ быть, такъ и нужно! Можетъ быть, такъ и нужно!
И онъ началъ соображать, какъ и что ему нужно дѣлать.

— Что будетъ, то и будетъ,—сказалъ онъ наконецъ,—авось
за это не повѣсятъ.

А такъ какъ онъ всегда бывалъ смѣль и охочъ до всякихъ
приключеній, то возвратился домой въ самомъ отличномъ располо-
женіи духа и тотчасъ же направился къ королю.

— Всемиловитый король!—заговорилъ онъ,—сколько жемчу-
жинъ ты довѣрилъ бы мнѣ на нынѣшнюю ночь?

Король отвѣтилъ на это:

— Довѣрить одну, значить—и все довѣрить. Но я твою вѣр-
ность къ нашей персонѣ цѣню больше жемчуговъ.

Петрушка былъ очень радъ.

— Благодарю тебя на этомъ словѣ, всемиловитый король!
Довѣрь мнѣ горсть жемчуга, а если мнѣ удастся словить вора,
то я тебѣ сегодня же представлю его.

— Иди и возьми!—сказалъ на это король.

И онъ тотчасъ же позвалъ казнохранителя, чтобы онъ далъ
горсть жемчуга Петрушкѣ, не считая.

Обнявъ Петрушка государева колѣна, а такъ какъ сердце у
него было мягкое, то украдкой отеръ одну-другую слезинку, по-
томъ весело разсмѣялся и пошелъ за жемчугомъ.

А на дворѣ уже начинало смеркаться.

Собрались Краснолюдки, смотреть съ любопытствомъ, что бу-
детъ, а Петрушка съ горстью жемчуга идетъ прямо въ подземную
кладовую и мѣшаетъ жемчугъ съ оставшимся зерномъ.

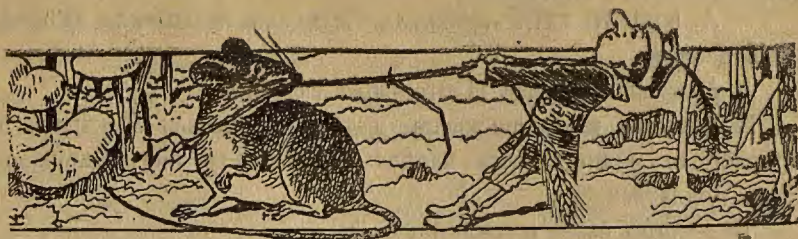
— Во имя твое, бабушка,—говоритъ онъ,—и во имя твоей ста-
рой мудрости.

Потомъ онъ обратился къ товарищамъ:

— Сегодня не нужно ни стражи, ни печатей... Микула и Паку-
ла. Ступайте спать, друзья! я самъ останусь здѣсь.

Онъ сѣлъ на пригорокъ, голову прислонилъ къ камню и смот-
рѣлъ вслѣдъ уходящимъ сонными глазами.

Съ востока поднялся маленькій вѣтерокъ и зашелестѣлъ тра-
вою. Весь этотъ шелестъ и шепотъ плыли словно по воздуху.

Но Петрушка, однако, мало обращалъ вниманія на этотъ шелестъ, а такъ какъ былъ утомленъ дорогою, то заснулъ и проснулся только на разсвѣтъ. Проснулся онъ, смотреть, а тутъ, почти у его ногъ, виднѣется какъ бы дорожка отъ пригорка къ пустырю, усыпанная тѣми жемчужинами, которыя онъ примѣшалъ къ верну.

Тогда онъ крикнулъ и побѣжалъ по этому слѣду, а дружина гномовъ за нимъ.

Бѣжить Петрушка, остановится и потомъ опять побѣжить,— черезъ сто, нерезъ двѣсти шаговъ лежитъ жемчужина, какъ-будто бы кто-нибудь, спѣшно захвативъ вмѣстѣ и зерно и жемчугъ, потомъ бросалъ то, что ему не нужно.

— Ой, премудра ты, бабушка, премудра!—думаетъ Петрушка и подходитъ уже къ самому пустырю. Смотрить, послѣдняя жемчужина лежитъ въ глубокой бороздѣ, а тутъ же откинутая грудка земли, а подъ нею ямка.

Наклонился Петрушка, раскапываетъ земляной холмикъ, а двѣ или три жемчужины передъ его глазами сыплются въ глубину.

По его приказу дружина начинаетъ копать и докапывается до большой ямы, въ которой похищенное зерно лежало почти все въ цѣлости.

Тутъ же сидѣла согнувшись полевая мышь и ея семейство.

— А, вот ты гдѣ!—крикнулъ Петрушка и схватилъ за шиворотъ злодѣя.

— Микула! Пакула! Идите сюда скорѣй!

Испуганная мышь пискнула, пытаясь вырваться и удрать, но придворная милиція такъ наѣла на нее, что она принуждена была поддаться.

Торжество было неимовѣрное.

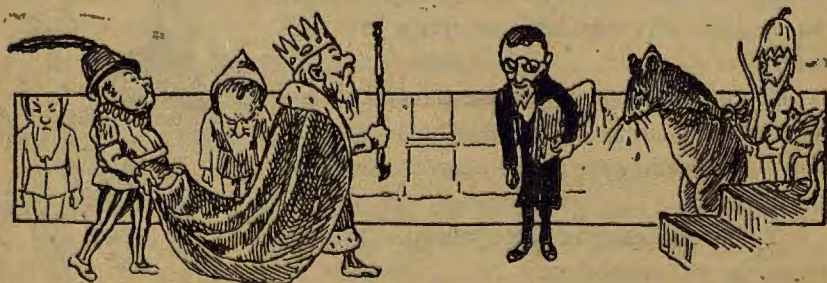
Съ криками, съ пѣніемъ возвращались гномы съ экспедиціи, ведя плѣнника и таща мѣшки съ отысканнымъ зерномъ обратно въ свое подземелье.

III.

Торжественно и великолѣпно открылся королевскій судъ въ Соловьиной Долинѣ. Его величество король выступилъ во всемъ своемъ блескѣ.

Толстый пажъ Мычка несъ за нимъ пурпурный плащъ, на головѣ короля сверкала золотая корона, а брилліантовый скипетръ сѣялъ блескъ, какъ восходящее солнце; у входа въ судебную залу стоялъ государственный обвинитель, мудрый Кошачій Глазокъ, тутъ же за нимъ Микула и Пакула въ парадныхъ мундирахъ, а вокругъ, хотя на нѣкоторомъ отдаленіи, толпились Краснолодки, и глаза всѣхъ присутствующихъ были обращены на обвиняемаго.

Онъ стоялъ согбенный, въ убогой одежонкѣ, съ крѣпко связанными назади передними лапами, позеленѣвшій отъ волне-

нія и страха, и такъ дрожаль, что ноги видимо тряслись поды нимъ, словно въ лихорадкѣ.

Краснорѣчивый Кошачій Глазокъ, окончивъ перечисленіе его винъ, требоваль суровой кары: самое меньшее, — повѣсить его на высочайшей вѣткѣ дуба, возложивъ на него издержки по производству дѣла.

Почтенный обвинитель даже охрипъ и тяжело дышаль, отирая фуляромъ вспотѣвшій лобъ.

Король сдѣлаль мановеніе скипетромъ и спросилъ самъ:
— Какъ твое имя, несчастный?

Посинѣла мышъ и прошатнулась, но Микула толкнулъ ее къ королю, и она отвѣтила тихимъ голосомъ:

— Ветошка, слуга вашего королевскаго величества.

— Зачѣмъ ты похитилъ это зерно?

— Голодень былъ... былъ нищъ... дѣти мои умирали съ голоду.

— Но голодъ не даетъ права похищать чужое имущество. Не такъ ли?

— Такъ, милостивый король! — отвѣчаетъ Ветошка, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Что же ты скажешь въ свое оправданіе?

— Ничего... Кромѣ голода... Голодъ... страшный голодъ...

— Но и при величайшемъ голодѣ ты не могъ бы съѣсть такого количества зерна. Десятой доли хватило бы тебѣ и твоимъ дѣтямъ.

— Зимы боялся... всемилостивый король!.. зима страшно длинна и тяжела... Половина моихъ дѣтей вымерла въ прошлую зиму, король!.. Ахъ, какъ они страшно страдали... Самый молодой... самый молодой, король всемилостивый, на моихъ глазахъ умиралъ отъ голода... Шесть дней, шесть ночей смотрѣлъ я на это... и жить... жить и не могъ самъ умереть за него... не могъ!

Отвернуль король свой маститый ликъ, на которомъ выражалось состраданіе, а въ толпѣ гномовъ послышалось рыданіе.

То плакаль Петрушка.

Ветошка продолжалъ:

— Послѣ младшаго умерѣ старшій... Старшій сынъ мой, все-милостивый король, умиралъ на моихъ глазахъ... Десять дней, десять ночей умиралъ... и я смотрѣлъ на это... и не могъ умереть за него самъ, хотя умиралъ съ нимъ вмѣстѣ!

Нахмурилъ король брови, чтобы удержать слезы подступающія къ глазамъ; въ дружинѣ Краснолюдковъ слышался глубо-кій вздохъ, то Петрушка рыдалъ громко

Ветошка говорилъ дальше:

— А потомъ умиралъ третій.. Третій сынъ мой умиралъ... съ голоду умиралъ, о всемилостивый король, а я смотрѣлъ на это!..

Онъ сильно задрожалъ и окончилъ почти безсознательнымъ голосомъ:

— Голодъ... голодъ... голодъ...

Но король Огонекъ поднялъ скипетръ и сказалъ:

— Я долженъ быть строгимъ, потому что ты тяжко провинил-ся. Зерно это было посѣвное, предназначенное для посѣва такому же несчастному, какъ ты, у котораго тоже есть голодныя дѣти. Да будетъ къ тебѣ примѣнена справедливость.

— Смерть! смерть преступнику!—воскликнулъ Кошачій Глазокъ.

— Смерть!—повторили за нимъ Микула и Пакула въ одинъ голосъ.

Ветошка стоялъ, какъ пораженный громомъ, трясаясь и обводя кругомъ безсмысленнымъ взглядомъ.

Король отвернулся и хотѣлъ было покинуть свой судебный тронъ, когда Петрушка бросился къ нему изъ толпы, палъ къ его ногамъ и воскликнулъ:

— Я хочу подать за него голосъ. Голосъ за осужденнаго, милостивый король! Голосъ, который ты самъ хотѣлъ мнѣ дать.. Голосъ! я прошу голосъ!—

— Даю тебѣ голосъ!—говоритъ король, ласково наклонился къ нему и благосклонно дотронулся до него скипетромъ..

А Петрушка заговорилъ съ рыданіемъ:

— Прости! Прости его, добрый король! прости! Скажи, что ты прощаешь его! То будетъ моя пѣсня! То будетъ моя лучшая пѣсня. Единственная пѣсня! А другой я не хочу! Не хочу!...

Заплакалъ старый король, видя такой взрывъ жалости въ своемъ любимомъ слугѣ, и говорить:

— Ты побѣдилъ, Петрушка! Милосердіемъ своимъ ты побѣдилъ мою справедливость. Пусть будетъ по твоей волѣ!

Тутъ онъ взмахнулъ скипетромъ и сказалъ:

— Отпустить на волю этого несчастнаго и накормить дѣтей его. Съ этихъ поръ его дѣти будутъ получать пропитаніе съ моего стола. А зерно сегодня же отдать сѣятелю и землѣ, которая ждетъ посѣва.

IV.

У сиротки хлопотъ быть полонъ ротъ, прежде чѣмъ она хоть кое-какъ обрядила хату Скробка. И въ огородѣ она, нѣтъ, нѣтъ, да и заглянеть.

Запущеніе тамъ было такое, что у Мариси сердце изныло.

— Хотъ бы чуточку конопли,—думала она,—Вотъ было бы хо-

рошо: срѣзать, высушить, очистить, а въ поздніе зимніе вечера прѣсть золотистыя нитки!

Ея мать, сидя за такой работой, дѣвала отличнѣйшія пѣсни.

— А если бы двѣ грядки капусты! Земля черная, урожайная, кочни были бы страсть какіе!

И задумалась сиротка Марися, какъ бы съ весною къ этому огороду приложить руки.

— На весну,—думаетъ она,—непремѣнно нужно начать перекапывать въ огородѣ. Да развѣ одна я тутъ справлюсь!

Вдругъ она захлопала въ ладоши.

— А Войтусъ, а Кубусъ? Вотъ и готовые работники!..

Но не одинъ этотъ бѣдный, пустой, заглухшій огородикъ приводилъ въ уныніе Марисю. Все чаще и чаще ее навѣщала тоска по гусяткамъ, по пригорку съ золотистыми цвѣточками, по Гасѣ, который иногда укладывался у ея ногъ на солнечномъ пригрѣвѣ, а то срывался и обѣгалъ гусяткоъ, весело повякивая.

И вотъ, однажды, приведя хату въ порядокъ, вышла сирота на ближайшій лугъ.

Смотрить она,—въ высокомъ бурьянѣ передъ нею мелькнуло что-то издалека, словно красная остроконечная шапочка.

— Подземокъ!—крикнула Марися и побѣжала за нимъ.

Сердце ея сильно билось,—удивительно, какъ совсѣмъ не расколотило ея худую грудь, а Марися все бѣжала.

Капошонъ все больше и больше отдалялся. Вотъ онъ нырнулъ въ заросляхъ, и Марися бросилась къ зарослямъ.

Какъ бы она была рада увидеть Подземка, спросить его... о чемъ? Она сама еще не знала. Пусть только ей удастся нагнать его. Тогда она поблагодарила бы его за все: и за гусяткоъ, которые живы до сихъ поръ, и за уголь въ катѣ Скробка, за Войтуса и Кубуса, которые стали чуть не ея братьями...

И вотъ она, что есть силы, мчалась за удаляющейся шапочкой, какъ только несли ее ноги.

Наконецъ, шапочка исчезла и больше не показывалась.

Остановилась тогда Марися, оглядывается кругомъ. Куда она зашла.

Да вѣдь тутъ и заросла скоро кончаются?..

Словно зарево пожара просвѣчивалъ сквозь нихъ пурпуръ заходящаго солнца. А дальше виденъ лѣсъ; лѣсъ хорошо ей знакомый. Значить, она забѣжала на самый конецъ сосѣдней деревни, Голодной Вольки.

Она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ. Можетъ быть, она увидитъ своихъ сѣрыхъ и бѣлыхъ питомцевъ, Гасю своего увидитъ.

И вотъ она, скрытая густыми кустами, видитъ, какъ на выжженномъ солнцемъ пригоркѣ ея гусятки спокойно щиплютъ травку, какъ вокругъ нихъ увивается вѣрный Гася; а въ волнахъ пшеницы то наклоняется, то поднимается дѣвочка, новая пастушка. Она рветъ запоздалый макъ, васильки, куколь, чтобы связать все это потомъ въ пучокъ.

Марися остановилась въ заросляхъ, и съ любопытствомъ смотритъ на все.

Въ это время солнышко зашло, пастушка собрала гусей и при помощи Гаси повела ихъ домой. Гася повякивалъ, въ особенности, на ту бѣлую гусыню, которая и при Марисѣ, обыкновенно, всегда опаздывала идти за стаей; наконецъ, гусятница погрозила ей хворостиной, и бѣлая гусыня поплелась рядомъ съ гусакомъ въ первомъ ряду.

Все это исчезло за горкой, а Марися все еще стояла въ заросляхъ.

Она думала, что если не съ Подземкомъ, то, по крайней мѣрѣ, она поздоровается съ Гасей, съ своими гусятками; но они ушли, а Марися имъ и словечка сказать не успѣла.

Просту сказать, она испугалась новой гусятницы. Но теперь, когда уже никого нѣтъ, не осмѣлится ли она хоть минутку посидѣть на своемъ пригоркѣ.

Она раздвигаетъ кустарники... что это такое?

На землѣ лежитъ мертвый хомякъ, а немного подальше также мертвый Обѣдало. У обоихъ мѣхъ разорванъ, у обоихъ глубокия, уже почернѣвшія раны.

Заломила Марися руки и ротъ раскрыла отъ удивленія.

Обѣдало... тотъ всегда навелъ страхъ на Марисю.

Но хомякъ! неужели это былъ ея хомякъ?

Бѣжитъ Марися къ его норкѣ, раздвигаетъ густую траву, помятую тамъ и здѣсь. Клочки сѣровато-желтой и рыжей шерсти прицѣпились къ стеблямъ; на листьяхъ, словно кораллы, висятъ капли застывшей крови; входъ въ норку разрытъ острыми когтями.

Стоить Марися и задумалась.

! — Бѣдный хомякъ!—говорить она.

Это вѣрно, что бѣдный. Свирѣпый Обѣдало сдержалъ свою ужасную угрозу, и весь свой гнѣвъ, что гуси вновь ожили, излить на несчастнаго звѣрка. Но и хомякъ тоже не правъ. Отчего онъ такъ равнодушно смотрѣлъ, какъ лисъ подбирался къ гусяткамъ? Отчего онъ не предостерегъ пастушку, или хотя бы Гася? Съ гусями не было бы этого несчастья, а лисъ долженъ былъ бы убираться за тридевять земель.

— А теперь лежишь ты безъ жизни, несчастный хомякъ. Вотъ такъ-то, думая только о себѣ, ты и сгубилъ самого себя!

Смотритъ Марися, недалеко, шагахъ въ двухъ отъ норки, трава вся помята. Вотъ здѣсь-то и подкарауливалъ хомяка Обѣдало, вотъ отсюда онъ и прыгнулъ на него, да только, видно, зашелестѣлъ сухимъ бурьяномъ, хомякъ сообразилъ въ чемъ дѣло, и ютступилъ къ своей норкѣ. Но разбойникъ Обѣдало преслѣдовалъ его и тамъ. Копнулъ лапой и уже очутился въ ямкѣ. И началась кровопролитная борьба. Хомякъ ударилъ Обѣдалу страшно, смертельно, но и его самого задушили и потащили въ кусты. Обѣдало хотѣлъ было тащить его дальше, въ свою нору, но и изъ него уходила жизнь, вмѣстѣ съ кровью.

Бѣдный хомякъ! Если что-нибудь его и могло утѣшить въ послѣднюю минуту, такъ это то, что въ смертельномъ бою съ свирѣпымъ звѣремъ онъ выказалъ необычное мужество. Позвольте! схватить Обѣдалу прямо за горло, не задумываясь, что будетъ дальше,—это вѣдь не малое геройство!

Онъ погибъ самъ, но и врагъ его погибъ также, хотя силы были и не равныя. И такъ, одинъ маленькій хомякъ, искупая смер-

тью свое равнодушіе къ другимъ, избавилъ всю окрестность отъ безжалостнаго и изворотливаго преступника.

Тѣмъ временемъ Марися, глядя на изорванную шкуру хомяка, на его когда-то быстрые, а теперь уже угасшіе глазки, на неподвижно и грозно торчащіе усики, которыми прежде онъ такъ потѣшно поводилъ, почувствовала такую жалость къ нему, что изъ подъ ея опущенныхъ рѣсницъ полились обильныя, серебряныя слезы.

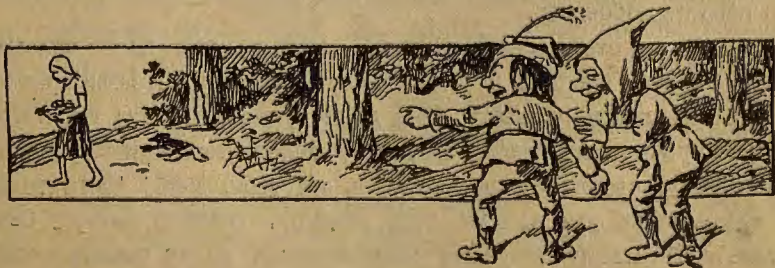
Плача, она опустила на колѣна возлѣ хомяка и заговорила ласковымъ голосомъ, какъ будто звѣрокъ могъ еще слышать ее:

— Не бойся, не бойся, мой бѣдненькій! Я не оставлю тебя здѣсь, рядомъ съ этимъ сквернымъ лисомъ, рядомъ съ этимъ хитрымъ разбойникомъ. Я возьму тебя съ собою, бѣдняжка. Закопаю я тебя въ усадьбѣ Скробка, подъ большимъ дубомъ, глубоко! Ямку я тебѣ устелю листками... листками и прикрою тебя... Будешь ты себѣ лежать тихо, спокойно... я не оставлю тебя здѣсь; нѣтъ! По крайней мѣрѣ, близъ меня будетъ хоть одинъ изъ старыхъ друзей.

Она тотчасъ же наломала зеленыхъ вѣтокъ ели, накрыла ими хомяка, положила его въ фартукъ и торопливо пошла домой.

Еслибъ она передъ уходомъ хоть одинъ взглядъ бросила на группу растущихъ невдалекѣ лопуховъ, то замѣтила бы, какъ шевелились ихъ большіе, круглые листья, хотя вѣтра не было ни малѣйшаго, и какъ посреди этихъ листьевъ мелькаетъ что-то красное, словно огонекъ.

И, дѣйствительно, едва она свернула на тропинку, ведущую къ Скробковой усадьбѣ, какъ листья эти медленно раздвинулись, и

знакомый намъ по дѣлу Ветошки, гномъ Петрушка, осторожно выползъ изъ нихъ и спросилъ тихимъ голосомъ:

— Взяла?

На это изъ бурьяна, закрывающаго норку хомяка, послышался другой голосъ, и тоже тихій:

— Взяла!

Съ такими же предосторожностями, какъ Петрушка, изъ лопуховъ вылѣзъ и Подземокъ приложивъ палецъ къ губамъ.

Но Петрушка, по природѣ очень живой и не умѣющій сдерживать себя, началъ скакать и радостно закричалъ:

— Вотъ такъ удалось намъ! Вотъ такъ удалось!

— Тише ты, сумасшедшій! — зашипѣлъ Подземокъ, схвативъ его за руку. — Ты кричишь такъ, словно находишься здѣсь одинъ. Она еще услышитъ...

— Ну, откуда? Сверчки подъ вечеръ такъ играютъ, что всѣхъ насъ заглушатъ. Но скажи ты самъ, — удалось намъ, а?

— Какъ могло бы не удался! Такая добрая душа и безъ поощренія пожалѣетъ.

— Вотъ то-то! Медь, не дѣвчонка! Съ другою дѣло не пошло бы такъ ладно.

— Но ты о томъ дубѣ и о томъ погребеніи такъ громко подсказывалъ, что я перепугался, — а ну, какъ она обернется на лопухи!

— Я всегда такъ. Просто, съ мосту! Что будетъ, то и будетъ! Вотъ видишь, она ничего и не замѣтила.

— Охъ! — простоналъ Подземокъ. — У меня даже колѣна затекли. Я то вѣдь въ этомъ бурьянѣ съ самаго утра сижу, муравьевъ отъ хомяка прутикомъ отгоняю, что-бы Марися дотронуться до него не побоялась.

— А я, — отвѣтилъ Петрушка, — думалъ, что ноги поломаю, такъ бѣжалъ впереди нея до Голодной Вольки, что-бы привести ее къ надлежащему мѣсту. Она даже думала, что это ты, потому что я нарочно такъ надѣлъ на голову капюшонъ и банялъ у Василька трубку, что-бы лучше походить на тебя. Уфъ! Какъ только я ввалился въ эти лопухи, такъ думалъ — сейчасъ заору... Представь себѣ, между лопухами росла крапива, да въ какомъ количе-

ствѣ! Если бы не приказаніе его величества, то я не посмотрѣлъ бы ни на что и убѣжалъ бы... Но ничего не подѣлаешь!.. Король, во что бы то ни стало, приказалъ, чтобы это зерно было доставлено Скробку сироткою... Это будто бы за то, что онъ пріютилъ ее въ своей хатѣ.

— Сейчасъ видно нашего добраго короля!

— Ну, пойдемъ за нею!.. Только осторожнѣй...

— Знаешь что, Петрушка? Сними ты сапоги, а то они страшно скрипятъ.

— Я? сапоги? Еще чего! Ты можешь самъ скакать босикомъ, потому что навѣрно привыкъ къ этому у бабы, когда быть подкидышемъ. Но я! Дворянинъ, рукоположенный его величествомъ!.. Выдумалъ, нечего сказать!

— Коли нѣтъ, такъ нѣтъ! Пойдемъ! Только не скрипи.

— Зачѣмъ мнѣ скрипѣть? Пойдемъ!

И, взявшись за руки, они молча пошли за сиротою, — Петрушка, поднимаясь на цыпочки въ своихъ длинныхъ красныхъ сапогахъ, которые, дѣйствительно, скрипѣли, а Подземокъ, шлепая огромными красными туфлями, которыя то и дѣло сваливались съ его ногъ.

V.

Тѣмъ временемъ на небо возшелъ мѣсяцъ и своимъ прекраснымъ серебристымъ свѣтомъ брызнулъ на лѣсную тропинку. По этой тропинкѣ шла Марися, вся бѣлая отъ лунныхъ лучей, поднимая голову къ небу, а худыми ручонками крѣпко придерживая концы фартука, изъ котораго торчали еловые вѣтки, прикрывающія бѣднаго хомяка. Она шла поспѣшно, потому что передъ ночью въ хатѣ нужно было еще кое-что убрать, и на ходу раздумывала, говорить ли Войтусю и Кубусю о хомякѣ, или нѣтъ?

Но когда она раздумывала, что-то шепнуло чуть не надъ самымъ ея ухомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Мальчишкамъ говорить не нужно. Они, пожалуй, еще разроютъ хомяка. Правда, мальчишки они милые, но

всегда падки на шалости. Лучше поменьше говорить,—вотъ что!

Марисѣ показалось, что это ей говорить ея собственныя мысли, и она ускорила шагъ, не зная даже того, что рядомъ съ ея тѣнью, которая падала на дорожку ютъ луннаго свѣта, движется еще какая-то маленькая тѣнь.

То былъ Петрушка, которому было чрезвычайно важно, чтобы Марися сама похоронила своего хомяка. Онъ-то, именно, и подскочилъ подшепнуть ей ея рѣшеніе, а потомъ двумя огромными прыжками очутился возлѣ Подземка.

— Что ты дѣлаешь сегодня!—тихо воскликнулъ Подземокъ, когда Петрушка сдернулъ съ него капюшонъ, не разсчитавъ своего прыжка.

Петрушка отвѣтилъ:

— Я такъ радъ! Такъ радъ, что король останется доволенъ: если бы я не долженъ былъ сопровождать дѣвочку, то прыгалъ бы козломъ до самаго утра.

— Зачѣмъ же?

— Какъ зачѣмъ? Развѣ ты не знаешь, что когда Краснолюдки прыгаютъ при мѣсячномъ свѣтѣ, то бабы ссорятся?

— Ну, и что жъ изъ того?

— Да ничего! Пусть ссорятся! Завтра суббота, бабы сбиваютъ масло, а когда баба сердита, то скорѣе собьетъ масло. Вотъ увидишь, какое оно будетъ густое!

— У тебя всегда глупости въ головѣ.

— Глупости? Подумай о томъ, что ты говоришь. Густое масло,—развѣ это глупость?

Но Подземокъ положилъ ему руку на плечо.

— Слушай, Петрушка,—сказалъ онъ,—намъ нужно поспѣшить къ королю, потому что Скробкова хата уже видна. Ты приготовилъ какую-нибудь мотыку подъ дубомъ?

— Какъ не приготовить? Она стояла за дверями въ сѣняхъ.

— Отлично! Смотри, она идетъ прямо къ дубу... Хорошая дѣвчонка!

Дѣйствительно, Марися шла прямо къ дубу, который тихо и ласково шумѣлъ, точно нашептывалъ какія-то слова.

Подойдя, дѣвочка поискала глазами какую-нибудь палку, чтобы разрыть землю для могилки своего хомяка, какъ вдругъ увидала Скробкову мотыку, прислоненную къ дубу.

— Славу Богу!—прошептала она,—тятя забыть мотыку... Времени достаточно, чтобы выкопать хорошую ямку.

И она тотчасъ же начала рыть землю, положивъ хомяка на траву. Ударила она мотыкой одинъ разъ, ударила другой, и сама себѣ дивится, какъ скоро идетъ ея работа. Мотыка словно перышко, а земля такая рыхлая, какъ будто ее только что насыпали.

— Я страсть какая сильная сдѣлалась на Скробковомъ хлѣбѣ,— прошептала она съ улыбкою.

Она помолчала и тихо вздохнула.

— Эхъ, эхъ!.. чѣмъ я заплачу за этотъ хлѣбъ? Развѣ только Богъ заплатитъ за меня.

Она только что договорила эти слова, когда ея мотыка провалилась сквозь тонкій слой земли въ глубокую яму. Дѣвочка едва-едва удержала ее.

— Боже Ты мой!—сказала она,—это, должно быть, дубовые корни такъ сплелись между собою, чтобъ итти въ землю, а подъ ними пустота. Ну, да все равно! Для моего хомяка хватитъ на могилку.

Вдругъ сквозь вѣтви дуба проскользнулъ лунный лучъ, и подъ дубомъ сдѣлалось свѣтло. Марися подскочила къ ямкѣ, запустила въ нее руку и вдругъ почувствовала что-то сыпучее.

Вынимаетъ она руку, смотреть,—пшеница, словно золото. Еще разъ она запустила руку,—зерна цѣлая куча. И куда ни двинь рукою, всюду зерно и зерно!..

А луна все свѣтлѣй, а свѣтъ все бѣлѣе, и такой блескъ струится отъ зерна, что подумаешь,—это сокровище, о которомъ говорится въ сказкахъ, и дубъ шумитъ такъ тихо, такъ легко...

...Отплатить за тебя Богъ, сирота, отплатить!

— Боже Ты мой! Боже мой!—повторяетъ изумленная Марися, но вдругъ вскакиваетъ и съ крикомъ бѣжитъ въ хату.

Прибѣжала она и встала у порога, а сердце у нея бьется, какъ птица въ клеткѣ.

— Хозяинъ!.. тятя!—говорить она задышающимъ голосомъ въ то время, какъ слезы радости, словно жемчугъ, сыплются изъ ея глазъ.

Скробекъ сидѣлъ на скамьѣ у камина, съ поникшею головою, запустивъ въ волосы свои мозолистые пальцы. Онъ былъ такъ тяжело озабоченъ, чѣмъ бы засѣять поле, что даже и не слыхалъ, какъ скрипнули двери, не слыхалъ, какъ прибѣжала Марися.

— Тятя!—повторила Марися, дергая его за рукавъ.—Пшеница нашлась!

Онъ посмотрѣлъ на нее безсознательнымъ взглядомъ, не понимая, что она говоритъ. Ему казалось, что это сонъ.

Но сирота не уступала.

— Пшеница нашлась, тятя! Много пшеницы...

Скробекъ широко раскрылъ глаза; на лбу у него выступили синія жилы.

— Что ты болтаешь? что ты болтаешь, дѣвчонка?—воскликнулъ онъ, схвативъ ее за плечо.

— А какъ же?—переспросила Марися, у которой подъ рукою Скробка даже дыханіе кперло.—Я, тятя, говорю, что пшеница на посѣвъ нашлась.

Скробекъ вскочилъ со скамейки и ухватился за шапку.

— Что?... Гдѣ?... гдѣ пшеница для посѣва?

Руки его тряслись, ноги подъ нимъ дрожали, а голосъ такъ глубоко засѣлъ въ его горлѣ, что бѣдный мужикъ едва могъ промолвить слово отъ безмѣрной радости.

— Иисусе милосердный! Гдѣ? гдѣ?

— А вонъ тамъ, Подъ дубомъ... Подъ самѣхонькимъ дубомъ, —

весело воскликнула Марися. — Возьми мѣшокъ, тятя, — куча большая!

— Господи Иисусе! Господи Иисусе! — повторялъ Скробекъ, разыскивая мѣшокъ за печкой. — Куча, ты говоришь?... Да благослови тебѣ Господь, сиротка! Вотъ радость ты принесла мнѣ... словно родная дочь!

Марися была уже у дверей.

— Да пойдемъ поскорѣй... мѣсяцъ такъ и свѣтитъ...

И они пошли.

Милостыня Полубоярина.

Чепухинскій-Вздорный, который, послѣ приключенія съ гусями Мариси, проживалъ въ углу Обѣдало, однажды безмѣрно удивился, что хозяинъ такъ долго не возвращается. Обыкновенно, онъ уходилъ изъ своей норы подѣ вечеръ, а возвращался утромъ, съ тою только разницей, что уходилъ онъ узкимъ отверстіемъ, которое вело прямо къ деревнѣ, а возвращался другимъ, широкимъ ходомъ, со стороны лѣса, возвращался нажавшись до безобразной толщины, падалъ на свою постель и храпѣлъ цѣлый день, до самыхъ сумерекъ.

Чепухинскаго-Вздорнаго не мало интересовали эти ночныя экспедиціи его хозяина; но живя въ гостяхъ, онъ не разспрашивалъ ни о чемъ.

Но однажды самъ Обѣдало заговорилъ въ нимъ

— Знаете ли что? Вы видите передъ собою самое несчастнѣйшее существо, которое только ходило по сему свѣту на четырехъ ногахъ. Моя мать была лунастикъ, и я унаслѣдовалъ отъ нея эту особенность. Если бы вы знали, сколько я переплатилъ док-

торамъ, коноваламъ, овчарамъ! Если бы вы знали, сколько мнѣ прописали порошковъ, микстуры, бальзамовъ, пилюль! Половина моего состоянія ушло на это. Довольно мнѣ будетъ сказать вамъ, уважаемый коллега, что одними рецептами въ теченіе трехъ лѣтъ отапливалъ свое помѣщеніе, и хотя морозы стояли трескучіе, у меня было совсѣмъ тепло. И что же вы думаете?—Все ни къ чему не привело!

— Лишь только луна блеснетъ чуть чуть,—что то меня гонить, что-то меня толкаетъ, чтобы я шелъ и таскался по бѣлому свѣту. Я уже пробовалъ привязывать себя вотъ къ этому колышку, который вы видите по срединѣ моей квартиры,—и это не помогло.

— Лишь только меня дернетъ что-нибудь, какъ я оставляю самый лучший клочъ своего хвоста на шнуркѣ у колышка, а самъ оказываюсь за порогомъ. Пожалуйста, обратите вниманіе, я до сихъ поръ ношу слѣды подобныхъ случаевъ.

— Пошли даже сплетни, что будто бы собаки кузнеца такъ обезобразили мой хвостъ,—но это, очевидно, клевета и безстыдная ложь!

— И я такъ уже привыкъ къ этому, прогулки въ лунную ночь такъ сроднились съ моею натурой, что свѣтитъ ли мѣсяцъ, не свѣтитъ ли,—я долженъ удалиться изъ своей норы, лишь только начнетъ смеркаться.

— И мало того, чѣмъ темнѣй, тѣмъ больше тянетъ меня изъ дома въ деревню.

1.

— Иногда стоитъ такая темная ночь, что хоть глаза выколи, а я, несчастнѣйшее существо, блуждаю около какого-нибудь курятника.

— И только какое-нибудь кудахтанье курицы или пѣніе пѣтуховъ (о кагаканѣ гусей я даже и не упоминаю) до нѣкоторой степени успокаиваютъ мои нервы. Увы! Такова ужъ моя судьба!

Тутъ лисъ вздохнулъ такъ сильно, что усы его щетиною поднялись кверху, потомъ свалился на постель и смачно захрапѣлъ, широко облизываясь во снѣ.

Но сегодня Чепухинскій-Вздорный былъ преисполненъ безпокойства.

И утро прошло, и полдень миновалъ, а лиса все еще не было.

Выглянуть ученый лѣтописецъ разъ, выглянуть другой,—кругомъ, куда глазъ хватить,—шумить тихо лѣсъ, а деревья таинственно переговариваются другъ съ другомъ, качая верхушками. Пониже, по вѣтвямъ дубовъ, скакали бѣлки, а еще ниже шептались папоротники, мхи и земляничные кустики, осыпанные красными ягодами. Вообще—тишина.

Уже и вечеръ началъ приближаться, и мѣсяцъ блеснулъ на небѣ, а лиса нѣтъ, какъ нѣтъ.

Тогда Чепухинскій-Вздорный опоясался сверхъ своей епанчи, надѣлъ на голову кашпошнъ и, проникнутый живымъ безпокойствомъ, рѣшилъ пойти отыскивать Обѣдалу. Добрый гномъ привязался къ лису, ничего не зная о его разбойничьихъ похожденияхъ и считалъ его добродѣтельнѣйшимъ звѣремъ.

И вотъ, онъ набилъ трубочку и хотѣлъ, было, передъ уходомъ закурить ее, какъ вдругъ, со стороны узкаго прохода послышались чьи-то тяжелые шаги. Было ясно слышно, какъ кто-то шелъ со стороны деревни. Кто-то въ большихъ и подкованныхъ сапогахъ.

Изумился Чепухинскій-Вздорный и какъ стоять, такъ и остановился, съ кремнемъ въ одной рукѣ и съ трутомъ въ другой, остановился и началъ внимательно прислушиваться.

Шаги приближались съ каждою минутой; вотъ они уже у самаго задняго крыльца.

Чепухинскій-Вздорный приставилъ ухо къ стѣнѣ, какъ вдругъ услышалъ густой полось кузнеца, котораго видѣлъ недавно на порогѣ его кузницы.

— Подожди, проклятый!—говорилъ этотъ голосъ.—Бабы не справились съ тобою,—такъ я справлюсь...

Воцарилась тишина; а у гнома сердце страшно билось. Тѣмъ не менѣе, онъ не отнималъ уха отъ земли и ждалъ, что будетъ.

Вдругъ что-то такъ страшно ударило его въ носъ, что онъ чихнулъ три раза подъ рядъ.

— Ага!... уже дошло. Уже чихаетъ!—послышался вновь густой голосъ кузнеца.—Подожди! Получишь еще и не такое угощеніе.

И дѣйствительно, тотчасъ же огромный клубъ ѣдкаго дыма сквозь отверстіе ямы ударилъ въ самый носъ гнома, такъ что онъ отпрянулъ назадъ, чихая отчаяннѣйшимъ образомъ.

Тѣмъ временемъ въ яму ворвался другой клубъ, третій, и воздухъ настолько пропитался дымомъ, что у Чепухинскаго-Вздорнаго изъ глазъ потекли слезы. А кузнецъ продолжалъ все свое:

— За моихъ насѣдокъ! За моихъ пѣтуховъ! За моихъ индюшекъ! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!

А при каждомъ новомъ словѣ сквозь узкое отверстіе валилъ такой удушливый дымъ, что во всей ямѣ сдѣлалось совершенно темно.

Ошеломленный Чепухинскій-Вздорный ощупью искалъ другого выхода, который велъ въ лѣсъ, но голова у него такъ кружилась, передъ глазами висѣла такая густая синяя завѣса, что онъ безсознательно бѣгалъ изъ угла въ уголъ и никакъ не могъ напасть на желанный выходъ.

Холодный потъ покрылъ его лобъ; сердце билось все болѣе и болѣе учащенно; вся яма, казалось, кружилась передъ его глазами, а дыму прибывало все больше и больше. Бѣдный лѣтописецъ уже начиналъ думать, что пришла его послѣдняя минута, какъ вдругъ, нечаянно нащупавъ выходъ, онъ, полузадохшійся, выскокить изъ ямы въ лѣсъ, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, свалился въ папоротникъ и впалъ въ безчувствіе.

Было тихое раннее утро, когда гномъ очнулся отъ долгаго обморока. Въ воздухѣ еще чувствовался запахъ гари, но его уже развѣвалъ восточный вѣтерокъ.

Сѣлъ Чепухинскій-Вздорный, жадно вдыхая свѣжій воздухъ; но

прошло не мало времени, прежде чѣмъ онъ совершенно опамятовался. Голова его еще и теперь была до такой степени тяжела, что валилась то на одно плечо, то на другое.

Когда, наконецъ, все это прошло, онъ кинулъ взоръ по направлению къ ямѣ, но, вмѣсто нея, увидалъ только кучу раскопаннаго песку, прокопченнаго дымомъ. Поднялся ученый мужъ и въ величайшей тревогѣ побѣжалъ къ пожарищу. Онъ вспомнилъ, что въ ямѣ остались перья, которыя ему подарилъ Обѣдало, чернильница, сдѣланная изъ жолудя, а главное, только что сшитая изъ березовой коры книга, сооруженіе которой стоило ему не малаго труда. Но напрасно онъ разрывалъ палочкой песокъ чуть не до самаго полудня,—отъ перьевъ остались лишь обгорѣлые кусочки, отъ книги—свернувшіеся въ трубку и обожженные листки, а чернильница пропала безъ всякаго слѣда.

Заломилъ тогда руки лѣтописецъ, видя полное разрушеніе всѣхъ своихъ надеждъ, и двѣ ясныя слезы скатились по его закопченному лицу.

...Такъ вотъ какое приключеніе ожидало его! Такъ этотъ кровавадный звѣрь и великій вождь татаръ, Великій Лисъ, уводящій въ плѣнъ куръ и пѣтуховъ,—одно и тоже? Такъ вотъ что обозначали прогулки во время лунныхъ ночей? Значить, и онъ, самъ Чепухинскій-Вздорный, помогать лису въ совершеніи его нечестивыхъ дѣлъ? Значить, онъ проживалъ подъ кровлей безжалостнаго зло-

дѣя. А теперь ему придется нести часть наказанія за то, что онъ легкомысленно довѣрился измѣннику.

Долго стоялъ гномъ, погруженный въ печальныя мысли, когда отъ задумчивости его пробудилъ шелестъ многочисленныхъ крыльевъ и громкое карканье.

Онъ смотрѣлъ кверху,—то была стая воронъ, летящихъ надъ нимъ и направляющихся къ кустамъ лещины. Вороны покружились надъ этимъ мѣстомъ и спустились на землю черной тучей.

Гномъ направился туда и къ своему величайшему ужасу увидѣлъ бездыханно лежащаго Обѣдалу, надъ которымъ и кружилась нерная стая.

Заплакалъ добрый Чепухинскій-Вздорный надъ такою страшною судьбою несчастнаго звѣря, глубоко надвинулъ капюшонъ на голову и пошелъ, куда глаза глядятъ.

II.

Грустна и тяжела была дорога бѣднаго лѣтописца. Надъ боромъ уже леталъ осенній вѣтеръ, срывалъ съ деревьевъ листья, съ шумомъ уносилъ ихъ въ даль и бросалъ на земь. Поля пожелтѣли, луга почернѣли, послѣдній жаворонокъ давно уже пересталъ пѣть. Блѣдное, словно угасшее солнце едва проглядывало сквозь тучи, гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ. Журавли, прорѣзывая туманъ, съ крикомъ летѣли далеко-далеко за море.

Голодный и озябшій, Чепухинскій-Вздорный совсѣмъ бы погибъ, если бы не кучки пастушонковъ, которые на жнивьяхъ разводили костры и пекли картошку.

И вотъ, гдѣ только въ полѣ онъ ни усмотритъ синюю ленту дыма, гдѣ ни замѣтитъ маленькій огонекъ, такъ и направляется къ нему, садится на вязанку хвороста и проситъ у пастушонковъ картофелю. Пастушонки охотно давали ему, потому что за ѣдою онъ рассказывалъ имъ дивныя дивы, а дѣти слушали, разинувъ ротъ.

— Эхъ! Эхъ!—говорилъ онъ,—не въ такихъ я передѣлкахъ бывалъ! Разъ, помню, служилъ я въ войскѣ,—тогда я еще былъ

адъютантомъ,—а его величество со всею арміею держаль квари-
тиру подъ печкой у одной бабы. И вдругъ назначенъ былъ маршъ
отъ печки до самаго порога.

Король посылаетъ меня, какъ своего адъютанта, разспро-
сить, можетъ ли войско двинуться въ ходъ. Я выхожу, смотрю,—
баба прядетъ.

Я вѣжливо кланяюсь ей и спрашиваю:

— Можетъ ли наше войско пройти черезъ хату?

Баба вытаращила глаза, но все-таки говорить:

— Можно.

Я тотчасъ же отправился къ королю, король приказалъ уда-
рить въ бубны, подъ печкой началось усиленное движеніе, музы-
ка заиграла маршъ, и все наше войско прошло по хатѣ, отдавая
воинскую честь бабѣ. Но когда она потомъ рассказывала объ этомъ,
ей никто не хотѣлъ вѣрить.

— Какая штука!—говорятъ пастушонки, еще шире откры-
вая ротъ.

А Чепухинскій-Вздорный подкидываетъ еще охапку хвороста,
посыпаетъ картошку горячимъ пепломъ, и снова начинаетъ раз-
сказывать:

— А въ другой разъ вотъ что было:

Женился одинъ нашъ Краснолюдокъ, но онъ былъ бѣденъ, и
гостей ему угостить было нечѣмъ. Вотъ онъ идетъ къ овчару
и говоритъ:

— Дай мнѣ самаго маленькаго ягненка, а я тебя за это пригла-
шу на свадьбу.

Овчаръ далъ ягненка. Прошло немного времени, вдругъ являются дружки и приглашаютъ овчара на свадьбу.

— А гдѣ будетъ свадьба?—спрашиваетъ овчаръ.

— Въ мышей норкѣ,—отвѣчаютъ дружки.

— Ну, хорошо.

Нарядился тогда овчаръ въ новый зипунъ, сапоги саломъ намазаль, воротъ рубахи связаль новою ленточкой,—идеть.

Тяжело ему было только войти, но онъ согнулся хорошенько и вошелъ.

Вотъ удивился—то онъ!

Онъ думаль, что въ какой-то мышей норкѣ будетъ тѣсно и грязно, а тамъ все сверкаеть золотомъ. Музыка играетъ, молодая идетъ въ первой парѣ, а столъ накрытъ на сто персонъ, и на немъ дымится жаркое изъ ягненка.

Наѣлся овчаръ досыта, натанцовался вволю, а когда уходилъ, то музыка играла ему вслѣдъ. Вышелъ онъ наружу и все поеть, все поеть.... а эту свадьбу вспоминаль до конца своей жизни.

— Боже Ты мой!...—снова восклицаютъ пастушонки. Тотъ и этотъ киваютъ головами и говорятъ:

— Да! да! Краснолюдки, хоть и малый народъ, очень сильны и много вещей знаютъ.

III.

Въ то время, когда это происходило, Полубояринъ вышелъ на маленькую осеннюю прогулку.

Здоровье его снова было въ цвѣтущемъ состояніи. На отдувшемся горлѣ едва виднѣлся шовъ, который наложила ему бабушка, но огромный бѣлый галстукъ почти скрываль все это.

Въ этотъ день на Полубояринъ была табачнаго цвѣта визитка, сѣрые штаны, красивый жилетъ, вдоль котораго колебался тяжелый брелокъ отъ часовъ, съ гербовой печатью. Воротнички и манжеты его рубашки отливали снѣжной бѣлизной, подъ мышкой тросточка, на ногахъ—легкіе башмаки, руки затянуты въ зеленые перчатки.

Онъ шелъ, надутый и довольный самимъ собою, голову высоко задиралъ кверху, и, хотя потерять голосъ, самомнѣнія у него прибавилось вдвое. Вотъ это-то самомнѣние такъ и раздувало его.

Старые товарищи его выползали на берегъ ручья, тотъ и другой заквакали отъ изумленія; но Полубояринъ даже не благоизволилъ обратить на нихъ вниманія.

— Эта лягушачья толпа думаетъ, что можетъ браться и дружить со мною!—шепталъ онъ самому себѣ.—Какое безстыдство! Я какъ можно дальше переселюсь отъ этого ручья, чтобы не знаться съ такой милой семейкой.

— Очень можетъ быть, что я куплю себѣ въ городѣ домъ, Тѣхъ денегъ, которыя я получилъ отъ гномовъ за мою прекрасную музыку, хватитъ.

Онъ шелъ, раздумывая объ этомъ, какъ вдругъ до него долетѣлъ какой то тихій умоляющій стонъ.

Смотритъ Полубояринъ, а у плетня стоитъ старый, маленькій человѣчекъ съ обнаженной головою, съ худымъ лицомъ и протягиваетъ къ нему руку, прося о вспоможеніи.

— Не откажите въ моей просьбѣ, господинъ!—говоритъ несчастный подавленнымъ голосомъ.—Я—бездомный скиталецъ... Чепухинскій-Вздорный по прозвищу... Можетъ быть, вы слышали обо мнѣ? Я когда-то былъ придворнымъ историкомъ короля Огонька... Меня покинуло все... все, и слава, ради которой я пожертвовалъ спокойствіемъ, и счастье. Гдѣ товарищи мои? гдѣ моя страна?

Онъ говорилъ, а крупныя слезы такъ и лились по его исхудалому лицу.

Но Полубояринъ надулся еще больше и хотѣлъ было пройти мимо, какъ вдругъ увидалъ сороку, которая сидѣла на плетнѣ и смотрѣла на него то однимъ, то другимъ глазомъ. И онъ въ тотъ же моментъ измѣнить свое намѣреніе и полѣзъ въ карманъ.

Онъ зналъ отлично, что еще въ тотъ же самый день вся околица узнаетъ отъ этой сороки, какой Полубояринъ милостивый и великодушный.

Чепухинскій-Вздорный подставилъ свой капюшонъ, ожидая милостыни; но въ это время сорока, испуганная его движенія, улетѣла.

Полубояринъ еще разъ измѣнилъ свое намѣреніе, и, нащупавъ пальцами въ своихъ карманахъ нѣсколько засохшихъ и истертыхъ листьевъ, вытащилъ ихъ и бросилъ бѣдняку въ капюшонъ.

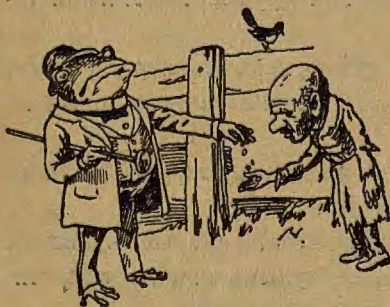
— Спасибо!—говоритъ Чепухинскій-Вздорный.

И вдругъ эти листки заблестали въ его капюшонѣ, какъ солнце.

Смотритъ Полубояринъ, а бѣднякъ держитъ въ рукахъ горсть чистѣйшаго золота; схватился за карманъ, въ которомъ держалъ кошелекъ съ дукатами,— а тамъ только горсточка сора.

Вскрикнулъ Полубояринъ, какъ будто никогда не терялъ голоса, и поднялъ на бѣдняка трость, но маленькій старый человѣчекъ исчезъ изъ его глазъ, словно сквозь землю провалился.

Только въ воздухъ послышался голосъ, идущій отъ далекаго ручья: «Братъ... братъ... нашъ... нашъ... лягушка... такой же, какъ и мы!».. То былъ послѣдній хоръ лягушекъ въ эту осень.

Возвращеніе гномовъ подъ землю.

I.

Солнце заходило, огромное и золотое, осеннее солнце. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ небо распогодилось, земля отогрѣлась, какая-то полевая птичка запѣла запоздалую пѣсенку.

Въ розовомъ воздухѣ, на межахъ, маргаритки смыкали свои золотистые и серебристые глазки; въ великой золотой тиши съ тополея падали послѣдніе листья.

Скребекъ только что достѣялъ послѣднюю горсть пшеницы и стоялъ, озаренный вечернимъ заревомъ, въ своей холстинной рубашкѣ, съ обнаженной головою, съ радостнымъ и яснымъ лицомъ и смотрѣлъ, какъ догораетъ заря. У лѣса пасли лошадку два его мальчонка, здоровые и крѣпкіе, словно цвѣты полевого мака; лошадка, нѣтъ-нѣтъ, да и заржетъ, щипнетъ клочекъ оставшейся травы, а дѣтскіе голоса громко раздавались въ вечерней тиши.

Но въ Соловыиной Долинѣ царилъ шумъ и суматоха. То король Огонекъ созвалъ совѣтъ и теперь торжественно закрывалъ его. Зрѣлище было прекрасное.

Подъ вѣковѣчнымъ дубомъ, листья котораго еле-еле дрожали въ тихомъ, ясномъ воздухѣ, стоялъ королевскій тронъ, сложенный изъ полевыхъ каменьевъ, покрытый ковромъ мховъ, украшенный цвѣтами. Вокругъ трона дружина вѣрныхъ Краснолюдковъ въ яркихъ одеждахъ, въ пестрыхъ капюшонахъ, съ присвоенными имъ орудіями въ рукахъ.

Дружина держать себя бодро, нѣтъ ни одного печальнаго и унылаго лица.

Улыбка перелетаетъ съ устъ на уста, въ глазахъ блещетъ отвага, руки сплетаются въ братскомъ рукопожатіи, сердца бьются живо.

Но вдругъ шумъ умолкъ, и говоръ утихъ.

Всталъ король такимъ, какимъ онъ былъ въ Иванову ночь, въ бѣлой королевской одеждѣ, въ золотой коронѣ, съ брилліан-

товымъ скипетромъ. Но хотя онъ былъ весь въ бѣломъ, отъ заходящаго солнца на него падалъ такой блескъ, что порфира его отливала то золотомъ, то пурпуромъ, по лицу мелькали яркіе огоньки, а сѣдая его борода отливала серебромъ.

Вотъ онъ всталъ и поднялъ скипетръ. Трубаچی проиграли на золотыхъ трубахъ краткій сигналъ и замолкли.

Король посмотрѣлъ на свой народъ и сказалъ:

— Дружина моя вѣрная! Труженики мои! Кончается вашъ день и ваша работа. Наступаетъ вечеръ, а съ нимъ отдыхъ и спокойствіе. Оглянитесь на утро и на полдень вашего труда при блескахъ вечерней зари, ибо она, — тотъ факель, который показываетъ правду дня.

Здѣсь старый король остановился, и наступила тишина. А въ это время издали послышался какой-то шумъ, говоръ, и удары молота. То звонарь исправлялъ давнымъ-давно испорченный колоколъ на старой колокольнѣ и ковалъ ему новое сердце.

Но король заговорилъ снова:

— Была весна, и вы сѣяли цвѣты, пустынные и дикія мѣста обращали въ радостныя и прекрасныя. Было лѣто, — и вы плѣли пѣсни погоды и труда. Пришла осень, и вы стоите, рѣшенные ея золотомъ и пурпуромъ, и считаете, какіе плоды она принесла вамъ, дабы вы воспользовались ими въ радости.

Тутъ король замолчалъ, отдохнулъ на время, и была тишина.

И снова въ этой тишинѣ, но только еще сильнѣй, слышался тотъ же странный звукъ.

Молотъ все громче ударялъ на высокой башнѣ.

Холодомъ дохнуло на дружину Краснолюдковъ, холодомъ тѣни, сумерокъ и сырой земли, неожиданная дрожь охватывала то одного, то другого.

Король говорилъ дальше:

— Въ вечерней зарѣ золотится комокъ земли, который прежде находился въ запустѣннѣи, а теперь вспаханъ и засѣянъ зерномъ. И вотъ, золотится радостью душа человѣка, который сдѣлалъ это.

И вы были помощниками его.

— И вотъ головки его дѣтей, увядшія головки, — ожили, и были дѣти его грустны, а теперь радостны, и были они предназначены мраку, а теперь предназначены свѣту.

— Но вы были помощниками свѣта.

И вотъ, сирота, которая была, какъ ягненокъ безъ пристанища, и какъ голубъ безъ гнѣзда, пригрѣта подъ кровлей и принята въ семью, какъ родная. Она — благословеніе хаты, и добро вошло вмѣстѣ съ нею, какъ входитъ благоуханіе вслѣдъ за весеннимъ цвѣткомъ.

Вы и въ этомъ пришли со своею доброю помощью.

Король замолчалъ, и наступила тишина.

А въ этой тишинѣ отозвались три удара молота; только три, но такіе могучіе, что сразу можно было узнать, что эти удары послѣдніе, и что дѣло мастера кончено.

Повернуль король свою сѣдую голову и началъ прислушиваться, и дружина его прислушивалась.

И прошла по нимъ дрожь, и холодомъ повѣяло отъ бора. Глаза ихъ потухли; улыбка исчезла; руки начинали судорожно сжиматься.

Вспомнили тогда Краснолюдки старое — престарое сказаніе, что гдѣ ударить колоколъ, тамъ они должны скрываться подъ землю.

Но король былъ спокоенъ и такъ говорилъ дальше:

— Одного изъ товарищей мы утратили, братья, ученаго Чепухинскаго-Вздорнаго. Онъ отдѣлился отъ насъ, чтобы искать

славы. Не намъ судить его. Пускай онъ идетъ за своею звѣздою. Что касается насъ, то мы прожили здѣсь хорошіе дни и счастливыя минуты. Благословимъ этотъ уголокъ земли!

— Благословимъ! — воскликнули вѣрные Краснолюдки.

И вдругъ сдѣлалась тишина.

Вознесъ руки старый король, простеръ ихъ надъ умиротворенной долиной и благословилъ ее.

Сто рукъ поднялось въ воздухъ, въ которомъ дрожала сверкающая звѣзда королевскаго скипетра, и всѣ благословили этотъ уголокъ земли.

А въ это время солнце огромнымъ шаромъ скатилось за край горизонта.

— Прекрасный закатъ! — сказалъ король.

— Прекрасный... прекрасный закатъ! — воскликнули вѣрные Краснолюдки.

Въ эту минуту зазвонили колокола...

Далеко гдѣ-то, далеко, высоко гдѣ-то, высоко, надъ боромъ, надъ лѣсомъ, плылъ голосъ колокола и обнималъ поля и дуга, и дрожали подъ нимъ орошенныя травы, и злаки, и отъ неба до земли широко разливался голосъ колокола...

И вдругъ отъ этого голоса съ вѣрныхъ Краснолюдковъ начали осыпаться ихъ краски такъ, какъ осыпаются золотые листья съ деревьевъ въ голубой и солнечной тишинѣ сентябрьскаго утра.

Пригорокъ, тронъ, старый король и вся дружина развѣялись тѣнью.

Колоколь звонилъ... солнце угасало.

Листки, легко носящіеся надъ землею, посыпались внизъ.

Подъ ихъ слоемъ исчезъ пригорокъ, на которомъ за минуту стояли Краснолюдки.

Они покажутся снова, но не раньше, чѣмъ засвѣтитъ весеннее солнышко.

Изъ всего народа малыхъ Краснолюдковъ на землѣ остался только одинъ Чепухинскій, который не попалъ на общую сходку.

Старый, покинутый сирота, при мѣсячномъ свѣтѣ тихо ступаетъ по снѣгу и грѣетъ дрожащія руки въ серебряномъ свѣтѣ.

Одинъ Чепухинскій ходитъ по свѣту съ своею бѣлой бородою, съ большими, косматыми бровями, съ капюшономъ, а также и со своимъ старымъ, добрымъ сердцемъ, съ связкою ключей у пояса, которыми запираетъ полевые колокольчики, чтобы они не будили спящихъ луговъ, и ландыши, чтобы они не будили лѣса во время зимы.

Одинъ Чепухинскій ходитъ по свѣту, нижеетъ блестящіе шнурки изъ яснаго инея. Онъ уже совершенно покинулъ мысли о славѣ, которая была источникомъ его гордыни и несчастія.

Сдѣлался онъ простымъ, тихимъ, добрымъ, не гнушается малыми, дѣлитъ сердце со всѣмъ живымъ твореніемъ.

Тяжелыя минуты испыталъ онъ, когда узналъ отъ маэстро Сарабанды о закатѣ и сумеркахъ всей своей дружины, которая скрылась подъ землею отъ мороза.

Но потомъ онъ переболѣлъ, и часто сидитъ подъ дубомъ съ дивнымъ музыкантомъ и слушаетъ его пѣсни.

Большую свою «Исторію Краснолюдокъ» онъ навѣрно никогда не напишетъ.

Да и зачѣмъ ему, зачѣмъ всему міру такая книга, которую огонь можетъ спалить, а вѣтеръ развѣять?

Онъ нашелъ себѣ лучшую, живую книгу.

Онъ садится у кроватки дѣтей, когда они не могутъ уснуть, и рассказываетъ имъ о королѣ Огонькѣ, о его золотой коронѣ, королевскомъ одѣяніи и брилліантовомъ скипетрѣ, онъ рассказы-

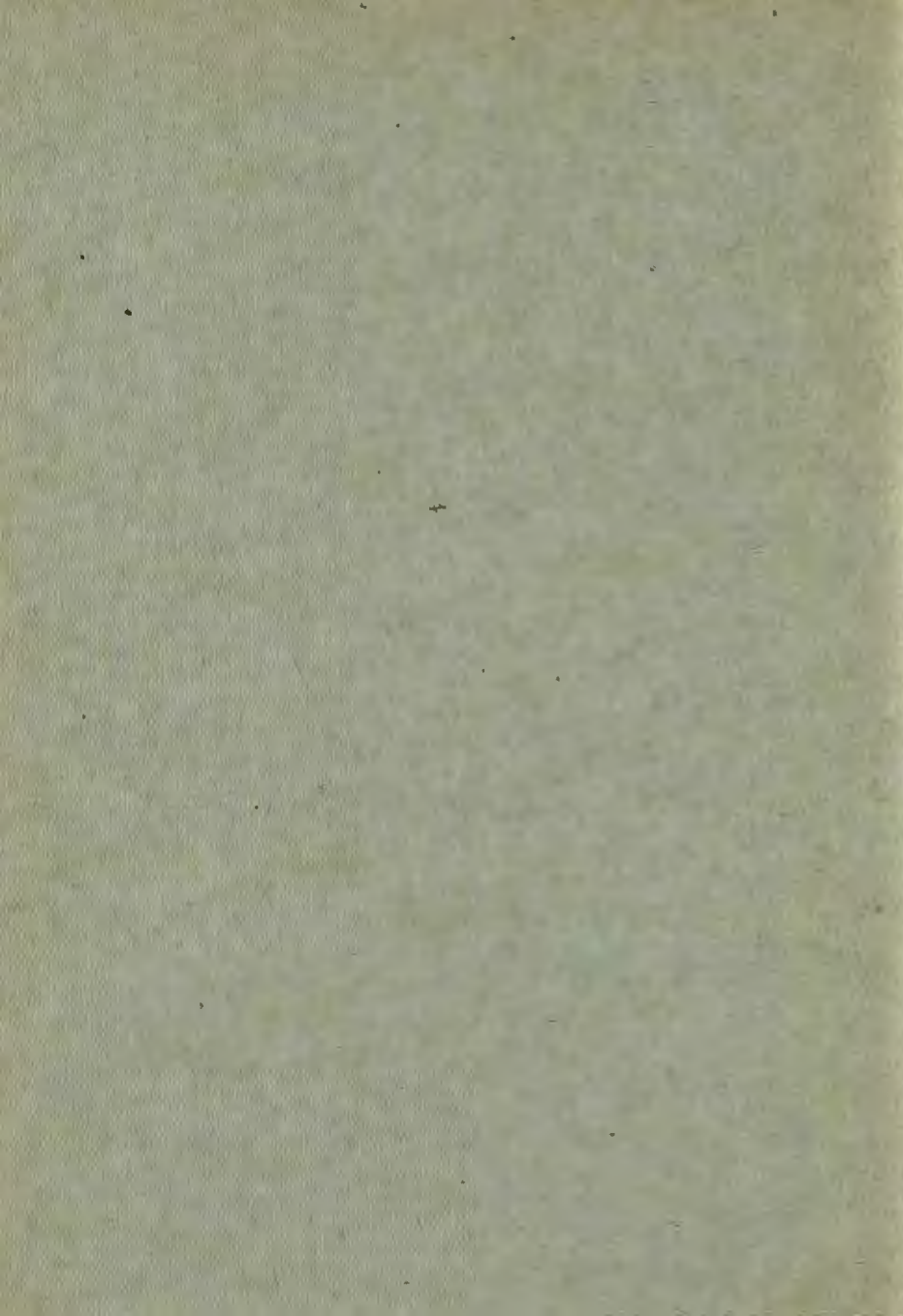
ваетъ имъ о Кристальной пещерѣ, о мечахъ, о щитахъ, о рыцаряхъ, онъ имъ говоритъ, о великой весенней экспедиціи на телѣгѣ Скробка, о сокрытыхъ сокровищахъ, о дружинѣ вѣрныхъ товарищей и о сироткѣ Марисѣ.

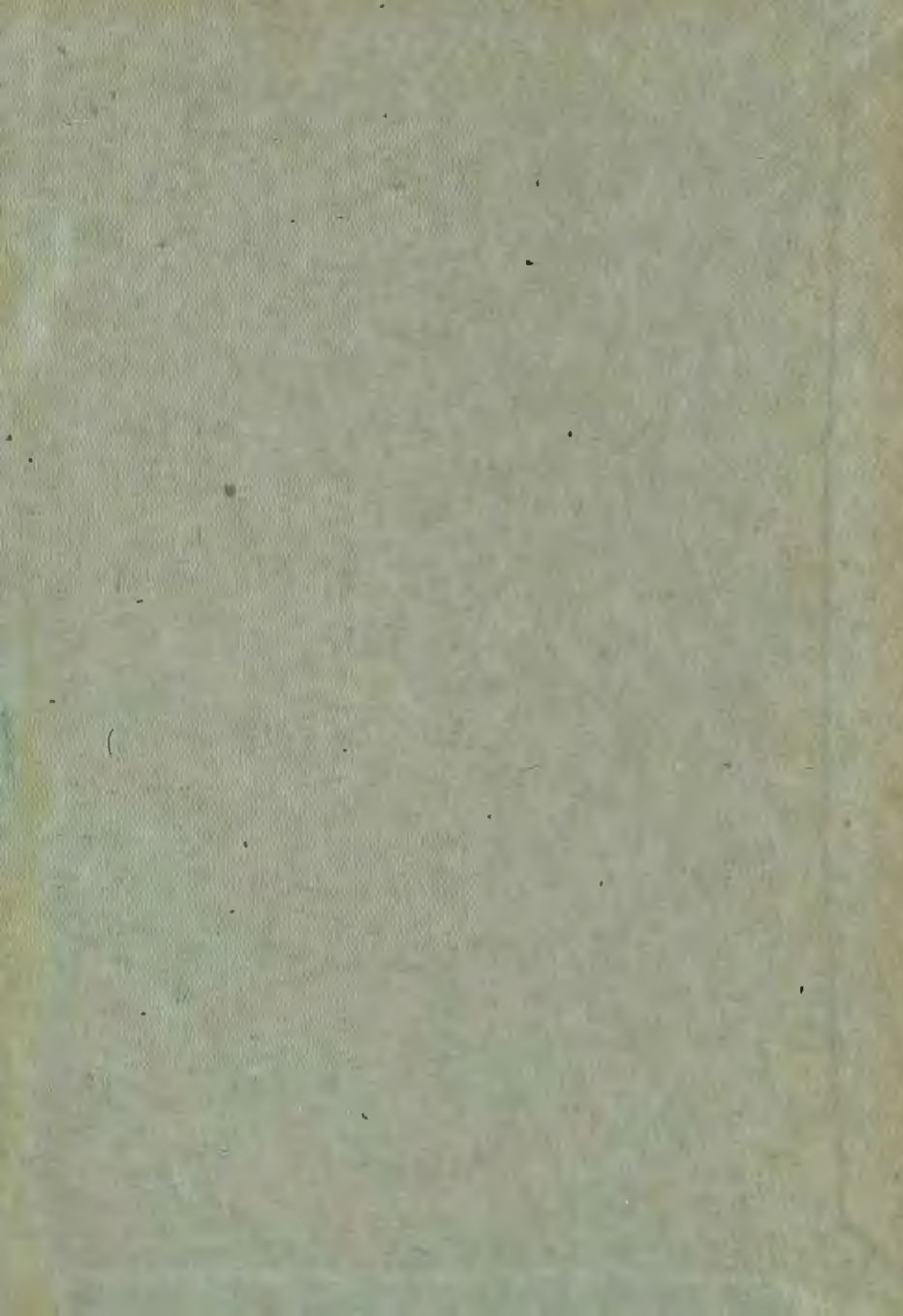
Онъ и мнѣ, когда на меня напала бессонница, однажды зимнею ночью, рассказалъ всю эту исторію, которую я здѣсь вѣрно изобразила.

Цѣна 1 руб.

2007054858